

МАКС МАХ



КВЕСТ ИМПЕРИЯ

КВЕСТ ИМПЕРИЯ

НАША ДЕВУШКА

ИМПЕРИИ МИНУТЫ РОКОВЫЕ

Квест империя

Макс Мах

**Квест империя: На запасных
путях. Наша девушка. Империи
минуты роковые (сборник)**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Квест империя: На запасных путях. Наша девушка. Империи минуты роковые (сборник) / М. Мах — «АСТ», 2017 — (Квест империя)

ISBN 978-5-17-100958-8

Чудеса еще случаются. Иногда. И тогда гадкий утенок – обыкновенная питерская докторша Лика встречает своего сказочного принца – старого, действительно старого, коминтерновца Макса, и начинаются захватывающие приключения на Земле, в параллельных реальностях и в далекой галактической империи Ахан. Перед вами космическая опера, которая не зря названа «Квест империя». Это квест, в котором есть место и космическим битвам, и рукопашным схваткам, и магии (чуть-чуть), и альтернативной истории с сестрой ее, криптоисторией, и детективу, и образам готического романа. Здесь есть все: любовь и война, боевые столкновения в Женеве и Петербурге, галактические аристократы и коварные руководители человеческих и нечеловеческих спецслужб и, естественно, верные друзья. Итак, квест начинается, а приз в этом путешествии за счастьем – империя. Скучно не будет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100958-8

© Мах М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

От автора	6
На запасных путях	7
Увертюра. Осколки зеркала	7
Часть I. Наш бронепоезд	13
Прелюдия. Лика	13
Глава 1. Лика и старец	13
Глава 2. Сезон охоты	22
Глава 3. Маска	34
История первая. Путешествие в страну утопии	46
Глава 4. За порогом	46
Глава 5. Вечер вопросов и ответов	55
Глава 6. Преданья старины глубокой	63
Глава 7. Тени в раю	71
Маленькая ночная серенада	78
Часть II. Наш паровоз	80
Прелюдия. Волки и овцы	80
Глава 8. В волчьей шкуре	80
Глава 9. В овечьей шкуре	91
История вторая. Край пирога	101
Глава 10. Невыносимая легкость бытия	101
Интерлюдия. Как делают монстров-1	113
Глава 11. Что мы имеем с гуся	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Макс Мах

**Квест империя: На запасных путях. Наша
девушка. Империи минуты роковые**

© Макс Мах, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

От автора

Автор обращает внимание читателей на тот факт, что в целях сокращения количества сущностей, с которыми приходится иметь дело, везде, где это возможно, используются земные аналоги представителей животного и растительного царств, а также социальных, культурных, религиозных и экономических явлений и понятий в применении к иным мирам и народам, их населяющим.

Отдельно следует сказать несколько слов относительно личных имен и части географических названий. Как часто случается и в земных языках, перевод имен собственных невозможен в принципе. Но и то, как произносится имя на том или ином языке и как оно звучит, скажем, по-русски, «две большие разницы». Так, например, следует иметь в виду, что верхнеаханский – так называемый блистательный – диалект общеаханского литературного языка включает 18 йотированных дифтонгов – гласных звуков (типа я, е, ю). Кроме того, имеются три варианта звука й, и 23 гласных звука (типа а, о, у), различающихся по длительности (короткий, средний, длинный, очень длинный). Соответственно то, что мы, к примеру, можем записать и произнести по-русски, как личное имя Йя, есть запись целой группы различных имен. В данном случае это четыре личных имени, три из которых женские, а одно – мужское, и еще два слова, одно из которых существительное, обозначающее местный кисломолочный продукт на северо-западе Аханского нагорья, а второе – глагол, относящийся к бранной лексике. Соответственно запись имен и географических названий, данная в тексте, есть определенная форма графической и фонетической (звуковой) условности.

Другая трудноразрешимая проблема касается отдельных религиозных, исторических и литературных реалий миров империи. Автор решает ее некоторым количеством сносок в тексте.

На запасных путях

Квест (Quest) – 1. книжн. поиски; 2. поэт. предмет поисков; 3. ист. поиски приключений.

Империя (от лат. Imperium – власть) – монархическое государство, глава которого, как правило, носил титул императора.

*Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...*

Увертюра. Осколки зеркала

Прошлое не исчезает. Время разбивает зеркало, в которое смотрелось поколение, и творит новое отражение, судьба которого быть разбитым в свой черед. Но прошлое не умирает, оно сопровождает нас всегда и везде. Оно, как комета, состоящая из осколков разбитого зеркала, летит из былого в грядущее, иногда опережая нас, но никогда не отставая. Случается, неясные блики прошедшего падают на лик настоящего. Увидеть их трудно, понять сложно, составить целостную картину из мелких осколков – непосильный труд.

Герцог Йёю-Ян. Сущность Отражения (Малое Послание)

Девятый день первой декады месяца цветов 2982 года от основания империи, Москва, планета Земля (31 сентября 2000 года)

– Садись, – сказал Рябов и буквально втолкнул Ланцова в кресло перед монитором. – Смотри!

Ланцов смотрел на Рябова и не мог отделаться от мысли, что случилось что-то ужасное. Рябов был явно не в себе, а на памяти Ланцова такое случилось впервые. Леонид Андреевич всегда отличался собранностью, выдержкой и холодной расчетливостью. Но сейчас он был бледен, глаза лихорадочно блестели, губы были плотно сжаты, и Ланцов боялся признаться самому себе, что знает, почему они сжаты. Чтобы не дрожали!

«Да что же такое происходит? – думал он с оторопью, почти с ужасом, пока подошедший к компу с другой стороны Рябов вставлял CD диск и что-то быстро играл тонкими нервными пальцами на клавиатуре. – У нас что, переворот? Или президента, не дай господи...»

Но додумать он не успел.

– Смотри! – приказал Рябов, в голосе которого явно слышались истеричные нотки. – Да не на меня! На экран смотри!

Это была оперативная съемка. Ланцов за годы работы в конторе видел их без счета, впрочем, такого он не видел никогда.

Двое мужчин неопределенного возраста и красивая молодая женщина вошли в лобби отеля. Что-то во внешнем виде этих людей насторожило его, но сосредоточиться на этой мысли не получилось, потому что Ланцов узнал гостиницу. Он тут же хотел спросить Рябова, не связано ли это со вчерашним инцидентом, но в следующее мгновение ему стало не до вопросов. Ланцов увидел такое, чего не бывает на самом деле, потому что быть не может; такое если и случается, то только и исключительно в кино. Но не в таком кино, какое эксперт-аналитик

Ланцов смотрел сейчас, а в настоящем кино, которое с каскадерами, комбинированными съемками и компьютерной анимацией.

Кто-то – Ланцов видел только затылок вошедшего в кадр мужчины – сказал:

– Ничего личного, Федор Кузьмич.

И это было все, что успел сказать незнакомый Ланцову мужчина.

Сколько времени требуется, чтобы сказать эту фразу? Такой вопрос Ланцов непременно задал бы себе несколько позже. И он легко мог получить на него ответ. 25 звуков, произнесенных спокойным ровным голосом со скоростью 12 и три десятых звука в секунду. Чуть больше двух секунд. На самом деле меньше, потому что при повторном замедленном просмотре стало очевидно, что человек, начавший произносить эту фразу, умер на 22 звуке и фразу не закончил. Это мозг Ланцова дополнил незаконченное до целого, но последние два с половиной звука умерли вместе с говорившим. Вероятно, Ланцов – будь у него время и возможность – узнал бы из записи не только это, но и многое другое, однако не привелось.

А тогда, в первое мгновение, он просто не понял, что происходит. Спокойный ритм записи был сломан. Экран буквально взорвался, наполнившись хаотичным движением и выплеснув на Ланцова каскад громких звуков.

– Что это? – спросил он, поворачиваясь к Рябову, и услышал свой голос как бы со стороны. Выяснилось, что Ланцов разом охрип.

– Что это? – спросил он, когда двухминутная запись прекратилась. – Она кто?

– Уже никто, – сказал из-за спины чужой холодный голос.

Ланцов вздрогнул и обернулся. В дверях стоял высокий кряжистый мужчина. Внешность у него была заурядная, и, кроме роста, он ничем не выделялся и не запоминался.

– Забудьте о ней, – сказал мужчина. – Она не должна вас более интересовать. У нас есть другие проблемы.

Вглядевшись в равнодушные прозрачные глаза незнакомца, майор Евгений Николаевич Ланцов узнал, что такое настоящий ужас.

Седьмой день третьей декады месяца дождей 2861 года от основания империи, ресторан «Лук и Чеснок», Гойра, планета Фейтти¹

– Станцуем? – предложил щенок.

– Нет, ваша светлость. – Капитан Сса Йоууйк повел ладонью вдоль груди, снимая с себя обвинение в трусости. – Сожалею, но я не танцор и не игрок в Жизнь. Мне нечем вам ответить.

– Но ты хотя бы дворянин? – Его светлость жемчужный Ё был безмятежен. Это была его река, а капитану приходилось плыть против течения, прилагая огромные усилия, чтобы держать лицо. Щенок это видел. Видел и понимал про Йоууйка все, играл с ним, как ветер цветком, но выражение лица Ё не изменилось, и взгляд серых глаз оставался нейтрально-равнодушным, никаким.

– Да, – сказал Людвиг, выдержав достаточную, на его взгляд, паузу. – Я офицер и дворянин.

Ему удалось сделать очень характерную ошибку на втором уровне выражения, такую, какую и должен был допустить новый дворянин.

– Тогда выбор за вами, офицер. – Щенок понюхал водку в своей чашечке и прищурился от отвращения: – Что это такое?

– Сахарная водка, ваша светлость. – На лице ресторатора, столбом стоявшего за правым плечом Ё, появилось выражение ужаса. – «Великое Ничто».

– Ничто и есть, – лучезарно улыбнулся жемчужный Ё. – Принеси мне что-нибудь другое, добрый человек.

¹ Фейтти – коронная провинция Аханской империи и одноименная планета.

– Мечи? – спросил с наигранным напряжением Людвиг, изобразив недюжинную работу медлительного «крестьянского» ума Сса Йоууйка после затянувшейся паузы.

«Ну же!»

– Мечи, – согласился Ё. Он был красив и отлично сложен. Ему не нужны были ни шелка, ни драгоценности – хотя у него было и то и другое, – чтобы объявить всему миру, кто он такой и как к нему следует обращаться.

Жирные Коты были всегда и везде только тем, что они есть – жемчужными господами. И щенок на самом деле был не лучше и не хуже всех остальных Котов.

– Мечи, капитан Йоууйк, – сказал сероглазый Ё. – Сейчас, здесь.

– Мечи. – Людвиг коснулся сжатыми в щепоть пальцами правой руки лба над переносицей и прикрыл глаза. – Сейчас, но не здесь.

– Хорошо, – не стал спорить Ё, который соображал быстро и понял, почему капитану не с руки драться прямо в ресторане. – Вас устроит плато Цветов?

– Да, – коротко ответил Людвиг и сдержанно поклонился. Дело было сделано. Почти.

– Господа, – он обвел взглядом присутствовавших при разговоре офицеров, – все ли вы согласны с тем, что традиция и закон соблюдены обеими сторонами?

Естественно, все были согласны, а Ё улыбнулся и встал.

– Мой флаер вместит всех желающих. – Голос его был звучен и красив, рука лежала на рукояти фамильного меча.

Третий день первой декады месяца деревьев 2908 года от основания империи, Императорская резиденция на Сладких водах, планета Тхолан²

– Ты прелесть, Снежная, – сказала младшая Йя и улыбнулась. От ее улыбки у полковника перехватило дыхание, а в глазах Ю Чширшей – снежной Ю – полыхнуло холодное пламя бешенства.

– Ты чудо! – сказала дама Йя, все так же чарующе улыбаясь. Ее голос, голос певчей птицы, был звонок и прозрачен, а огромные серые глаза безмятежно смотрели на нефритовую Ю и князя Йири. – Князь, а вы сами-то знаете, какое чудо ваша Ю?

В ответ Йири только иронично приподнял левую бровь. Отвечать не следовало, потому что все уже было сказано. Интонация не лжет, в особенности если ей не велят.

И аназдар³ Вараба тоже понял, хотя гнев мешал ему воспринимать третий уровень выражения. Но это было простительно, иссинцы⁴ всегда были значительно более эмоциональны, чем аханки. Их разум намного легче попадал в тенета чувств, тем более в такой ситуации, в которой оказался Вараба. Впрочем, гвардейский полковник не девочка, если его что-то и выдавало, так это нарочитая сонливость, туманившая взгляд пронзительно-голубых глаз. Или это был алкоголь?

– У вас три часа времени, – пропела Йя, завершая разговор и поворачиваясь к Варабе.

– Пойдем, милый, его светлость Ё, вероятно, уже нас заждался. В три часа, Ю, на Принцессинном Поле.

– Увидимся, – легко согласилась Ю и улыбнулась в спину уходящей Йя.

Ю была высока и победительно красива. Черная, прошитая серебром лента, обвивавшая ее божественное тело от левой лодыжки до правого запястья, делала снежную белизну кожи яркой, как свет лазерной вспышки. Но его Йя была лучше, хотя бы потому, что ее он любил.

² Тхолан – 1. Столичная планета Аханской империи; 2. Город на одноименной планете – столица Аханской империи.

³ Аназдар – иссинский дворянский титул, соответствующий графскому; входит в т. н. большой круг аханской аристократии, или в круг записанных рубиновыми буквами.

⁴ В Аханской империи три государствообразующих народа – аханки, гегх и иссинцы.

Это главное, все остальное вторично. Что еще хорошего есть в этой жизни, кроме любви и войны? Ничего. Особенно если ты – солдат.

– Мерайя⁵, – сказал он, когда они отошли метров на тридцать от беззаботной компании, расположившейся на поляне, – она Чьёр.⁶

– Она сука! – В нежную трель веселой птицы вплелось рычание охотящегося атра.⁷

– Она то, что она есть, – усмехнулся он. – Я всего лишь иссинский аназдар, а ты бирюзовая Йя.

– Ты кому это говоришь, полковник? – Не иначе как та птица, которая пела сейчас, питалась тиграми на завтрак и атрами на обед. – Ты говоришь это своей виштзой?⁸

– Ты зря стараешься, медовая моя, – улыбнулся он. – Я не читаю четвертый уровень, но танцевать должен Ё. Это песня для него.

– Нет, – сказала Йя неожиданно просто. – С Ю буду танцевать я. Ю не Чьёр, хотя она цаффа⁹, конечно. Но я убивала и не таких, мой хороший, убью и ее.

– Это будет красивая песня, Абель, – сказала она через секунду и лучезарно улыбнулась. – Я посвящаю ее тебе.

Первый день четвертой декады месяца ветров 2903 года от основания империи, ориентир 17/64, планета Перо

Над головой раздался знакомый шум – короткий ухающий выдох, вот на что это было похоже, – и на скалы просыпался дождик из капель оплавленной керамики. Датчик климатического контроля вяло мяукнул и умолк, отметив локальный скачок температуры на высоте 300 метров, где сгорел сейчас еще один зонд. Свой или чужой. И те и другие выживали в небе не более нескольких секунд. И снова тишина. Не полная, не абсолютная, но все-таки тишина. Микрофоны, выведенные на уровень обычного человеческого восприятия, доносили лишь шорох песка на дне ущелья, потрескивание разогретых камней на солнечной стороне и далекий гул сходящих с ума небес. До темноты оставалось три полновесных часа, не так уж много, если подумать, но, к сожалению, и не мало. Эти три часа надо было еще прожить.

Капитан Йффай лежал ничком в расселине между двумя большими камнями. С его позиции видны были еще трое стрелков, вернее он мог видеть их на тактическом дисплее, в который превратилась сейчас лобовая броня шлема. Лежал он лицом вниз, но дела это не меняло, все равно в оптическом диапазоне ничего, кроме камней, разглядеть было невозможно. Даже своих людей он видел только благодаря идентификатору.

– Первые номера! – Коммуникатор донес до капитана сухой безжизненный голос, обезличенный многократной обработкой в кодирующих и декодирующих контурах. – Хотелось бы услышать ваш хрип.

Так мог говорить только верк¹⁰ Вараба, но для того чтобы это понять, черного полковника сначала следовало услышать живую. Однако идентификатор лишь лаконично сообщил, что на линии Вышибала. Позывные принадлежали не верку, а командиру десанта, из этого следовало... Что из этого следовало, было понятно без объяснений.

– Третья рота, – сказал он. – Кошелек.

⁵ Мерайя – солнце мое (ст. – иссинск.).

⁶ Чьёр – Стальная дева; героиня аханского эпоса. Прозвища Чьёр изредка удостоиваются женщины, которые имеют столь же совершенную подготовку, что и лучшие мастера боевых искусств, но в бою превосходят любого мастера, потому что они наделены от природы уникальными физическими и психическими способностями.

⁷ Атра – ныне вымерший крупный хищник семейства кошачьих; Западный Ахан.

⁸ Виштзой – подруга, любовница. Дословно: та, которая делит с тобой ложе.

⁹ Цаффа – дева-воительница (фольклорн.). Так называют женщин, которые являются мастерами боевых искусств.

¹⁰ Верк – первый заместитель командира полка.

В командной цепочке роты перед ним значились еще два номера, но обоих уже не было в живых. Первым теперь был он, капитан Йффай – Кошелек. Что делалось в других подразделениях, он не знал. Тактический коммуникатор срезал всю нерелевантную для него лично информацию, но капитан не питал иллюзий по поводу того, что основные потери понесла именно третья рота. Судя по всему, досталось всем.

– Ну что ж, – сказал бесцветный механический голос. – Для пикника совсем не плохо, но у нас ведь на повестке дня еще и забег. Как, птицы, полетаем?

– Полетаем. – Йффай поймал себя на том, что говорит с напускной бодростью в голосе, и кисло улыбнулся. Никому его бравада была не нужна, ее и услышать-то, кроме него, не мог никто. Но выходило, что своей цели верк добился.

Шестой день второй декады месяца дождей 86 года до основания империи, планета Тхолан

Все было кончено. Она знала, что их атака уже ничего не изменит, что «меч упал» и слава гегхских королей ушла в ночь забвения. Она все это понимала, конечно, но у нее еще оставалось право, ее личное право, умереть в бою. Мертвые не знают печали, ведь так? Не ведают они ни боли, ни позора, и ни до чего нет дела их безмянным костям. Горе поражения уже не их горе. Поэтому она была спокойна, когда вела своих рейтаров в последний бой. Не случившееся еще не существовало и не омрачало ее души.

Сколько длилась их отчаянная атака? Она не знала. Ее личное время сжалось, спрессовав в одно краткое, страшное и великолепное мгновение и стремительный бег коня, и ветер, бьющий в разгоряченное лицо, и лаву аханских сабельщиков, неумолимо, как последняя волна, надвигающуюся на нее.

Что там случилось еще? Что осталось за гранью осознания и памяти? Гул идущей в атаку лавы, дробный гром залпов и дикий визг раненого коня, взмахи тяжелых аханских сабель и искаженное ненавистью и ужасом лицо врага, увидевшего свою смерть, и пот, горячий едкий пот, и тяжелое дыхание.

Что еще? Если бы она осталась жива, если бы атака оказалась победной, натруженные мышцы рассказали бы ей историю этого боя, напомнив о бесчисленных ударах мечом, которые она наносила, защищаясь и атакая, о долгой, страшной и тяжелой работе, проделанной ее телом. Тело вспомнило бы все, что не успела запечатлеть душа, что стерло «дыхание драконов». Измученное тело, боль ран и гул, стоящий в ушах, восстановили бы для нее картину боя, нарисовали бы ее, пусть фрагментарно, пусть отдельными мазками на выбеленном ненавистью и боевым безумием полотне ее памяти. И сны ее наполнились бы яростью и хаосом сражения, воплями ненависти и боли, звоном стали, тяжким трудом легких, тянущих из пропитанного ужасом воздуха капли жизни, потребной, чтобы сеять смерть. И в ночных кошмарах, которые омрачают сон сильных духом, точно так же, как и слабых душой, вернулся бы к ней серый свет ненастного дня, свист сабли у виска, всполохи выстрелов, пробивающиеся даже сквозь пороховой дым, стелющийся над Легатовыми полями.¹¹

Но сага ее последнего боя умерла вместе с ней. Умершее тело не способно было напомнить о боли, той боли, которая приходила вместе с ударами сабель, рушившихся на нее из Большого Мира, скрытого за кровавой пеленой. Ее Малый Мир, мир ее собственного Я, был сожжен азартом боя, он весь без остатка сосредоточился теперь в левой, все еще живой ее левой руке, в мече, зажатом в ней, в не знающей иной преграды, кроме смерти, воле убивать. Убивать, убивать и быть убитой, чтобы не знать, не узнать никогда того, что произошло потом.

¹¹ *Легатовы поля, Смертные поля* – место крупнейшей битвы древности между аханками и гегх.

Все это длилось одну долгую секунду, краткий миг ее личного времени, длившегося до тех пор, пока сознание графини Ай Гель Нор неожиданно и стремительно не нырнуло в безвозвратный омут вечности. Все кончилось.

Часть I. Наш бронепоезд

*Под солнцем горячим, под ночью слепой
Немало пришлось нам пройти.
Мы – мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!*

М. Светлов. Песня о Каховке

Прелюдия. Лика

*Это был великий разведчик, Чип, по-настоящему великий; умница
и идеалист, коминтерновец той еще выделки, вроде незабвенного Макса.
Кирилл Еськов*

Глава 1. Лика и старец

Разминулись. Бывает, конечно, и часто поправимо. Но они разминулись не в пространстве, а во времени, а это уже фатально. Такая вот некантованная физика человеческой жизни. Он старше ее на семьдесят лет. Согласитесь, про такой случай, иначе, как «не судьба», и не скажешь. Феноменальный мужчина. Просто мечта. Принц из сказки. Но принц, свое уже отыгравший, отгулявший и, чего уж тут кривить душой, отживший.

Вот он сидит в кресле. Глыба. Огромный мужик. Просто гренадер какой-то. Впрочем, это в молодости он был гренадером, а сейчас ему девяносто шесть лет, и он еле ходит. Вот сидит он пока еще вполне сносно. Монументально сидит в глубоком кресле своего люкса и читает ежедневную «Гардиан», или «Ди Вельт», или «Ле Паризьен», в общем, одну из тех газет, которые Лика не стала бы читать ни за что, потому что не смогла бы. Лика тоже читает. Она читает «Новое Русское Слово», купленное недалеко от отеля, в киоске на Тайм-сквер, и, поглядывая искоса на Макса, думает о своем, о девичьем.

Вот если бы они встретились лет пятьдесят назад, ну пусть тридцать. Тогда бы да. Он тогда был, вероятно, еще вполне дееспособен, и тогда все было бы возможно. Все. И неважно, сколько бы продлились их отношения, важно, что они могли быть. Но тридцать лет назад ее еще не было даже в замысле. Даже родители ее еще не познакомились тогда. Они познакомились в семьдесят третьем, на какой-то студенческой вечеринке в Политехе, а в семьдесят четвертом родилась Лика.

Она родилась через два месяца после свадьбы. Это обстоятельство и определило характер отношений в молодой семье. Кончилось все печально, разводом через год после того. Сейчас у Ликиной мамы уже третий муж. Целых семь лет уже («Ну и дай ей бог счастья в личной жизни»). У отца тоже другая семья. А у Лики, так вышло, семьи нет. И счастья нет. В девяносто девятом она вдруг как бы проснулась. Огляделась вокруг, увидела подруг, всю баюкающих деток или спешащих успеть, неважно, куда или в чем, и обнаружила себя в пустоте. Одинокая старая девушка двадцати пяти лет от роду, с дипломом врача и приятной внешностью (некоторые говорили, что более чем приятной), но без мужчины рядом и без перспективы во всех смыслах. Врач районной поликлиники без блага и связей; женщина, не удосужившаяся найти себе подходящую партию; человек, которому было просто скучно жить так, как она жила, но который был ленив и безынициативен настолько, что ровным счетом ничего не предпринимал, чтобы хоть что-нибудь в своей жизни изменить. От увиденного Лику охватил

ужас. Она поняла, что если сейчас же не предпримет каких-то решительных шагов, то завтра будет поздно. А может быть, и уже поздно. Но Лика решила попробовать. Она решила уехать. Вот так. Взять и уехать. Что может быть решительнее такого шага? Только отравиться или повеситься. Ни травиться, ни вешаться Лика пока не собиралась. Как врач, она вполне ясно представляла себе последствия этих действий. Последствия выглядели печальными и неэстетичными, поэтому вместо того, чтобы лечь на рельсы или броситься с головой в омут – «Этот омут еще найди, попробуй!» – Лика послала запрос в горархив Житомира и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Несмотря на рассказы об ужасах украинской бюрократии и страхи, связанные с возможной утерей архивов в годы давней уже войны, ответ пришел всего через месяц и состоял из двух частей: короткой отписки житомирского архива и копии свидетельства о рождении Ликиной бабушки. Правда, вначале метрика бабушки повергла Лику в уныние. По семейному преданию, мамина мама – Ольга Григорьевна Иванова – была еврейкой, но в копии метрики, в графе национальность стояли прочерки. Однако за неимением других возможностей, озадаченная и расстроенная Лика отправилась все-таки с этим и прочими документами в питерское отделение Еврейского агентства «Сохнут». Там, впрочем, ее сразу же успокоили.

– Все в порядке, – сказал Лике полноватый юноша, назвавшийся представителем агентства по делам репатриации. – Видите ли, в девятнадцатом году в России не записывали национальность родителей и детей. Но поскольку родителей вашей бабушки звали Гирш Исаакович и Ривка Залмановна, у нас нет никаких оснований подозревать их дочь Зельду в том, что она украинка или казашка. Вы понимаете? Ну вот и хорошо. А поскольку национальность у нас определяется по матери, то из этого следует что?

– Что? – как эхо, отозвалась Лика.

– Из этого следует, что, по израильским законам, ваша матушка еврейка.

– Еврейка, – повторила Лика и живо представила себе свою маму Зою Викторовну Орищенко, по третьему мужу Онопко. Еврейкой она ей не показалась, но раз представитель говорит, значит, знает.

– Еврейка, – повторил представитель. – А значит...

– И что это значит? – спросила растерянная Лика.

– Это значит, что и вы еврейка, – торжествующе произнес полноватый юноша.

Так Лика уехала в Израиль.

Казалось, вот оно. Она сделала шаг. Она перевернула жизнь. Но и в Израиле, как там говорят, медом не намазано. Для начала надо было учить язык и искать какую-нибудь работу. Пособие было маленьким, а квартиры дорогие, да и вообще жизнь не дешевая. Устроиться же не то что врачом, сестрой милосердной или санитаркой, без ришайона, такого специального разрешения на работу по специальности, было невозможно, а получить его можно было, только сдав экзамены. А экзамены сдавать нужно было на иврите. Круг замкнулся.

И стала Лика мыть полы и убирать буржуйские квартиры. Мужчины ее судьбы тоже вокруг не наблюдались. То есть мужчины наблюдались, но таких, с позволения сказать, мужчин и в Питере было хоть отбавляй. И прежняя зеленая тоска начала потихоньку затягивать Лику обратно в свой омут. А потом одна доброхотка из ватиков, этих ветеранов проживания в государстве Израиль, сказала ей, что есть классная работа. Одному богатому старичку нужна прислуга за все.

– Кроме секса, – заржала тетка. – С этим у него уже давно все, а так мужик хороший, не жадный. Я бы сама пошла, но у меня семья, а у него условие: жить с ним.

– Так все-таки... – начала Лика.

– Да не. Не в этом смысле. В его квартире. Старый он. Нужно, чтоб кто-нибудь рядом был. Ну, там стакан воды подать или скорую вызвать. Понимаешь? А ты врач. Он как услышал, что молодая и врач, так прямо и загорелся.

– Так мне что, к нему переезжать придется?

– Конечно! На хате сэкономишь, и жрачка за его счет, и еще платить будет. Коммунизм!

– А говорить я с ним как буду?

– Как со мной, по-русски, – отрезала тетка, и Лика пошла знакомиться с Максом.

Старик жил в большой, хорошо, хоть и старомодно, обставленной квартире. Квартира занимала третий и четвертый этажи облицованного белым иерусалимским камнем дома, а дом этот располагался в старом, престижном, как уже успела узнать Лика, районе Хайфы. Дверь открыл сам хозяин. Был он грузен и кряжист и, несмотря на по-старчески ссутуленные плечи, возвышался над Ликой, в которой и самой было метр семьдесят шесть росту, еще как минимум сантиметров на тридцать, если не больше. В общем, великан. Только старый. Лицо у него было под стать росту, породистое, с крупными чертами и серыми глазами. Волосы, понятное дело, были седыми и довольно редкими, но при нем.

– Здравствуйте, – сказала Лика.

– Вы Лика, – сказал старик.

– Я Лика, – подтвердила Лика.

– Здравствуйте, Лика. Меня зовут Макс. – Голос у старика был низкий и хриловатый. По-русски он говорил хорошо, но с сильным акцентом. Так говорят по-русски немецкие офицеры в фильмах про войну.

– Проходите. Садитесь, пожалуйста. Хотите чаю с мятой? – Старик указал на столик с чайными принадлежностями. Лика кивнула.

– Это марокканский мятный чай, – объяснил старик, подавая ей чашку с плавающими в ней веточками мяты. – Попробуйте, это вкусно и хорошо утоляет жажду.

Они проговорили около часа, в течение которого Макс обстоятельно расспросил Ликю о ее жизни и планах, о том, что она умеет делать и как быстро она сможет научиться делать то, чего еще не умеет. Потом, так же обстоятельно, он объяснил свои требования. Они оказались вполне приемлемыми. Жить в его квартире – на втором этаже имелась гостевая спальня – и, как правило, в ней ночевать; ездить за покупками на старом «вольво» хозяина – «Я напишу вам доверенность» – и иногда отвозить его туда-сюда; готовить и следить за чистотой.

– Два раза в неделю приходит уборщица, – сказал он, – но за ней надо следить. Нет, не так. Присматривать? Так верно?

Условия, предложенные стариком, на этом фоне выглядели просто сказочными. Тысяча долларов в месяц, стол и кров, и учишь себе в свободное время чему хочешь и сколько хочешь.

– Мы можем говорить на иврите или по-английски, – сказал Макс. – У вас будет хорошая практика. Да.

Через три дня она переехала к старику.

Старик оказался чудным, даже лучше, чем расписывала подруга-ватичка и чем увиделось самой Лике в их первую встречу. Он был спокойный, выдержанный и вежливый и никогда не повышал голос. Очень воспитанный человек. Типичный немец – еке, как называют таких в Израиле, – он был педантичен и крайне дисциплинирован, но при этом не требовал того же от Лики, предоставляя ей право оставаться самой собой. Он только просил не мешать и ему оставаться тем, что он есть.

– Все мы есть только то, что мы есть, – говорил Макс.

Он был стар, конечно, но не капризничал, как другие старики, и обладал ясным и трезвым умом, сохранившим, несмотря на возраст, остроту и гибкость. А еще у него была феноменальная память, что было уже и вовсе ненормально. В общем, если не считать вполне естественной физической немощи, Макс оставался нормальным дееспособным мужчиной преклонных лет. И по отношению к Лике он вел себя безукоризненно, как истинный джентльмен.

Он просыпался рано, около шести, но Лика могла вставать позже. Ее жизнь конечно же была привязана к распорядку дня Макса, но не жестко. Присутствовала значительная степень свободы, и Лика хорошо это понимала и ценила. Обязанности ее тоже не были ни тяжелыми, ни

слишком обременительными или, не дай бог, унижительными. Старик оказался вполне самостоятельным. Ну почти. Он одевался сам и ел тоже сам, сам брился, если, конечно, не ехал к парикмахеру – дважды в неделю, через весь город, – и сам умывался. Не мог он сам только мыться, но Лика ведь была врачом, и вынести вид голого старика ей было вполне по силам. Но главное, что уже с первого дня жизни в доме Макса Лика почувствовала – а Макс как, оказалось, виртуозно умел дать почувствовать такие вещи, – она здесь не прислуга и не сиделка при старике, а, если угодно, компаньонка, как это называлось в старые времена. Звучит литературно, конечно, но по существу верно.

– Называй меня на «ты», – сказал Макс на третий день их знакомства. – Так будет проще. И знаешь что? Поедем-ка мы с тобой в ресторан. Поужинаем, послушаем музыку. Как ты относишься к французской кухне? Ну вот и славно. Тут на Адаре – это в Нижнем городе – есть чудный французский ресторанчик. Называется без затей «Вуаля».

И они поехали в «Вуаля».

Он вообще был изрядный сибарит, этот Макс. Отправляя ее в первый раз за покупками, он долго и тщательно объяснял, где и что нужно покупать. В особенности это касалось сыра и вина. «Передай Шаулю, что я просил бри, и понюхай, пожалуйста, когда будешь брать. У бри должен быть аромат лесных орехов. Чуть. Понимаешь? Теперь вино. Вот попроси у него это», и он записывал на бумажке: «Bourgogne Pinot noir A. Parent, 1999». Он позволял себе немного выпивать. Много он просто не мог, но занятие это, как поняла Лика, любил и знал в нем толк. Обычно дело ограничивалось бокалом красного вина за обедом, но пару раз в неделю он устраивал себе «маленький праздник».

– Ты любишь кофе, Лика?

– Люблю.

– Тогда давай выпьем по чашечке кофе.

– А разве вам...

– Лика!

– Извини. Разве тебе можно пить кофе?

– Нельзя.

– Но...

– Но очень хочется. Давай сделаем «маленький праздник». Какое сегодня число?

– Пятое.

– Хм, пятое сентября... пятое... нет, это было шестого... Мы взяли наконец этот чертов Бельчите, но пятого меня могли запросто убить, но не убили, а свалка была страшная... За это можно выпить не только кофе.

– А где это, Бельчите? – спросила Лика, направляясь варить кофе, – было ясно, что от своей затеи старик не откажется.

– В Испании, – ответил Макс и пояснил: – Это была ключевая позиция мятежников. Весь Восточный фронт следил тогда за Сарагосской операцией.

– Ты что, был в Испании?

– Много раз, – улыбнулся Макс. – Но я понял тебя. Ты спрашиваешь о Гражданской войне. Был, конечно. Два ранения и контузия и окончательная потеря иллюзий. Знаешь, место, где ты распрощался со своими любимыми иллюзиями, это как место, где девушка лишилась девственности. Вряд ли забудешь.

– И какую же девственность потерял в Испании ты? – Лика уже засыпала в джезvu мелко помолотый кофе, залила водой и хотела поставить на огонь, но Макс остановил ее:

– Положи немного кардамона, чуть-чуть, и сахар, да, две ложки достаточно. Девственность? Я потерял там идеологическую невинность. По тем временам это было серьезнее, чем связь без брака. Даже в Испании. Пожалуй, в тогдашней Испании особенно.

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь ли, Лика, я же тогда был коммунистом. То есть тогда уже был коммунистом только по привычке и от безвыходности. Некуда было идти больше. Но в Испании я окончательно понял: пора кончать. Миша Кольцов звал меня в Москву, но у меня хватило ума в Москву не ехать.

Вскипел кофе. И Лика успела снять его с огня с первой густой шапкой пены, в которую тут же – по приказу Макса – капнула несколько капель ледяной воды.

К кофе Макс потребовал «пару капель» коньяка – в его баре оказался «Мартель» – и сигарету. Оказалось, что и сигареты – «Кент» – тоже лежат в баре.

Лика выпила немного коньяка и, поглядывая на то, с каким наслаждением смакует коньяк и кофе Макс и как он затягивается табачным дымом, спросила:

– Макс, а ты откуда?

– В каком смысле?

– Ну, где ты родился?

– Ах, это! В Констанце.

– Так ты из Румынии?

– Румыния? Нет, Лика. Не Констанца, а Констанц. Это в Германии, на Боденском озере. Потом мы, правда, переехали в Фрайбург, но детство я провел в Констанце. Ты даже не представляешь, какой это чудный город. Чудесный! Впрочем, неважно.

– А откуда ты знаешь русский?

Услышав вопрос, Макс усмехнулся:

– Я учился там и жил потом немного.

– Учился?

– О да! В Коммунистическом университете народов Запада... ну и еще кое-где... Я ведь, Лика, старый коминтерновец. Да-да! Представляешь, я слушал Бухарина и Радека, даже Зиновьева видел. Был на приеме у Сталина, в Кремле, а с Николаем Ивановичем говорил пару раз, как вот с тобой сейчас, только без коньяка и кофе.

Лика была поражена. Вот перед ней сидел человек, старый, конечно, но вполне живой, который помнит Зиновьева и Бухарина и еще много кого, наверное, помнит живыми.

«Бог мой, – думала Лика. – Кто теперь вообще помнит, кто такие эти Бухарин и Зиновьев? И что Бухарина звали Николай Иванович?»

– А еще?.. – спросила она.

– Что еще? – переспросил он. – Кого еще видел? Многих. Всех и не перечислишь. А многих ты и не знаешь. Ну вот Тухачевского, Ворошилова, Примакова, Эйдемана... Тельмана лично знал. Достаточно?

И в самом деле достаточно. Для первого раза вполне. Макс оказался очень интересным человеком. Он знал множество вещей и с удовольствием рассказывал Лике при случае истории из своей жизни или просто почерпнутое в одной из множества прочитанных им книг. Книги он продолжал покупать – библиотека занимала целую комнату – и читать (в очках, разумеется).

Чем дальше, тем больше Лика относилась к Максиму не как к нанимателю, хозяину, а как к хорошему другу. Старшему и старому другу. Так он сумел поставить их отношения. Они гуляли вместе, беседуя о том и о сем, и пили вместе чай, и даже ходили в театр – ездили в Тель-Авив смотреть балет или слушать оперу. Лика практиковалась в иврите, который она практически не знала, и в английском, который она знала неплохо. Впрочем, английский Макса был какой-то странный.

– Не обращай внимания. С кем поведешься. Так это называется. Я в ту войну служил с шотландцами, вот и набрался.

Он умел быть галантным. Ведь не зря она назвала его про себя джентльменом.

– Ты сегодня удивительно хорошо выглядишь, – не забывал он сказать ей утром.

– Ты знаешь, что рыжие женщины отмечены Богом? – непринужденно вставлял он при случае.

– Ей-богу, не пойму, как ты умудряешься сохранять такую фигуру? Ты же ничего для этого не делаешь, – комплимент, сказанный как бы между делом.

– У тебя есть вечернее платье? – спросил он на второй неделе знакомства.

– Нет. – Ли́ка была озадачена. Зачем, спрашивается, может понадобиться вечернее платье новой репатриантке.

– Плохо. – Макс был явно расстроен. – Но поправимо. Едем!

И они поехали по дорогим бутикам и ездили четыре часа, пока не нашли ей платье и туфли, которые удовлетворили взыскательного Макса. Впрочем, к платью пришлось купить и белье. Сколько все это стоило, Ли́ка только догадывалась – о цене речь не зашла ни разу, а расплачивался Макс кредиткой – но даже от этих догадок ее бросало в жар.

– Великолепно! – сказал Макс, осмотрев ее со всех сторон. – Но бюстгальтер, пожалуй, мы купили зря. Впрочем, пусть будет, но попробуй-ка без него.

Ли́ка попробовала. Она была сейчас в таком странном состоянии души, что, попроси ее Макс раздеться полностью, разделась бы без тени сомнения.

Когда она вышла из примерочной во второй раз, Макс, посмотрев на нее, улыбнулся и показал большой палец:

– Никогда не надевай с этим платьем бюстгальтер. Не надо. У тебя красивая грудь, и платье держит форму.

На следующий день они поехали на балет в Тель-Авив. Это были гастроли Эйфмана, которого Ли́ка знала и любила еще по Питеру, но вечер запомнился ей преимущественно взглядами. На них смотрели. Смотрели на нее.

– Какого цвета у тебя глаза? – спрашивал Макс. – Никкак не могу понять, то ли карие, то ли зеленые...

– Я всегда считала, что они карие, – отвечала она.

– Нет, думаю, ты ошибаешься. Они все же зеленые. Мы купим тебе пиджак бутылочного цвета, и они расцветут зеленью.

– Пиджак?

– О да. Клубный пиджак.

– А зачем? То есть спасибо, конечно, но кто носит в Израиле клубные пиджаки? И где?

– Мы едем играть в бридж. Там носят.

Таков был Макс. Оказывается, он еще и в бридж играл. Играли на вилле в Герцлии. Публика была... Ну что сказать? Высший свет, он и в Африке высший свет.

– Мы не в Африке, – сказал Макс на ее замечание, когда они возвращались домой. – Африка начинается за Каналом.

Постепенно их отношения становились все более доверительными, нежными, можно сказать. А можно не говорить, потому что известно, какой смысл привыкли вкладывать люди в это простое и ясное слово, когда речь заходит об отношениях мужчины и женщины. Но вот ведь беда какая («Беда. Беда», – поняла вдруг Ли́ка через пару месяцев), не было и не могло быть между ними никаких таких отношений. Ему было девяносто шесть лет, и он был уже выше ЭТОГО.

– Кстати, не помню, я говорил тебе, что слушал Маяковского в Политехническом музее?

В этом был весь Макс. Он и Маяковского видел; и с Багрицким пил водку в Москве; и дрался с нацистами на улицах Берлина и Мюнхена; и говорил с Долорес Ибаррури в Мадриде; и организовывал поставки оружия в Палестину; и был дружен со старшим Снэ, хотя тот был лидером компартии, а Макс с коммунистами уже разошелся. Он был крутым мужиком в свое время. Это чувствовалось и теперь еще, но теперь это был лишь отзвук былого, послевкусие, тонкий, но слабый аромат иной эпохи, другой жизни.

Вот ведь трагедия какая. Они разминулись. По минимуму на три десятка лет. По максимуму – на полстолетия.

– Макс, а почему ты один? – спросила Лика однажды.

– Не знаю, – сказал он, и так он это сказал, что больше к этой теме они не возвращались. Через полгода он пригласил ее «проветриться».

– Прокатимся в Нью-Йорк, – сказал он как-то утром за завтраком. – Чудный город для тех, кто знает, что там к чему, конечно.

И они отправились в Америку...

– Kukjavel! – сказал неожиданно Макс и со злостью бросил толстую газетную кипу на журнальный столик.

Лика вздрогнула, так резко и с такой интонацией он произнес незнакомое, но со всей очевидностью бранное слово.

– Что ты сказал?

– Это по-шведски, – раздраженно бросил старик. – Дай, пожалуйста, чего-нибудь выпить. Там, в баре, должен быть виски.

– А все-таки?

– Что все-таки?

– Что ты сказал? – Лика открыла бар и стала искать виски.

– Сказал: «мудак», – усмехнулся старик. – Надеюсь, ты не в первый раз услышала это слово?

– Нет, – пожала плечами Лика. – Тебе какой?

– А, все равно!

– «Тичерс» подойдет?

– Пусть будет «Тичерс».

Лика свинтила с бутылки пробку и плеснула в стакан на два пальца (как в голливудских фильмах).

– Сигареты там тоже есть? – спросил между тем Макс.

– Есть, но...

– Никаких но, милая. Нам теперь это здоровье ни к чему.

– То есть как? – опешила Лика. – Что случилось-то?

Старик взял из ее рук стакан и сделал большой глоток, потом открыл пачку «Мальборо», достал сигарету, прикурил (в пепельнице лежал фирменный коробочек спичек) и снова отпил из стакана.

– Подожди. Дай-ка мне телефон.

Номер телефона Макс набрал по памяти, после чего Лика услышала очень странный разговор, вернее, реплики только одного из собеседников. Удивило ее и то, что собеседником Макса оказался, по всей очевидности, русский.

– Здравствуй, Федя! – сказал в трубку Макс. – Да, это я... Что?.. Нет, твоими молитвами... Я так понимаю, что ты по мне соскучился... Что? Не слышу!.. Нет, не дома... Ах вот оно что! Ты мог еще долго звонить, Федя, я в Нью-Йорке. Да... А почему нет?... Встретиться?.. Трахнуть? Кого, прости господи, трахнуть?.. Ах, тряхнуть стариной? Так уж нечем трясти... Федя, ты не забыл, сколько мне лет?.. Да... Нет... Вот как?.. Ладно, поищу... И где же?.. Помню!.. Да... Очень смешно... А это не смешно. Я же тебе не напоминаю... Да, могу!.. Напомнить?.. Хорошо... Нет, не с моей печенью... Ладно, обдумаю. Говорю, на досуге обдумаю... Нет... Да... До свидания... И тебе того же.

Макс повесил трубку и задумчиво посмотрел на стакан. Потом поднял его и выпил оставшийся в нем виски одним глотком. Затем он закурил новую сигарету – прежняя, пока он говорил по телефону, догорела в пепельнице до фильтра – и перевел взгляд на Ликю. И Лика

увидела перед собой совсем другого человека. Этот другой Макс выглянул откуда-то изнутри знакомого ей Макса. Из глубин стариковского тела на нее смотрел другой Макс, жесткий, жестокий, он изучал Лику, что-то обдумывая, взвешивая, как будто примериваясь к чему-то.

– Налей-ка мне еще, девочка, – сказал он наконец.

– Макс, может, не надо? У тебя же печень... – Лика была встревожена.

– Печень, это серьезно, – ответил Макс. – Но мы ее потом починим или поменяем... если доживем. Налей, пожалуйста.

– Все-таки ты можешь мне сказать, что случилось? – снова спросила Лика через минуту, передавая ему стакан.

Макс поморщился, отпил немного и сказал:

– Случилось, милая, что мы, как говорят сейчас на твоей родине, попали. Чиста канкретна. Оба.

Он не шутил. Лика видела это отчетливо.

– У тебя... у нас неприятности? – Лика еще надеялась, что все это старческие бредни, и сама же в это не верила, потому что не таким человеком был Макс, чтобы бредить. В глубине души она уже поняла, что случилось что-то серьезное. Очень.

– Неприятности... – Макс как будто попробовал это слово на вкус. – Можно сказать и так. Только, Лика, это такие неприятности, которые обычно кончаются летальным исходом.

– Нет, – сказал он, уловив мелькнувшую у Лики мысль. – Дело не во мне. Я бы и не нервничал, в мои-то годы... А ты? А другие? Много других, Лика, очень много...

– Что же делать? – растерянно спросила Лика. – Мы можем что-то сделать?

– Можем, – усмехнулся Макс. – И сделаем, но нам придется немного потрудиться.

И они начали «трудиться». Для начала они вызвали такси и отправились кататься по городу. Прогулка их закончилась примерно через час на какой-то ничем не примечательной, но явно бруклинской улочке. Никакого смысла в этом Лика не видела, но спрашивать не стала. И оказалась права. Все разъяснилось довольно быстро. Расплатившись и выйдя из такси, они неторопливо, а торопливо Макс и не смог бы, прошли по улице в обратном направлении, свернули на другую, а потом и на третью улицу, и там обнаружилась контора по прокату автомобилей фирмы «Херц». Здесь Макс арендовал серебристый «Мицубиси Лансер», записав его на имя Лики и оплатив наличными, и уже на машине они отправились дальше. Машину, естественно, вела Лика, но без указаний Макса она бы никогда с этим не справилась. Водить машину в центре Нью-Йорка оказалось не просто сложно, а очень сложно.

Следующим пунктом их программы оказалась контора по найму жилья, найти которую оказалось непросто, не прибегая к помощи справочной, но Макс, видимо, очень хорошо знал Нью-Йорк, просто ему нужно было время, чтобы вспомнить, где и что находится. К тому же некоторые старые адреса оказались уже неактуальными. Макс помнил несколько другой Нью-Йорк.

В конторе Макс арендовал на месяц домик в Нью-Джерси – на самом деле арендовала его опять Лика, и на этот раз воспользовавшись собственной кредитной карточкой. Отказавшись осматривать владение, но получив ключи, они покинули контору и начали объезжать аптеки и посудные магазины. Везде они покупали по чуть-чуть, по одному Макс у ведомому списку товаров и лекарств, но в конце трехчасового путешествия багажник и задние сиденья их «Лансера» были забиты покупками. Прогулка оказалась длинной, Макс устал и выглядел ужасно, но вернуться в отель отказался. Они отдохнули в итальянском ресторанчике в Маленькой Италии на Манхэттене.

После обеда – уже смеркалось – они поехали в Нью-Джерси и уже в темноте выгрузили там свой багаж. В отель они приехали поздно и сразу легли спать. Устали оба ужасно, но как выдержал эту нагрузку Макс, оставалось для Лики загадкой. Как врач, она прекрасно понимала, насколько слаб организм Макса и какую нагрузку он перенес в этот день. При этом он

приказал припарковаться – вот именно что приказал, на платной многоэтажной парковке в двух кварталах от отеля, так что до отеля еще пришлось довольно долго идти.

Наутро Лика из таксофона на улице связалась с электрической компанией и заказала подключение. То же самое пришлось проделать и с водопроводной компанией.

– А телефон нам не нужен, – сказал Макс.

Весь следующий день они провели в своем домике. Макс с помощью Лики строил какой-то сложный агрегат («Будем варить самогон» – серьезно сказал он) и, как оказалось, не один, а сразу несколько. Следующие три дня они наведывались в домик с раннего утра и оставались там до вечера. Макс колдовал над порошками и таблетками, процеживал какие-то микстуры, разбавлял и кипятил сиропы, то есть работал как какой-нибудь средневековый алхимик, с той только разницей, что вместо сушеных летучих мышей, мочи девственницы и веревки с шеи повешенного он оперировал лекарственными препаратами, разрешенными к употреблению на территории США.

Старый человек двигался медленно, и руки не всегда слушались его так, как бы ему хотелось и как надо бы. Поэтому Лике приходилось помогать, что было особенно трудно, поскольку она совершенно не понимала, что делает. Но она помогала, стойчески не задавая вопросов, на которые Макс ответов все равно не давал, отделяясь дежурной фразой: «Сварится – узнаем». Она была «прислугой за все»: это растолочь («А что это такое, помилуй господи?»), другое перелить («А это что?»), а третье (густой бурого цвета сироп) быстренько принести и поставить на конфорку. При этом очень скоро пришлось надеть респираторы, и работать стало еще труднее.

– Что мы хоть делаем? – в который раз спросила она, когда был объявлен очередной перерыв и они уселись в дальней комнате у открытого окна выпить диетической колы и выкурить по сигарете (Макс стал безобразно много курить, она тоже).

– Что мы делаем? – спросила Лика, которой ее познания в фармакологии ответов на заданный вопрос дать не могли.

– Дрянь самодельную, – ответил Макс, тяжело вздыхая. – Профанация и дилетантство, но ничего другого не остается.

А вот он, как выяснилось, разобрался во всем этом очень неплохо.

– Ну а на самом деле?

– Живую воду гнать будем.

– Макс! Я же серьезно! А про самогон ты уже говорил. Повторяешься.

– Не повторяюсь. Следи за словами. Я что сказал? Живую воду, а не самогон.

– Живой воды в природе не бывает.

– В природе не бывает, но мы ее синтезируем.

– Для чего?

– А как я буду по крышам прыгать?

– А зачем тебе прыгать по крышам?

– Мне незачем, но когда эти ребята меня вычислят, придется.

– Какие ребята?

– Плохие, Лика. Плохие парни, знаешь?

– Ты ничего мне не говорил про плохих парней.

– Разве?

– Ты мне вообще ничего не объяснил.

– Объясню. Позже. Вот закончим...

– Значит, – сказала Лика, – есть плохие парни, и ты им зачем-то нужен.

– Не нужен. В этом-то все и дело, что на хрен я им не нужен. Пришьют как пса подзаборного, и все.

– Помнится, ты мне говорил, что дело не в тебе?

– Верно. Я свое отжил. Тебя они тоже убьют, а потом... Потом, Лика, всем станет очень плохо. Ты мне поверь! Так плохо, Лика, что они нам с тобой, то есть, покойникам, позавидуют.

– И ты...

– Я попробую помешать. Должен попробовать.

– Макс, очнись! Тебе девяносто шесть лет.

– В этом то и штука, детка, что мне девяносто шесть, в этом-то весь цимес, как говаривал незабвенный Лева Пеньковский под Гвадалахарой.

– Не поняла.

– Ну, Лева, он был, между прочим, нью-йоркским адвокатом, так говорил.

– Я не про Леву, я про тебя. В чем тут цимес?

– А! Цимес в том, что мне силы нужны, а их и нет. Вот мы и варим, как последние придурки, средство против немощи.

– Ты знаешь рецепт такого средства?

– Знаю. – Макс не шутил. Сейчас точно нет.

– Так какого хрена?! – не удержалась Лика.

– Угомонись. Отвечаю по пунктам. Первое и главное. Это индивидуальное средство. Кроме меня, никому никакого счастья от него не будет, одни хлопоты родственникам по случаю скоропостижных похорон.

– Хорошо. Допустим. А почему ты сам им не воспользовался? Ну раньше. Ты же старый и больной. Я ведь...

– Раньше было нельзя.

– Что значит нельзя? – искренне удивилась Лика.

– Нельзя. С прописной буквы, – непонятно объяснил Макс.

– А теперь что, стало можно?

– Теперь нужно.

– Почему?

– Потому что приказ такой вышел.

Лика ошарашенно смотрела на Макса и не могла отделаться от мысли, что весь этот бред, как бы фантастично он ни звучал, является отражением самой что ни на есть объективной реальности. Поэтому, взяв себя в руки, она попросила:

– Приляг хоть на полчаса, а то помрешь раньше, чем эликсир твой поспеет.

– Хорошо, – согласился Макс. – Лягу. У нас есть целых два часа.

Глава 2. Сезон охоты

Будильник, встроенный в электронные часы Макса, разбудил Лику в половине седьмого. Макс еще спал. Трели будильника не произвели на него никакого очевидного действия. Лика прислушалась, втайне опасаясь худшего, но старик дышал ровно. Что бы они ни сварили в самодельной алхимической машине Макса, эликсир этот ядом не был. Во всяком случае, он не был ядом немедленного действия. Прошло уже более двенадцати часов с того момента, как он проглотил щепотку серого, неаппетитного на вид порошка, запив его диетической колой из одноразового стаканчика.

«Похоже, что пронесло», – подумала Лика, вставая и натягивая джинсы и майку.

Процесс синтеза «живой воды», оказавшейся на поверку сухим порошком, завершился накануне под утро. К этому времени они уже перебрались из отеля в «свой» домик и пытались – Лика пыталась – наладить в нем подобие нормальной жизни. В доме имелась кое-какая мебель, но спать приходилось на чем попало. Макс спал на одном продавленном и порванном диване, Лика – на другом, не менее пострадавшем в прошлой своей жизни. Спасибо

хоть белье догадались купить. Питались тоже незатейливо, используя одноразовую пластмассовую посуду.

Переезд совершился по всем канонам остросюжетного детектива. Выписавшись из отеля, они на такси отправились в аэропорт Кеннеди. Выгрузившись около терминала, из которого отправлялись рейсы на Израиль, и дождавшись, пока доставивший их таксист не уберется с места действия, они (Лика, естественно) нагрузили свои чемоданы на тележку и отправились в долгое пешее путешествие вдоль терминалов. Темп задавал Макс. Отдалившись от начальной точки на приличное расстояние, они вышли к автобусной остановке, и здесь Лика оставила Макса вместе с чемоданами, а сама, взяв такси, отправилась обратно в город. У нее ушло почти четыре часа, чтобы добраться до стоянки, на которой они оставили свою машину, и уже на ней вернуться в аэропорт и найти Макса, все так же сидящего на автобусной остановке. Макс пил колу и курил. Кажется, он был вполне доволен жизнью.

– Извини, – сказала Лика. – Быстрее никак не получалось.

– Пустяки, – ответил Макс. – Ты просто никогда не сидела в засадах.

По дороге в Нью-Джерси они заехали в торговый центр и купили там несколько комплектов белья, пару подушек да нехитрую кухонную утварь «на пару дней».

Итак, накануне синтез был закончен, но Макс решил не спешить с приемом своего зелья, а сначала прибраться в доме. Агрегаты были разобраны и свалены в картонные коробки вместе с оставшейся после производства «живой воды» бытовой и пищевой химией и прочим мусором. Лика вывезла все это подальше от дома, с трудом, но нашла контейнер для мусора и все это выбросила. Потом они пообедали в ресторане («Китайская кухня не роскошь, а паллиатив», – пробурчал Макс), и только после этого Макс наконец принял свой хваленый эликсир. Лика была настроена скептически, но спорить не стала, Макс умел быть убедительным. И вот, теперь прошло уже 12 часов, и он был жив, что уже было хорошо. Правда, почти все это время он спал, но сон был нормальным, и тревожиться из-за этого было, по мнению Лики, преждевременно.

Она умылась, сделала себе кофе (кипяток и растворимый «Нестле») и устроилась рядом с Максом. Макс спал. Никаких видимых изменений в нем не произошло, и Лика начинала думать, что вся эта история с живой водой была если не бредом старого маразматика, то, в лучшем случае, пустыми хлопотами. Может быть, он и знал когда-то какой-то секретный рецепт (кто их знает, этих коминтерновцев, может, и вправду на Лубянке умели делать то, что и теперь никто не умеет), но если он и знал что-то когда-то, то теперь забыл и сварил что-то другое. Хорошо еще, что не яд. Вот было бы здорово оказаться в Нью-Йорке с трупом отравленного старика на руках. Она даже похолодела вся, когда представила себе весь этот ужас, и поняла вдруг, что все эти дни действовала, как полная идиотка. Поддавшись сокрушительному обаянию Макса, его уверенной властности, она совершала совершенно безумные, порой бессмысленные, а порой и опасные поступки, не подвергая их сомнению (ну почти) и не думая о последствиях.

Уйдя в горестные мысли о своей дурацкой жизни, Лика не заметила, что Макс уже проснулся.

– Доброе утро, красавица! – сказал он. – Как спалось-почивалось?

– Спасибо, ужасно, – угрюмо ответила она. – Ты-то как? А то выпил вчера неизвестно что...

– Расстроилась? – перебил ее Макс.

– Расстроилась, – призналась Лика. – Ты представь только, я тут...

– Не надо, – попросил Макс. – Ты же видишь, я жив.

Он посмотрел на часы. Было уже половина одиннадцатого.

– Что-то я заспался. Пора и честь знать. – С этими словами Макс встал со своей импровизированной постели и начал одеваться. У Лики перехватило дыхание. Она знала Макса уже

семь месяцев и видела, как он встает и как одевается, но сейчас она видела нечто иное. Макс двигался так, как будто ему было не девяносто шесть лет, а лет, скажем, пятьдесят, и он, ко всему, находился в хорошей физической форме. Это было невероятно, невозможно, немислимо, но это было. Это совершалось перед ней, у нее на глазах, с той обыденной простотой, с которой совершаются обычные вещи. Но в том-то и дело, что это не было обычным и привычным. Это было чудо, и по-другому это называться не могло.

Перехватив ее взгляд, Макс печально улыбнулся и сказал:

– А ты думала, что у старика не все дома?

– Ну... – сказала Лика.

– Можешь не продолжать, – сказал Макс. – Я все понимаю. Это, действительно, противоречит законам природы.

Он помолчал секунду, как бы раздумывая о чем-то, и добавил, глядя Лике прямо в глаза:

– Не обижайся, девочка. Я тебе все объясню. Но не сейчас. Просто еще рано. Я и сам не все понимаю. Вот разберусь с тем, что происходит на самом деле, и тебе все объясню. А пока прими, как данность, я в своем уме, и то, что мы делаем, делается не зря. Всему есть причины. Договорились?

– Договорились.

– Ну вот и славно. А теперь поехали.

– Куда?

– Прежде всего, нам надо позавтракать. А потом... Потом полетим в Европу.

– Куда?

– Пока неважно. Куда будет ближайший рейс, туда и полетим. Да, и вот еще что. Вещей у нас слишком много. Так что давай отберем самое необходимое, а по дороге купим пару небольших дорожных сумок. Надо нам мобильность повысить.

– А как же вещи?

– Здесь оставим. Если все будет в порядке, потом заберем. А если нет, то нет.

И они поехали...

На этот раз они летели в бизнес-классе, и шампанского им не предложили. Впрочем, Макс с видимым аппетитом съел весь предложенный им обед, выпил бутылочку красного вина («Так себе винцо, но за неимением лучшего...»), а затем еще две порции виски («Бурбон», все тот же «Бурбон»). Теперь он спал. А вот Лика почти ничего не съела и даже думать о еде не могла. Не помогла и водка. Уснуть тоже не получилось.

Еще раз взглянув на безмятежно спящего Макса, она в который раз поразилась тому, что произошедшие перемены совершенно не коснулись его внешнего облика. Как был глубокий старик, так стариком и выглядел. Это, если подумать, и спасло им жизнь.

Лика встала и прошла в туалет. Большинство пассажиров спали, и около туалетов очереди не наблюдалось. Закрыв за собой дверь, Лика стянула через голову блузку и наконец смогла увидеть в зеркале то, что чувствовала все эти часы. Зрелище было малоприятное. На правом предплечье небольшие синяки указывали на силу хватки Максовой руки. Когда эти типы приблизились к ним почти вплотную, шедший до этого в своей обычной манере (медленная шаркающая походка очень старого человека) Макс вдруг резко перехватил ее руку и швырнул Лику в сторону, под колеса припаркованных автомобилей. Кровоподтеки на левом плече, на груди и боль в левой ноге и ягодицах (смотреть, что там, она не стала) в подробностях рассказывали о ее приземлении. Уже из-под колес она и увидела финал схватки. Двое лежали в разных позах, а третьему Макс как раз сворачивал голову. Раздался вполне понятный врачу хруст, и еще один плохой парень лег сломанной куклой на заляпанный машинным маслом бетонный пол подземной стоянки. Вот и купили сумки, называется. Разлетевшиеся пакеты с покупками валялись тут же.

Лика выбралась из-под машины, встала и увидела, что Макс занимается очень странным делом. Он не обыскивал лежащих («Убитых», – констатировала Лика с поразившим ее саму спокойствием), хотя и обыскивал тоже (но как-то между делом), а осматривал. Вот именно что осматривал: ошупывал, рассматривал руки, заглядывал в мертвые глаза.

– Ничего не понимаю, – сказал он, выпрямившись. – Или это ошибка, или я чего-то не понял.

– Что значит ошибка? Ты хочешь сказать, что убил...

– Тех, кого и следовало, – закончил за нее Макс, кивнув на пистолеты, валявшиеся тут же. – Но это просто бандиты.

– А кого ждал ты? – с замиранием сердца спросила Лика.

– Я ждал спецназ, – спокойно ответил Макс. – Пойдем. Нечего нам здесь торчать. Я правильно сказал? Торчать?

И они пошли. На этот раз быстро. Оказывается, Макс мог ходить и так. Теперь мог. А Лике ничего другого и не оставалось, кроме как поспешать за ним. Но по пути с парковки («Машину оставим здесь», – как нечто само собой разумеющееся бросил Макс), и на улице, где, пропустив несколько такси, Макс выхватил из потока машин то, которое, видимо, посчитал подходящим («Как в детективах», – устало подумала Лика), и в машине (таксист оказался эфиопом, и Макс, как ни в чем не бывало, стал расспрашивать его о жизни в Эритрее) Лика раз за разом переживала схватку в подземелье. Теперь, задним числом, она вспомнила, что увидела этих троих издали. Увидела, но не обратила на них никакого внимания. Трое хорошо одетых белых мужчин идут, разговаривая о чем-то своем, к машине. Что здесь особенного? Ровным счетом ничего. Потом они сближаются, она успеваешь ощутить сошедшиеся на ней заинтересованные взгляды всех троих, и... Резкая боль в руке, толчок, стремительный полет и падение под колеса стоящих сбоку машин. Лика вспомнила запах отработанного бензина, ударивший в нос, и поморщилась. Сколько все это продолжалось? Считанные секунды. Но за эти секунды Макс убил двоих и взял в смертельный захват третьего. Такое возможно? Да, разумеется, если ты – Стивен Сигал. А если ты старик, девяноста шести лет от роду? Значит, что? Значит, все-таки эликсир реальность? Ну порошок, конечно, серый противного вида порошок, а никакой не эликсир, но все равно пусть будет ЭЛИКСИР. Зелье действует?

«И хорошо, что действует», – подумала Лика, снова надевая блузку.

У тех троих под пиджаками было оружие: огромные пистолеты (или это были маленькие автоматы?), такие элегантные на вид, эстетичные, но смертельно опасные. Носят ли простые американцы на себе столько оружия? А не столько? Она вспомнила лежащий в лужице черной жирной воды нож и кастет, откатившийся под колесо машины, из-под которой она вылезала. А вот, кстати, и вопрос на миллион долларов, как говорят эти самые, ничем, кроме кредиток, не вооруженные американцы: неужели боевые навыки не исчезают? Допустим, когда-то Макс, действительно, умел делать такие вещи. Как он сказал? Учился в университете и еще кое-где! Наверное, в какой-нибудь специальной школе НКВД... Но ведь это было семьдесят лет назад! Сколько лет он уже не дерется, не стреляет, не суперменствует? Тридцать лет? Сорок? Пятьдесят? И что, так сразу все и вернулось? Бред! Ненаучная фантастика, вот как это называется. Но ведь факт. Или нет?

Вот именно! Лика чувствовала, что, как любимая ею Алиса, попала в самое настоящее Зазеркалье, в мир, который, по ее недавнему еще мнению, существует только на экранах кино-театров и на страницах триллеров. Она ошибалась.

Все это нью-йоркское приключение, начавшееся со шведского ругательства, брошенного в раздражении Максом, – сюр- и гиперреализм в одном голливудском флаконе. В Нью-Йорке было жарко и душно. Высокая влажность превращала горячий воздух в подобие густого сиропа, и Лике казалось, что они не идут, а плывут сквозь этот тяжелый и вязкий нью-йоркский воздух. Но что они делают, для чего и почему, было ей по-прежнему неизвестно, и их бег по

раскаленному городу воспринимался как дурной, тяжелый сон. Сон неразборчивый, бессмысленный, непонятный, но расцветенный неожиданно яркими, сверхреалистичными эпизодами, такими же, впрочем, непонятными, как и все прочее.

Они брали такси и ехали в Квинс, и бродили там, в Квинсе, как будто не зная, чем заняться. Но потом Макс вдруг звонил из уличного таксофона и говорил с кем-то на иврите. Потом они снова ехали, но уже на метро, и Макс опять звонил кому-то уже из Бруклина, и говорил при этом по-английски. На Манхэттен они добирались на автобусе, но только затем, чтобы пересечь его на такси (от 44-й улицы до башен-близнецов), и на тридцать восьмом этаже левого близнеца Макс долго беседовал на иврите вперемежку с английским с молоджавым мужчиной в очках в тонкой золотой оправе. От МТЦ они ехали на такси с тремя пересадками, на метро, и снова на такси, и Макс успел между делом созвониться еще с двумя абонентами (все время из уличных автоматов), с которыми говорил на иврите и по-английски соответственно. А еще он посетил с краткими визитами нью-йоркские конторы банка «Хапоалим» и банка Сафры.

А потом они оказались в какой-то фотостудии, стены которой были украшены огромным количеством цветных и черно-белых порнографических фотографий. Лика даже покраснела, уткнувшись взглядом в один из снимков. Такого она не то что не видела никогда, но и вообразить себе не могла.

«Ну ничего себе!» – подумала Лика, но додумать мысль и докраснеть до конца ей не дали. Худенький наголо бритый парнишка, без умолку говоривший с ней о разных пустяках на дикой смеси иврита и английского, потащил ее в соседнюю комнату, украшенную точно так же, как и предыдущая, усадил в оказавшееся здесь парикмахерское кресло (но без зеркала перед ним) и стал красить и стричь. Потом был фен, а еще потом она пошла в уборную, взглянула в зеркало и не узнала себя. Из зеркала выглянула чужая, коротко стриженная брюнетка. Но времени ужасаться, умиляться или удивляться не было, в дверь уже стучали. Лика вышла, и ее тут же усадили на стул, поставленный у затянутой белой тканью стены, и стали фотографировать. Вот после этого ее оставили в покое, сунув в руку бумажный стаканчик с паршивым американским кофе и указав на стоящее в уголке кресло. В этом кресле она и коротала следующие два часа, успев и допить кофе, и подремать, и увидеть Макса, выписывающего чеки и передающего их неприятного вида толстенькому чернявому дядьке. В руки чернявого, к удивлению Лики, ушла и платиновая «Виза» Макса. Правда, взамен Макс получил другую, обычную кредитную карточку и два синих израильских паспорта. Один из них был тут же передан Лике, и, открыв тоненькую книжечку, она увидела себя черноволосую на фото и, уже ничему не удивляясь, узнала, что теперь она Шели Варбург.

Тяжело вздохнув, Лика поправила блузку, провела рукой по своим коротко стриженным, под мальчика, черным волосам и, выйдя из туалета, пошла по длинному салону «боинга» к своему месту...

Следующие три дня прошли в сплошных перелетах. До амстердамского аэропорта «Схиполь», где они славно пообедали в маленьком ресторанчике, ради разнообразия, очевидно, предлагавшем не тайландскую, португальскую или индонезийскую, а самую что ни на есть голландскую кухню. Потом ехали поездами. С пересадками, более или менее краткими остановками то тут, то там, ожиданием в привокзальных кафе и ресторанах, а то и на перронах малых и больших станций, и чутким сном в неудобных креслах переполненных вагонов, проехали через Голландию и всю Германию до швейцарского Цюриха.

В Цюрихе Лика объелась невообразимо вкусными пирожными, поданными молчаливым элегантным слугой на фешенебельной вилле какого-то швейцарского миллионера. Она сидела за кофейным столиком, ела пирожные, запивая их высококалорийным кофе по-венски, а Макс и хозяин дома, широкоплечий импозантный мужчина неопределенного возраста (где-то между сорока и шестидесятью), с седыми висками и твердым взглядом карих глаз, что-то нетороп-

ливо обсуждали по-немецки, лишь изредка отпивая из своих чашек черный кофе. О чем они говорят, Лика не понимала, так как не знала немецкого языка, и даже по тону разговора не могла догадаться, что бы это могло быть: обмен мнениями, торг или, скажем, вечер воспоминаний.

Закончилась встреча уже затемно, когда тот же слуга, который подавал на стол, менял пепельницы и незаметно выполнял множество других тихих и незначительных на первый взгляд, но необходимых действий, принес и вручил хозяину дома большую кожаную сумку. В сумке оказались какие-то подарочного вида пакеты, перевязанные цветными лентами. Макс небрежно перебрал эти пакеты, сказал что-то по-немецки, пожал плечами и снова сложил подарки в сумку. Хозяин на его реплику виновато развел руками, как будто говоря, ну, извините, чем богаты, тем и рады, и тоже что-то сказал. Потом они попрощались и уехали. Впрочем, если на виллу они приехали на такси, с виллы они уезжали на шикарном «мерседесе» хозяина, который и отвез их в аэропорт, прямо к трапу частного реактивного самолета, на котором они уже и перелетели во Флоренцию...

Ее разбудил Макс:

– Ты извини, девочка, но так много спать вредно.

– Сколько я сплю? – спросила Лика, не открывая глаз.

– Ты проспала десять часов.

– И еще десять проспую. Все равно мало.

– Согласен, но нам следует поесть. Я заказал обед в номер, а после обеда можешь поспать еще. Время еще есть.

Последнее замечание Лику насторожило.

– Куда мы побежим теперь? – спросила она, открыв наконец глаза.

– На восемь у нас назначена важная встреча. – Макс, одетый в джинсы и легкую рубашку с короткими рукавами, умытый и выбритый, сидел в кресле напротив и курил сигарету. Рядом с ним на столике лежала пачка разнообразных газет. Почему-то Лику заинтересовали именно газеты. Ей не было видно с кровати, что это за газеты, но она готова была поверить, что Макс может читать и по-итальянски.

– Что это за газеты? – подозрительно спросила она.

– Газеты, – пожал плечами Макс. – Разные. А что?

– Итальянские?

– Нет, отчего же. Французские и немецкие в основном. Тут газетный киоск обнаружился, прямо напротив отеля. А по-итальянски я не читаю.

– А куда мы поедем в восемь? – спросила Лика. Она хотела уже встать, но тут неожиданно обнаружила, что встать никак не может, потому что спала она, как оказалось, совершенно голой.

– Мы встречаемся с одним человеком, который, возможно, развеет наши недоумения, – сказал Макс, как ни в чем не бывало. – И объяснит мне наконец, что, черт возьми, происходит.

Конец фразы прозвучал вполне зловеще, но Лику занимало сейчас нечто другое. После нескольких секунд лихорадочных поисков она, наконец, обнаружила свою одежду, сваленную неряшливой кучей в промежутке между кроватями; той, на которой спала она, и другой, аккуратно, но не по-гостиничному застеленной, на которой, вероятно, спал Макс. Вывернув шею, Лика смогла рассмотреть краешек белой тонкой ткани, выглядывавший из лабиринта, образованного скомканными джинсами и не менее скомканной блузкой. Очевидно, что это были ее трусики. Задержав взгляд на этом лоскутке, Лика попыталась вспомнить, как они пришли в номер и как она тут раздевалась и укладывалась спать, но ничего определенного вспомнить не смогла.

– Я что, прямо посередине номера раздевалась? – наконец хмуро спросила она.

– Да, – сухо ответил Макс. – Очень поучительное было зрелище. – Но... – поспешил он успокоить вспыхнувшую Лику, – ничего эротического в этом не было. К сожалению. Кстати, учти, у тебя весь зад синий, ну и еще по мелочам...

– Отвернись, пожалуйста, – жалобным голосом попросила Лика, и Макс тут же с готовностью отвернулся. Прихватив по дороге джинсы и сумку, брошенную накануне вечером у окна, она быстро пробежала в ванну и заперла за собой дверь.

В ванной было большое зеркало, но укреплено оно было над раковиной, и Лике пришлось встать на стул, чтобы рассмотреть некоторые детали. Макс был прав. Зрелище и в самом деле было впечатляющее. Впрочем, ничего серьезного при детальном осмотре «синяков и шишек» Лика не нашла. Ну это-то и так было ясно. Она ведь прожила со всем этим почти целых четыре дня, так что, будь у нее что-нибудь действительно серьезное, она бы уже почувствовала. И тут она поймала себя на том, что рассматривает свое тело с несколько иной точки зрения, нежели медицинская. Вспомнив про устроенный накануне «стриптиз», она пожала плечами и, цинично подмигнув своему отражению, подумала:

«Ну и что? Разделась и разделась. От меня не убудет, а старичку приятно. Его-то я уже видела, и не раз».

Но в глубине души она понимала, что после всего, что случилось с ними в эти дни, относиться к Макс, как к старику, она уже не может. Не сможет. Как-то так вышло, что Макс, каким бы стариком он ни выглядел внешне, для Лики стариком быть перестал. Он воспринимался ею – это она поняла сейчас со всей ясностью – как воспринимался бы на его месте любой нормальный мужчина. Или нет, не любой, а такой, на которого можно положиться во всем; за которым, как за каменной стеной; такой, о котором может только мечтать практически любая женщина. И чаще всего только мечтать и остается. Такие мужики огромная редкость. Почти что вымерший тип.

«Ты в своем уме?» – одернула она себя, увидев в зеркале вполне глупую улыбку и затуманенный взор.

«Ему девяносто шесть лет», – напомнила она себе, вставая под душ.

«Он старик!» – твердила она себе, с яростью втирая шампунь в свои короткие черные волосы. Но дело обстояло не так просто, как ей хотелось бы. Она не верила в то, что твердила сама себе.

«Ох, господи!» – выдохнула она в отчаянии, поймав себя на уже совершенно идиотских мыслях.

В конце концов, надев свежее белье, причесавшись и, вообще, приведя себя в божеский вид, но, главное, загнав как можно глубже все эти странные мысли, она вернулась в номер.

Обед уже стоял на столе. Только увидев все эти блюда, судки, вазы и вазочки, тарелки, бокалы и стаканы, и бутылку красного вина; вдохнув запахи, наполнившие номер, Лика поняла, насколько она голодна. Не просто голодна, а зверски, нечеловечески голодна. А аппетит, с которым она буквально набросилась на еду, удивил ее саму, но Макс, казалось, совершенно не обратил внимания на ее неинтеллигентный образ действий. Она ела все подряд, и все казалось ей удивительно вкусным. Вполне возможно, так оно и было на самом деле, и обед, действительно, был вкусным, но...

«Хватит жрать! – сказала она себе. – Ну просто как животное, жрешь и жрешь!»

Она с сожалением отодвинула от себя тарелочку со сливочным суфле и виновато посмотрела на Макса. Макс, который и сам съел очень много (он теперь вообще ел много, столько, сколько, в сущности, и должен есть здоровый мужчина его комплекции), но при этом ел, как всегда, аккуратно и методично («Вот именно, что методично»), встретил ее взгляд с философским спокойствием.

– После цюрихских пирожных ты ничего не ела почти шестнадцать часов, – сказал он рассудительно. – И потом нервы... Нервы сжигают много калорий.

Она благодарно улыбнулась ему в ответ, но есть больше не стала. Ей снова захотелось спать. До восьми было еще порядочно времени, и она решила еще немного поспать, но перед этим спросить. В конце концов, должен же он когда-нибудь ответить на ее вопросы. Хотя бы на некоторые.

– Макс, а кто этот миллионер, у которого мы были в Цюрихе?

Она ожидала, что Макс опять предложит ей подождать, но, к ее удивлению, Макс ответил:

– Это... Как бы тебе сказать? Он мой ученик, так, наверное, будет правильно. Когда-то он служил в армии, был бригадным генералом, а теперь он... Ну, скажем, он бизнесмен. – Макс сделал маленькую паузу, давая понять, что бизнес, которым занимается бывший генерал, это не совсем обычный бизнес. – Он торгует оружием и информацией. Это не простой рынок. Понимаешь?

– Да, – сказала Лика. – А тот, в Нью-Йорке? Он тоже бизнесмен?

– Они там все бизнесмены, – хмуро бросил Макс. – Ты кого имеешь в виду?

– Того, в башнях.

– А, Дуди! Ну, он тоже бизнесмен, только если б не обстоятельства, к нему бы я не обратился.

– Почему?

– Мне не нравится то, чем он торгует.

Лике оставалось только догадываться, что имеет в виду Макс: наркотики, живой товар или что-нибудь еще в этом духе, на что не хватало ни ее воображения, ни опыта.

– А теперь иди поспи. Вон глаза уже закрываются.

– А этот, который сегодня? – все-таки спросила она.

– Ты знаешь, что погубило кошку? Иди спи, вечером узнаешь.

Человек, который ждал их в крошечном и древнем на вид ресторане, находившемся довольно далеко от города – они ехали на такси не менее получаса, – был тоже старым. Как Макс и как ресторан. Худой высокий старик поднялся им навстречу из-за столика в дальнем углу совершенно пустого ресторанный зала. Он был совершенно лыс и вообще выглядел неважно. Но одет был, что называется, с иголочки, в черный костюм-тройку, контрастировавший с белоснежной сорочкой и серебристым галстуком. А еще он двигался легко и непринужденно, то есть именно так, как двигался теперь Макс. На столе перед стариком стоял только бокал с белым вином. Вероятно, он ждал их прихода какое-то время, хотя и недолго.

Старик шагнул из-за стола им навстречу, и стало очевидно, что и туфли он носит под стать костюму, черные, матовые, элегантные и, по-видимому, страшно дорогие. Между тем старик с интересом осмотрел Лику и, протянув ей руку, сказал:

– Федор Кузьмич. А руку дама подает первой.

Лика смутилась, протянула ему руку и смутилась еще больше, когда, сцапав ее кисть быстрым движением костлявых пальцев, Федор Кузьмич поднес ее к губам и поцеловал.

– Лика, – запоздало представилась Лика, прошептав свое имя, так как голос отказал ей.

– Здравствуй, Федя, – сказал Макс. – И оставь, пожалуйста, девушку в покое.

– Оставил, – согласился Федор Кузьмич, отрываясь от Ликиной руки. – Здравствуй, камрад.

– Не ерничай. – Макс подвинул стул, молча предлагая Лике сесть, потом сел сам.

– Что вам заказать? – спросил Федор Кузьмич, тоже усаживаясь.

– Мне только кофе, – быстро сказала Лика. – Эспрессо.

– Мне тоже, – сказал Макс. – Двойной и рюмку граппы.

Федор Кузьмич что-то быстро сказал по-итальянски тихо подошедшему официанту (Лика уловила только что-то похожее на кофе и граппу, но не была уверена даже в этом). Официант исчез («Как зовут итальянских официантов?») – спросила себя Лика, но не вспомнила,

а может быть, и не знала никогда), а Макс достал сигареты, закурил и, посмотрев на Федора Кузьмича, сказал:

– Объяснись!

– Что-то было? – вопросом на вопрос ответил Федор Кузьмич, подаваясь вперед.

– Федя, кто из нас еврей?

– Ты. Но ты скажи, было?

– Было, – раздраженно бросил в ответ Макс. – Подошли какие-то на подземной стоянке торгового центра. Ну что тебе сказать? Обыкновенные местные бандиты. Они, я думаю, и не знали толком, за кем идут и чего ждать. Я даже засомневался. Подумал, может быть, совпадение?

– Это вряд ли, – усмехнулся Федор Кузьмич. – И это ведь только начало. Следующих они уже лучше сориентируют. Но ведь след взят, не правда ли?

– Объяснись! – снова потребовал Макс.

Федор Кузьмич секунду смотрел на Лику, потом, возможно, что-то для себя решив (даже кивнул в знак согласия неозвученным своим мыслям), сказал:

– В Тхолане переворот. Старый император то ли умер сам, то ли ему помогли. Гвардия и Черная Гора¹² поддержали принца. Ты его должен помнить...

– Не помню, – покачал головой Макс.

– Неважно. Вспомнишь. Грацио, – сказал Федор Кузьмич официанту, принесшему заказ.

Лица, стараясь не показать своего недоумения («Мягко сказано! О чем, черт их всех побери, они говорят?»), с видимым спокойствием высыпала в кофе пакетик коричневого сахара и стала старательно его размешивать.

– Легион вырезали вчистую, – продолжил между тем Федор Кузьмич. – Я так понимаю, это было частью плана, избавиться от Легиона. Можешь себе представить, что там было. В общем, реки крови и груды мяса, но кое-кто из Ходящих в Тени уцелел. Хотя и им досталось тоже.

– Значит, расслабились, – сказал Макс. Он не был удивлен или обескуражен, но все-таки его волнение чувствовалось в том, как он говорил и как закуривал новую сигарету.

– Доподлинно ничего неизвестно, но кто бы ни стоял за переворотом, он хорошо подготовился. – Федор Кузьмич отпил из бокала и тоже потянулся за сигаретой. – По моим прикидкам, ветер дует с Горы.

– Пожалуй, – согласился Макс. – А что с Курортом?

– Не знаю. Но Курорт в любом случае только Курорт.

– Ну не скажи, – возразил Макс. – До тех пор, пока остается хоть кто-нибудь...

– Кто-нибудь остался, – раздраженно перебил его Федор Кузьмич. – Мы бы сейчас не трепались тут, если бы не этот кто-то.

– А подробнее!

– А ты меня не перебивай, я и расскажу. – Федор Кузьмич демонстративно долго прикуривал сигарету, которую до этого просто крутил в пальцах. Он очевидным образом испытывал терпение Макса, но тот даже бровью не повел.

– Они знали про нас, – сказал наконец Федор Кузьмич. – Или узнали во время переворота, но главное, им удалось захватить транспорт с настроенным навигатором.

– Настроенный навигатор? – недоверчиво переспросил Макс. – Да они там все не просто расслабились, а из ума выжили.

¹² *Черная Гора* – монашеский орден приверженцев культа Быка, название которого происходит от Черной горы, на которой три тысячи лет назад был возведен первый монастырь ордена.

– Может, и так, а может, иначе, но они все покойники. Спрашивать не с кого. Короче, загрузились в транспорт Мясники Лабруха¹³ и рванули по наши души.

– Если так, – сказал Макс, – то я вообще ничего не понимаю. Где ликвидаторы?

– А нету, – усмехнулся Федор Кузьмич. – Среди ликвидаторов был Ходящий. Один.

– В принципе достаточно, – кивнул Макс.

– В принципе да. На практике тоже вышло неплохо, но и не хорошо. Ходящий рванул их к ядерной матери, а сам ушел почти целым.

– Почти? – уточнил Макс.

– Почти, – подтвердил Федор Кузьмич. – Он добрался до меня...

– Ну а к кому же ему еще идти. Ты же у нас Смотрящий.

– Я бы сказал, старший по бараку.

– Мне больше нравится Смотрящий.

– Ладно, – согласился Федор Кузьмич. – Пусть будет Смотрящий. Он пришел ко мне уже почти никакой. Его хватило только на то, чтобы ввести меня в курс. Хорошие новости: Мясников нет, и адреса больше никто не знает. Пока. Плохие: Дознаватели, в количестве трех штук, здесь, и они знают, кого искать и как. Ну почти знают.

– Меня нашли.

– Вот видишь!

– А тебя?

– А я сразу сделал ноги. Ходящий умер, и я побежал.

– Понятно, – задумчиво протянул Макс. – Ходящий передал тебе приказ.

– А с чего бы я стал бить в набат? Конечно, передал.

– Сколько нас?

– Пятеро и две Маски, – ответил Федор Кузьмич, посмотрев при этом на Лику.

– Так мало?

– Иных уж нет, а те далече. Те, что далече, уже неконвертируемы.

– Ну и кто там еще?

– Олаф и Хельга. И еще одна... Пстой, ты ее должен знать, мне кажется. Она из следующего призыва. Хотя... Может, и нет. Не помню. Вот соберемся, выясните.

– Где они?

– Они пошли к Порогу. Будут ждать нас там. То есть Вика по любому остается в лавочке, а оба-два попробуют обеспечить нам отход. На всякий случай.

– В принципе верное решение. Пойдем вместе, или у тебя другие планы?

– А чего нам теперь терять? – Федор Кузьмич грустно улыбнулся и добавил: – Так даже лучше, вдвоем у нас больше шансов.

– У тебя что-нибудь есть?

– Здесь нет, а дома сколько хочешь. Россия – щедрая душа.

– Как всегда.

– Не любишь Россию?

– А что, ее обязательно надо любить?

– Ну ты прямо как ребенок, Макс! Честное слово! Столько лет общаешься с русскими, а так и не понял. Кто не с нами, тот против нас.

– Вот-вот. Кстати, если мы решили все вопросы, то давайте перекусим и в путь.

– Читаешь мысли, Макс! – Федор Кузьмич поднял руку и помахал официанту.

Лица, сидевшая до этого тихо, как мышка, как впавшая в ступор мышь в присутствии двух огромных котов, нашла, наконец, в себе силы «ожить».

– А мне, – сказала она, – мне никто ничего не хочет объяснить?

¹³ Мясники Лабруха – один из трех именных гвардейских полков Аханской империи.

Федор Кузьмич только хмыкнул и, посмотрев иронично на Макса, вернулся к разговору с официантом. Лика смотрела прямо в глаза Макс, а Макс молчал. То ли обдумывал что-то, то ли искал слова, чтобы ответить ей, но было очевидно, что на этот раз она получит ответ.

– Вам что заказать, Лика? – спросил между тем Федор Кузьмич.

Лике было не до еды, но что-то, наверное, нужно было съесть, если они собирались куда-то ехать.

– Антипасти, – сказала она. – И бокал белого вина, пожалуйста. Спасибо.

Она снова повернулась к Макс.

– Я бы рекомендовал красное. К антипасти, – не дал ей переключиться Федор Кузьмич.

– Хорошо, пусть будет красное.

– А какое?

– Федор Кузьмич, – сказала Лика, стараясь не повышать голос, – пожалуйста, выберите сами. Я не разбираюсь в итальянских винах. Бокал красного, антипасти и еще раз кофе. Эспрессо. Двойной. Десерта не надо.

– Принято, – спокойно согласился Федор Кузьмич. – А тебе, мон генераль?

– Луковый суп, копченые ребрышки, все остальное на твое усмотрение. Да, и двойной виски... – Макс оглянулся на полки бара. – Пусть будет бурбон. Все, Федя, не мешай.

Макс смотрел на Лику.

– Тхолан, – сказал наконец Макс. – Это город. Столица Аханской империи...

– Население восемнадцать миллионов разумных существ, основной язык... – язвительно вставил Федор Кузьмич.

– Прекрати, – резко сказал Макс.

– Уже молчу.

– И где же эта империя находится? – спросила Лика.

– Там. – Макс качнул головой вверх. – В галактике. Это звездная империя, Лика.

– Звездная, – повторила Лика, как бы проверяя это определение на вкус.

– Звездная, – подтвердил серьезно Федор Кузьмич.

– А вы? Вы оттуда? – На самом деле это и был главный вопрос. Именно это хотела знать Лика в первую очередь.

– Монстры, елки зеленые, – хмыкнул в нос Федор Кузьмич. – Чужие...

– Федя.

– Нездешние мы, и денег...

– Федя!

– А ты не молчи, и я встречать не буду.

– Мы отсюда. – Макс улыбнулся Лике. – И я и Федя отсюда, с Земли. Мы люди.

– Но тогда... – Лика не закончила вопрос, потому что не знала, что спросить теперь и как это спросить.

– Империя берет людей на службу, – объяснил Макс. – Немного и нечасто, но берет. И не только с Земли. С других не входящих в империю планет тоже. Вот мы с Федей и были такими наемниками.

– Вы были в космосе? – Лика не знала, ужасаться ей или умиляться, восхищаться или негодовать. Честно говоря, она просто не знала еще, как ко всему этому относиться.

– Были, были, – снова вступил Федор Кузьмич. – Подожди, Макс. Дай я ей объясню. – Он быстро взглянул на Макса, покачал головой и добавил: – У меня это сейчас лучше получится. Лады?

– О'кей.

– Так, – сказал Федор Кузьмич. – Государство. Вы, Лика, представляете, как там все устроено, в государстве? Например, в России?

– Ну...

– Короче, в любом государстве есть структуры, наделенные большой властью, и эти структуры постепенно становятся государством в государстве. Это понятно?

– Да, – сказала Лика. – Но я...

– Поймете. Итак, государство в государстве. И если власти много, то и самостоятельности много. Верно? А если еще и секретность? Ну как НКВД. Понимаете?

– Да.

– Хорошо. Поехали дальше. НКВД чистили несколько раз, читали, наверно? Вот. А если не чистить? Если дать такой структуре развиваться свободно сто лет, двести, пятьсот?

– Она станет государством, – сказала Лика, втянутая в ход непонятно к чему относящихся размышлений Федора Кузьмича. – То есть заменит прежнее и...

– Пятерка! – усмехнулся Федор Кузьмич. – Но там, на звездах, милая девушка, дурнев нема. С одной стороны, такие структуры нужны. Кто бы спорил. И империя создала Легион. Это как бы и частная армия императора, и его личное КГБ. Но с другой стороны... Ну, то, что вы, Лика, уже сформулировали. Какой же выход? Во-первых, Легион уравнивали. Всякие там гвардии, армии, ЦРУ и ФСБ. Ясно излагаю?

– Да.

– Лады. А во-вторых, запретили брать в Легион граждан империи и ограничили размеры. Неграждане, это не как в Риге, это значит, что волонтеры должны принадлежать к другой расе. Это, Лика, покруче, чем Иностраный легион. Испанец, немец или украинец ничем существенным от француза не отличаются. А вот если все бойцы Легиона чужие? Кто им отдаст власть, особенно если их мало? А с другой стороны, они – идеальный инструмент в руках умного хозяина. Так и было. Восемьсот лет почти. Легион набирал наемников на планетах, не входящих в империю. Таких планет пять. Живут на них разумные существа, более или менее похожие на людей, но на самом деле гуманоиды из них всех только той'йтши¹⁴. Неважно. Важно, что все эти планеты империи не нужны: далеко расположены, недостаточно развиты, бедны. Все. Но при этом империя их плотно контролирует, так что Легион не может взять там много людей. А кроме того, их очень долго приходится готовить, а это и дорого, и хлопотно, так что не разгуляешься.

Федор Кузьмич замолчал, пережидая, пока официант, принесший заказ, не расставит блюда и не наполнит их бокалы. Хотя говорил он по-русски, при свидетелях Федор Кузьмич говорить не хотел. Он продолжил только после того, как официант ушел.

– Но мы уже установили с вами, Лика, что такая организация, как Легион или КГБ, раз возникнув, дальше развивается сама по себе, не так ли? Легион развивался и вел свои собственные дела. Так была обнаружена Земля. Земля интересна тем, что она, во-первых, никому в империи не известна; во-вторых, развита совсем не плохо; но главное, в-третьих. Земляне поразительно похожи на аханков. Очень сложно отличить. Понимаете? Легион стал тихонечко вербовать землян, но поскольку это тайна (было тайной), то отставников отправляли домой. Тех, кто хотел, конечно.

Лика недоверчиво посмотрела на Федора Кузьмича, и тот, поняв ее недоумение, объяснил:

– Это только кажется, что слишком гуманно. Это выгодно. Макс вам потом объяснит, когда сможет, а сейчас главное. При возврате отставник проходит демобилизующие и восстановительные процедуры. Смысл в чем. Омолодить (это возможно), чтобы дать возможность начать новую жизнь, и разоружить, вывести из употребления наиболее экстремальные знания и навыки (ну это, надеюсь, понятно). Даже память о жизни в империи приглушается. Понятно, что полностью стереть все это невозможно, но минимизировать можно, вполне. Отставники

¹⁴ Той'йтши – колониальный народ. На планетах Аханской империи они могут жить только как рабы или вольноотпущенники.

это еще и резервисты. На всякий пожарный случай. Ну как сейчас, например. Для этого предусмотрены некоторые процедуры... Ну вот, пожалуй, и все. Можно кушать.

– Подождите! – запротестовала Лика. – Я хочу еще спросить.

– Спрашивайте, но только один вопрос, и хватит пока. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась Лика. – Что будет, если империя узнает наш адрес?

– Земляне – очень ценный материал, – нарушил молчание Макс. – Очень ценные рабы.

Потому что если не рабы, то конкуренты. Не сейчас, конечно, но потом непременно. Аханки ведь и сами начинали как компаньоны в империи Вуспсу. И где теперь та Вуспсу?

Глава 3. Маска

Лика плыла в тишине. Странное ощущение. Тишина, покой, смерть...

«Я умираю». – Мысль была медленная и не страшная. Умирать оказалось легко. Тишина, покой, смерть. Или посмертие?

«Наверное, я уже умерла... – решила Лика равнодушно. – И это... Что?»

Что это было? Рай? Или это было чистилище? Но определенно не ад. Ад остался позади. Длющийся гром выстрелов, тягучие крики, тугой воздух, сквозь который с трудом продавливаются работающее за пределом своих возможностей тело, и пули, плывущие в вязком, сгустившемся воздухе. Со всех сторон. В нее.

В памяти всплыло залитое кровью лицо Макса – искаженное горем? страданием? ужасом? – и Федор Кузьмич, выносящий плечом дверь – медленно, медленно, очень медленно – и Вика...

Воспоминание было выцветшим, как старая киноплёнка; далеким и чужим, как Троянская война; никаким. Оно ничего не затронуло, ничего не задело. Не причинило ни боли, ни радости. Ушло. Тишина, покой, смерть.

Небытие затягивало ее в свои туманные владения и возвращало обратно, выдавливало из себя, не принимая и не бросая. Не явь, не сон. Неприкаянная душа Лики плыла по реке, имя которой Стикс, между памятью и забвением, между миром живых и миром мертвых. Или странствовала уже в пустынных землях Аида? Ни страха, ни печали; ни ужаса, ни желаний. Ничего...

Потом ей стали сниться сны. Станные сны и разные сны. Сон про то, что Макс гладит ее по голове и что-то тихо поет. Колыбельную, что ли? Или другой сон, про то, как боль разрывает тело, как легкие отказываются дышать, а сердце биться, и кровь превращается в огонь. Сон про Федора Кузьмича, расстреливающего огромный черный джип (где это было? где? когда?), и сон про Вику, высаживающую телом огромное окно, чтобы обрушиться сквозь него и вместе с ним на головы врагов. Каких врагов? Неважно. Просто врагов. Врагов. И снова ей снился Макс. Старый Макс, слушающий «Тоску»; и Макс молодой, кормящий ее с ложечки; или Макс, бегущий с Ликой на плече сквозь ночной дождь. Всюду был Макс. Он менял белье на ее постели, и стрелял из этого своего «юзика-юзика», и сидел рядом, когда горела ее кровь. Он был рядом. И это было правильно. Нет, это было не только правильно, это было хорошо...

Память подбрасывала воспоминания порциями, как сучья в костер. Из разрозненных кусков, маленьких кусочков смальты, перепутанных как будто нарочно, мысль пыталась составить мозаику. Бедный мальчик Кей, бедная девочка Лика. Жизнь, это что? Жизнь – это память. Вспомнить все. Она пыталась вспомнить все...

Лика вспомнила.

Они вошли в лобби «Невского Паласа», и в ту же секунду она почувствовала опасность, буквально сгустившуюся вокруг них. Сразу, вдруг.

– Ничего личного, Федор Кузьмич, – сказал негромко моложавый высокий мужчина в превосходном сером костюме, шагнув им навстречу от регистрационной стойки. А Лика уже жила в другом измерении. Она слушала этого, наверняка давно знакомого Федору Кузьмичу, господина, но слышала и видела много больше, чем нотки затаенной гордости в его голосе или запах каких-то мужских духов, явственно источаемый его голубой рубашкой. Боевой транс. Так называл это состояние Макс. Она уже была в боевом трансе.

– Нич... – начал свою фразу мужчина.

«Три снайпера», – оценила ситуацию Лика, почувствовав линии огня, сходящиеся на них троих, и начала действовать.

– ...зьмич, – заканчивал зачитывать приговор мужчина в сером костюме, но время уже остановилось. Кондиционированный воздух в огромном объеме гостиничного лобби сгустился; застыли на полушаге и полуслове завязшие в нем, как муха в янтаре, люди.

Толчок. Полет. Господи, как долго может тянуться такое простое действие, как много можно успеть увидеть, услышать, почувствовать, понять. Как много можно успеть сделать! Толчок, полет... Слева двое – иностранцы (якобы иностранцы), сидят за столиком, курят, вооружены, пока не опасны; дальше еще один – женщина, копается в сумочке, в руке оружие, опасна; еще дальше... Она летела вбок, в сторону входа в пункт обмена валют, откуда выходили двое – мужчина и женщина.

«Двое, – отметила она, опрокидывая, убирая из-под пуль снайперов Макса и Федю и отправляя в полет пилку для ногтей. – Двое. Вооружены. Опасны». Она приземлилась на плечо, перевернулась перекатом через голову и ударила их ногами, обоих сразу. Мужчина умер – он еще не знал об этом, но с разбитым кадыком не живут, а женщине Лика сломала руку, держащую оружие. Оба они Лике больше не интересовали, и вскочив на ноги, она бросилась, на ходу ускоряясь до предела и за предел, вперед, в глубину лобби. Запоздало прогремели первые выстрелы. Пули плыли в ставшем тяжелым и плотным воздухе, медлительные, опасные – но не сейчас, не для нее, – а она с огромным усилием продавливала свое тело сквозь этот чужой, плотный и пресный газ. Организм вопил. Гремели сигналы тревоги, аварийные системы вопили о помощи, но все заглушали колокола громкого боя. Вперед!

Она двигалась быстро, очень быстро. Но и их враги («Господи, как же их много!») пытались разорвать пути времени, ускориться, успеть. И все-таки они были страшно медлительны («Сонные мухи в меду», – подумала она отстраненно). Даже медленные Федя и Макс были быстрее их («Быстрые медленные»). Длилась секунда. Они все оказались в странном месте или странном времени – где-то между двумя ударами сердца. Ее сердца.

Брошенная ею пилка уже завершила полет, и Федин знакомец умирал, заваливаясь всем своим красивым мускулистым телом назад. Он еще не упал, но уже был вне мира живых. Женщина в чем-то голубом и синем тянула и никак не могла вытянуть оружие из сумочки, но Макс уже направлял в ее сторону ствол своего «Глока» («С этой все. Не опасна»). Парнишка в форменной курточке, изображающий лифтера при заблокированном лифте, все еще не успевший осознать, что бой начался и даже не потянувшийся к тому, что оттопыривало курточку на его левом боку. Не опасен, но станет опасным через два удара сердца. Его сердца. Лика выбросила вперед левую руку с зажатым в ней «стечкиным» («Держи, девочка, у советских собственная гордость», – ухмыльнулся Федя, когда вручал его ей. А сейчас он из своего «стечкина» гасил двух «иностранцев»). Казалось, она ненамного отстает от выпущенной ею на волю смерти, но в тот момент, когда, оттолкнувшись от мрамора пола, она взлетела на галерею второго этажа, лифтер был уже мертв.

Снайпер успел среагировать. Почти успел. Он был ненормально быстр, этот стрелок, но Лика успела раньше, ушла из сектора обстрела к полу и уже оттуда, снизу, достала его. Пальцы

почувствовали на мгновение, как подаются разрываемые ударом ткани, и уже снова были снаружи, красные, разбрызгивающие кровавые капли, застывающие в густом воздухе чудовищным хвостом павлина. Но времени любоваться невиданным зрелищем не было. Еще два стрелка выцеливали Макса и Федю. Ее Макса. Макса!

Снайперы, однако, были далеко, и достать их было сложно. Почти невозможно, потому что за пределом ее сил.

«Ты не можешь», – сказала ей тело.

«Я не смогу», – прохрипело захлебывающееся кровью сердце.

«Я должна», – сказала она и бросила тело на ставший прозрачной броней воздух...

На этот раз они ехали на БМВ Федора Кузьмича.

Ужин закончился за полночь. У Лики создалось впечатление, что мужчины («Мужчины? Совсем недавно ты назвала бы их стариками, не так ли?») намеренно его затягивают в каких-то своих целях. Расплатившись, они вышли к парковке, и тут Макс вытащил из своей наплечной сумки один из цюрихских пакетов и протянул его Федору Кузьмичу, усаживавшемуся как раз на водительское сиденье.

– Прими, Федя, презент от нашей диаспоры.

Федор Кузьмич с интересом посмотрел на пакет, взял в руки, взвесил и спросил:

– И что здесь?

– «Юзик» и «орлик».¹⁵

– Ну ты патриот-от! – уважительно протянул в ответ на эти непонятные Лике слова Федор Кузьмич.

– Да нет, – усмехнулся Макс. – Просто ничего другого не оказалось на складе, а мы спешили.

– А у тебя, оказывается, есть люди и в Европе, – сказал Федор Кузьмич, раскурочивая пакет.

– Некоторые из моих парней осели в Европе.

– У нас теперь то же самое. Уходят в отставку и пускаются во все тяжкие. Хорошо, если только оружием торгуют, а то и в бандюки идут. Страшное дело. – Федор Кузьмич наконец справился с бумагой и лентами и извлек на свет божий – слабую подсветку салона – маленький автомат и большой пистолет. Кроме того, в пакете оказались какие-то ремни и несколько металлических прямоугольников. «Кажется, это называется обойма», – подумала Лика...

– Куда двинем? – спросил Макс, устраиваясь на сиденье рядом с Федором Кузьмичом. Он только что вышел из отеля с их с Ликой сумками. Два часа ночи, на улицах Флоренции было пустынно, окна в домах темны.

– Нам надо в Питер, – ответил Федор Кузьмич. – Но сначала подскочим в Базель. Есть там у меня один человек. Вам ведь визы нужны, вот он и посодействует, чтобы были. Документы-то у вас, надеюсь, в порядке?

– В порядке, – успокоил его Макс.

– Вот и славно. Поехали...

Нет хуже, чем ждать и догонять. Убегать тоже не сахар. Жизнь Лики превратилась в сплошной бег. Бег от неизвестной опасности (ей мерещились инопланетные монстры – Мяслики Лабруха, кто бы они ни были, но вспоминались убитые Максом нью-йоркские гангстеры), бег к неизвестной цели (а что там? И что это ЧТО?), бег в компании двух очень разных и таких похожих стариков, которые не совсем старики. Может быть, даже совсем не старики. И

¹⁵ Имеются в виду пистолет-пулемет «узи» и пистолет Desert Eagle («Орел пустыни»).

ожидание. Ожидание опасности. Ожидание того, что будет, что может быть, что должно быть. Ожидание счастья. И просто ожидание. Тут и там, того или другого.

Сейчас Лика и Макс ждали Федора Кузьмича. Они сидели во втором по счету ресторане и добросовестно обедали уже второй раз. Макс заказал шницель по-венски, а Лика – греческий салат и жареные грибы (грибочки оказались малюсенькими, и было их мало, но подали их на скворчащей сковородочке, и вкус у них был изумительный). Прошло еще полчаса, но Федор Кузьмич не возвращался.

– Пора бы ему и вернуться, – сказал Макс.

– А если...

– Без «если»! Федя не ребенок и свое дело знает. Никуда он не денется, но нам пора сменить обстановку. Перейдем в другое кафе, ниже по улице, и там попьем кофе.

Так они и сделали. Вышли из ресторана и медленно пошли вниз по улице, приглядывая по пути что-нибудь подходящее. Лика как раз увидела на противоположной стороне небольшое кафе с выставленными на тротуар крохотными столиками и хотела сказать об этом Макс, когда Макс сказал ей тихо, но внятно:

– Держись спокойно. Толкну, падай.

Взгляд Лики непроизвольно метнулся к центру улицы, и она увидела, как накатывается на них стремительно большой черный джип, а взгляд выхватывает между тем Федора Кузьмича, идущего неспешно им навстречу. В следующую секунду произошло множество самых разных событий. Джип резко затормозил и пошел юзом, перегораживая намертво неширокую улицу, а Федор Кузьмич, не меняя направления движения и только ускоряя шаг, резко вскинул руку и начал стрелять куда-то за их спины из пистолета, который неведомо как оказался в его руке. И тут же Лика почувствовала толчок в плечо и повалилась, не рассуждая, лицом вниз на булыжную мостовую, и падая, слышала визг тормозов за своей спиной. Следующее, что она увидела, уже пытаясь отползти, откатиться к стене ближайшего дома и при этом не оторваться от земли, а напротив, вжаться в нее еще больше, были люди – мужчина и женщина – успевшие уже обнажить оружие, но, по-видимому, не успевшие им воспользоваться. Их буквально рвали на куски автоматные очереди Макса, который, казалось, стрелял прямо над ее головой. Федор Кузьмич, не обращая внимания на них, присев и наклонившись вперед, продолжал двигаться, непрерывно стреляя, теперь уже с двух рук. Сумка, которую он только что держал в левой руке, валялась на тротуаре, а в руке его был зажат тот маленький автомат, который Макс называл «юзиком». А Макс между тем уже крушил джип. Его пули разбивали стекла и дырявили черное лакированное железо дорожущего «мерседеса». Лика оглянулась через плечо. Мужчина с пистолетом в руке сползал по стене дома на противоположной стороне улицы. На тротуаре неподвижно лежало несколько мужчин и женщин, но среди них кто-то большой, темный еще ползал, корчился и кричал от боли. Дальше по улице лежал на боку перевернутый автомобиль, и кто-то скрывшийся за ним продолжал стрелять. Но над капотом машины вдруг взметнулось пламя, раздался вопль ужаса и боли, и сразу затем автомобиль взорвался, выбросив во все стороны волны огня, дымного упругого воздуха и грохота. Лика зажмурила глаза и вжалась в булыжники мостовой еще плотнее, хотя куда уж больше, если подумать. Но вот думать сейчас она как раз и не могла. Что-то со свистом пронеслось над ее головой и рухнуло недалеко, совсем рядом. Уши заложило, но она слышала, как заголосили сирены припаркованных на соседних улицах машин. В следующее мгновение сильная рука оторвала Лику от земли и швырнула куда-то вперед так, что она едва устояла на ногах. Она хотела оглянуться, узнать, кто это, но грозный окрик Макса: «Вперед, девочка! Вперед!» – подстегнул ее и заставил побежать туда, куда направила ее его рука.

Над улицей витал ужас еще не закончившегося боя. Кричали женщины и мужчины, захлебывались сирены сигнализации, истошно вопил раненый, ползавший между трупами, салон джипа заполнял сизый дым, медленно вытекавший сквозь разбитые окна. Лика споткну-

лась, но Макс поддержал ее и толкнул вперед. За спиной раздался еще один выстрел. Она оглянулась на бегу и увидела Федора Кузьмича, догонявшего их. Раненый больше не кричал.

Влетев в переулок, они пробежали по нему метров сто, снова свернули и оказались вдруг прямо напротив какого-то общественного здания с небольшой парковкой перед ним. Лика не успела ни разглядеть толком здание, ни понять, что и как им теперь делать (куда бежать и где прятаться), когда Федор Кузьмич выскочил из-за ее плеча, опередив их рывком, ускорился еще больше, стремительно пересек улицу и оказался рядом с припаркованным на стоянке синим автомобилем. Он рванул на себя водительскую дверь, вырвал из глубины салона какого-то мужчину, вздернул его вверх (и все это одной рукой), коротко боднул головой в лицо и, отшвырнув в сторону сразу обмякшее тело, сам нырнул внутрь машины.

– В машину! – выдохнул на ходу Макс и толкнул Лика к задней дверце. Она дернула дверцу на себя и буквально влетела внутрь, получив нешуточный толчок сзади. Следом за ней, накрывая ее собой, в салон ввалился Макс. Машина уже ехала, так что устраивались и захлопывали дверь на ходу...

– Знаешь, Макс, я вот все думаю...

– А ты не думай. Думать вредно.

– А тебе не кажется?..

– Кажется, и я тоже думаю.

– Сопоставим?

– Попробуем.

Они ехали уже часа три. Швейцарско-германскую границу миновали спокойно (за рулем сидел Макс, Лика лежала на заднем сиденье под пледом и делала вид, что спит, а Федор Кузьмич, скрючившись в три погибели, прятался в багажнике) и теперь неслись по автобану к далекому еще Мюнхену. Теперь машину вел Федор Кузьмич, это был его, припрятанный на всякий случай в окрестностях Цюриха «опель».

– Это не гвардейские дознаватели, – сказал Макс.

– Так точно! Как-то они уж очень быстро сориентировались. – Федор Кузьмич перестроился в левый ряд и погнал машину еще быстрее.

– Куда спешим?

– Непокойно как-то на душе. Надо бы с Олафом поговорить.

– И?

– Есть у меня в Мюнхене один контакт. Чтобы его вычислить, дюже умным надо быть.

– Да? – Макс поерзал, меняя позу. – А что за контакт?

– А тебе не все равно?

– Просто любопытно.

– А ты не любопытствуй, Макс. Не все мои ответы могут тебе понравиться.

– Ты что, с этими связался? – удивленно спросил Макс.

– Мы, коммунисты, люди не брезгливые. И никогда брезгливыми не были.

– А не кинут тебя твои нацики?

– Не мои. Не кинут, – хмуро отозвался Федор Кузьмич. – Я кое-кого крепко за яйца держу. Пардон, мадемуазель.

– Я врач, – сказала Лика.

– Врач? Вот это удачно! Будет, Макс, кому перевязывать наши боевые раны... Нет, Макс, Ходящий определенно сказал: дознаватели.

– Он мог не знать, – пожал плечами Макс.

– А ты знаешь?

– Я считаю, ревнителю.

– Окстись, мон генераль. Это сказки!

- Не скажи. Были данные.
- Серьезно? Не знал. Ну да мне и не положено было. И что, они действительно такие крутые?
- Федя, ты можешь поверить, чтобы Гвардия, пусть даже в связке с Черной Горой, смогла так легко вырезать Легион? Ну пусть не легко, но так, чтобы захватить транспорт с настроенным навигатором, да еще получить наши «адреса и явки»...
- Ну, теоретически...
- Вот именно, что теоретически. А практически, даже чтобы решиться попробовать, надо быть очень уверенным в своих силах индивидом.
- А чем тебе не нравится герцог Рекеша?
- Он мне, Федя, просто не нравится, но объективно он не дурак.
- Думаешь, Курорт тоже ек?
- Что такое «ек»? Впрочем, неважно, смысл понятен. Не знаю, но хотелось бы верить, что нет. Если Курорт – как ты сказал? ок?
- Ек.
- Ну если это, тогда шансов у нас нет. Ни у кого.
- Сколько им понадобится, как думаешь? – тихо спросил Федор Кузьмич.
- Двадцать лет – минимум, пятьдесят – максимум. От этого и пляшем, – уверенно ответил Макс.
- Всего ничего.
- Ну это как посмотреть...

Номер в гостинице она сняла сама. Сама прошлась по магазинам, покупая что-то тут и что-то там, сама нашла парикмахерскую, где на пальцах объяснила, что ей надо, и фотоателье тоже нашла сама. А ближе к вечеру, переодевшись в туалете многоэтажного торгового центра и надев парик, купленный днем, она отправилась в заранее присмотренную гостиницу и сняла там номер. Волосы у нее теперь были опять длинные (а под париком, напротив, еще короче, чем утром), темно-русые (на самом деле, обесцвеченные), кожаная юбка – короткая (ну очень короткая), а розовая блузка открывала больше, чем закрывала, такой в ней был вырез. Ну и лифчика на ней тоже не было. Портье рассматривал ее с огромным интересом. Его взгляд она чувствовала даже спиной. Вернее, тем, что ниже спины.

Выйдя из гостиницы в сумерках, она добралась до центра на метро, минут сорок погуляла вокруг Мариенплаца, выпила кофе в итальянском кафе и уже хотела отправиться на второй круг, когда к ее столику подошел Макс. Если бы не ждала его, она бы его, пожалуй, не узнала. Очки-хамелеоны, сивая борода и неопределенного цвета короткие волосы в сочетании с тяжелыми чуть ли не армейскими башмаками, черными джинсами и кожаным пиджаком практически скрыли его истинный возраст и изменили внешность. Теперь это был здоровенный арийский мужик лет сорока пяти или пятидесяти, из тех, что потребляют сосиски килограммами, а пиво литрами и самой глубокой мыслью которых является мысль, что при Гитлере был порядок. Макс наклонился к Лике и что-то громко сказал по-немецки. Лика ответила по-английски в том смысле, что не знает немецкого языка. Но, как оказалось, ее собеседник английский знал, хоть и плохо. Подсев к Лике, Макс провел с ней стандартный, вполне ожидаемый в такой ситуации разговор, и через пару минут они уже вышли вместе и отправились искать пивную. По дороге Лика передала Максу фотографии, а в пивной, отправившись в туалет, Макс передал их Федору Кузьмичу, которого в этот вечер Лика так и не увидела.

Из пивной они вышли поздно и, поплутав по городу с полчаса («Вроде чисто», – сказал наконец Макс), взяли такси и отправились в гостиницу к Лике.

- Устал, как собака, – сказал ей тихо Макс. – Все-таки возраст не детский.

В гостинице никто не удивился. Да и с чего бы? Обычное дело. Но и удивляться было практически некому. Час ночи, и, кроме дежурной за стойкой, они никого не встретили.

В номере Макс быстро принял душ («Второй день мечтаю», – извинился он), завернулся в покрывало и лег с одного края широкой кровати, оставив Лике одеяло и достаточно места с другого края. Может быть, в другое время, хотя бы день-два назад, Лика и подумала бы о чем-нибудь, кроме как о желании лечь и вытянуть ноги, но сегодня, после боя в Базеле, бешеной гонки по ночным дорогам Центральной Европы и целого дня, проведенного на ногах и на нервах, она просто легла на свой край кровати и сразу отключилась.

Утром повторился сценарий прошедшего дня. Они снова разделились, и Лика провела и этот день одна. Расплатившись в гостинице, она, одевшись несколько практичнее, отправилась пешком на вокзал, где оставила в камере хранения свою сумку, только накануне купленную тут же в Мюнхене, и пошла осматривать достопримечательности. Перед расставанием Макс шепнул ей, что если она любит Кандинского, то стоит сходить в муниципальный музей. Кандинского Лика не то чтобы не любила, она его плохо знала. Идея посмотреть картины Кандинского (она с трудом вспомнила несколько его картин, висевших в Эрмитаже) показалась соблазнительной, и она поехала в музей. В маленьком муниципальном музее оказалась великолепная коллекция Кандинского, и Лика вдруг вспомнила, что он здесь, в Мюнхене, жил и, кажется, здесь же и умер.

После музея она снова бродила по городу, который ей скорее понравился, чем наоборот; пообедала в маленькой домашней кухмистерской (у этих заведений было какое-то немецкое название, но его Лика не запомнила); сходила в Старую пинакотеку (классика, она классика и есть, хоть в Питере, хоть в Нью-Йорке, хоть в Мюнхене); пару раз выпила кофе и так дотянула до вечера. Самое трудное оказалось быть одной. Даже не так. Самым страшным казалось остаться в одиночестве. Страх, что вечером в условленном месте никого не окажется и Лика останется одна, сжигал ее весь день.

«Если он не придет...» – думала она и не могла додумать. Страх не давал ей закончить мысль. Но Макс пришел. Вернее, приехал. Притормозил рядом с ней (у нее сердце готово было выскочить из груди, когда она узнала грузного водителя темной «тойоты»), дал ей короткую секунду, чтобы сесть рядом, и поехал дальше, легко влившись в поток машин...

За окном шел дождь, а в доме было тепло и сухо. В камине горел огонь, потрескивали поленья, и языки пламени, по временам набиравшие силу, бросали багровые отсветы на стены. Кроме камина горела только небольшая лампа у стола, так что в гостиной особнячка, прятавшегося среди деревьев собственного парка в одном из ухоженных пригородов Мюнхена, царил полумгла.

Они сидели вокруг стола с круглой дубовой столешницей, пили чай и обсуждали перспективы.

«Заговорщики, – подумала Лика. – Ну прямо тебе сцена из трагедии «Заговор Фиеско», Шиллера, кажется».

Их было четверо теперь. Высокая стройная женщина средних лет («Их что, по росту, что ли, отбирали, как в кавалергарды?»), в строгом английском костюме цвета беж и кружевной белой блузке с бриллиантовой брошью, прибыла уже ночью.

– Виктория. – По-русски она говорила с сильным английским акцентом. – Для вас просто Вика («Эх, гулять так гулять! – встрял Федор Кузьмич. – Тогда и меня называй Федей»).

– Стремные дела, – сказал Федор Кузьмич («Федя, Федя, конечно, Федя»). – Обложили нас, товарищи коммунары, как волков позорных, а теперь еще наши викинги в ересь троцкистскую впали.

– Не расстраивайся, Федя. Чему быть, того не миновать. Хотят переговоров, будут им переговоры. – Макс закурил и отложил в сторону сигареты и зажигалку.

– Мне это не нравится, – сказала Вика. Было видно, что не нравится ей не только идея, но и форма ее изложения. – Федя, налей мне виски, пожалуйста.

– Не понимаю! – Федя взял бутылку, плеснул в Викин стакан и вернул на место. – Не понимаю. У них-то что за блажь? Лев хоть был прав, хоть и лев, а эти-то...

– Федя, ты что, латентный троцкист?

– Я реалист, а латентным только сифилис бывает. Чего они хотят, я не понимаю!

– Я бы не пошла на встречу. Прорвемся за Порог, отдохнем – и в дорогу. А они пусть живут как хотят. За Порог им не пройти, я понимаю правильно?

– Правильно.

– Ну и славно.

– Не славно. Я не могу не пойти к ним на встречу.

– Почему?

– Потому что это дело чести. Спроси Макса!

Вика посмотрела на Макса, и тот ей кивнул.

– У меня тоже сердце не лежит, но идти надо.

– Значит, пойдем. – Вика была царственно спокойна.

Дело было вот в чем. Прилетевшая на арендованном ею частном самолете, Вика (леди Виктория Маргарет Хаттингтон, гражданка Соединенного Королевства, постоянно проживающая где-то на греческих островах) сообщила, что Олаф и Хельга, ушедшие к таинственному Порогу («Что еще за Порог, черт его побери!»), вернулись позавчера и объявили, что их дальнейшие действия определятся только после личной встречи с Федором Кузьмичом и Максом. Все. Конец связи.

– Суки! Я с ними встречусь, я с ними так встречусь! – процедил Федор Кузьмич сквозь зубы. – Я...

– Не горячись, – попросил Макс. – Мы уже все решили.

– Ты привезла, Вика? – успокаиваясь, спросил Федор Кузьмич.

– Да. – Вика встала, подошла к своей небрежно брошенной на диван дорожной сумке и, открыв ее, извлекла на свет божий маленький кожаный кофр, очень старый и потертый.

– Вот, Федя, твой клад. – Она вернулась к столу и поставила кофр на столешницу меж чашек и стаканов. – Одну Маску я, извини, взяла себе, а остальное не трогала.

– Там еще ящик оружейный был и коробка, – сказал Федор Кузьмич, открывая кофр.

– Я их там и оставила. Не везти же с собой через всю Европу целый арсенал. У меня, на борту, в тайниках, есть кое-что...

– Ну ладно тогда. – Федор Кузьмич достал маленький металлический цилиндр, свинтил крышку и вытряхнул себе на ладонь темно-красную таблетку овальной формы. – Вот, Макс, держи. Это тебе.

Макс протянул руку, взял таблетку, покатал на ладони и вдруг бросил в рот. Федор Кузьмич с интересом следил за тем, как Макс всухую глотает таблетку, а потом, уже проглотив, запивает несколькими глотками виски.

– Спасибо, – сказал Макс. – Очень своевременно.

– Да на здоровье! Только я бы на твоём месте не стал запивать это алкоголем. – Федор Кузьмич вытряхнул на ладонь еще одну таблетку, положил ее в рот и, поморщившись, проглотил, запив чаем. Потом он аккуратно завинтил цилиндр, вложил его в кофр, а оттуда достал другой цилиндр, который был гораздо крупнее первого. Он поставил цилиндр на стол перед Ликой и сказал:

– Это тебе.

Лица вопросительно посмотрела на Макса, а тот, в свою очередь, посмотрел на Федора Кузьмича:

– А где остальное?

– А, черт! – Федор Кузьмич хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну чисто склеротик. – Он снова залез в недра кофра, достал оттуда плоский металлический пенал и протянул его Макс. – Вот, получите и распишитесь.

Макс взял пенал и цилиндр и кивнул Лике:

– Пойдем, Лика, я тебе все объясню.

Пожав плечами, Лика встала и пошла за Максом. Они поднялись на второй этаж, вошли в одну из спален, и здесь Макс поставил цилиндр на прикроватный столик, а сам сел на кровать, предоставив Лике сесть в небольшое креслице, стоявшее напротив кровати. Пенал он положил рядом с собой.

– Это Маска, – сказал он, кивнув на цилиндр. – Сейчас я тебе объясню. Ты знаешь, что такое стимуляторы?

– Знаю, естественно.

– Это тоже стимулятор, только другой по форме и содержанию. Он даст тебе не только силу – большую силу, можно сказать, мощь, – но и боевые рефлексии высочайшего уровня, и соответствующие умения.

Лика удивленно посмотрела сначала на Макса, потом на цилиндр. Макс перехватил ее взгляд и улыбнулся:

– Не удивляйся. Такой технологии на Земле нет, и долго еще не будет. А может быть, не будет никогда. Очень сложная и дорогая вещь. За нее в империи немеренные деньги платят. Редкость страшная. Но у нас, как видишь, есть целых две штуки. Одну взяла Вика, вторая твоя. Тут ведь еще вот в чем дело. Маска – это не просто стимулятор, она и подскажет, и предупредит, и уберезет, когда надо. Это как компьютер, который в тебе, и часть тебя, и как вторая ты внутри себя. Точнее не объясню. Почувствуешь, поймешь. С Маской ты, Лика, будешь даже сильнее, чем мы с Федором сейчас. Ну а ваши спецназы и зеленые береты будут для тебя, как дети. Супервумен, в общем.

– А почему ты или Федор?.. – Она недоговорила, но вопрос был ясен и так.

– Организм не принимает, – просто объяснил Макс. – Отторжение.

– А Вика?

– Вика может. – Лике показалось, что интонация Макса таила в себе что-то еще, недосказанное, но связанное с Викой.

– Я должна это принять? – спросила она, кивнув на цилиндр.

– Маску не принимают, а надевают. – Макс явственно колебался, но в конечном счете ответил в свойственной ему манере: – Не должна. Не обязана, но я бы рекомендовал надеть Маску.

– Вам нужен еще один боец?

– Дело не в этом. Так вышло, что ты впуталась в это дело. Я тебя впутал. Прости.

– Макс!

– Подожди, девочка. Впутал. Тут нечего обсуждать. Случайно, конечно, но впутал. А теперь ты тоже мишень. Никто ничего выяснять ведь не будет. Понимаешь? – Макс дождался ее кивка и продолжил: – С Маской ты выживешь. Во всяком случае, у тебя будет шанс. Сильный шанс. А потом можно будет что-нибудь придумать. Документы другие или...

– Макс! – перебила его Лика. – Я спросила, вам нужен боец?

– Нужен. – Макс сказал это как будто против воли. – Нам нужен еще один боец, но я не прошу и тем более не настаиваю. Ты в этой истории оказалась случайно, и...

– Макс, мы должны объясниться. – Лика не ожидала от себя такой твердости, тем более сейчас, и, еще более, в таком вопросе. Макс, однако, ее понял и от вопроса, главного вопроса, не ушел. Он посмотрел ей в глаза, и Лика увидела там, в его глазах, такую тоску, такое одиночество, такую боль, что впору было выть, но он только спросил ее тихо:

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Я читала твою историю болезни.

– Глупости! Все это глупости, Лика. Я родился в Праге, в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году.

Лика недоверчиво посмотрела на Макса. Перед ней сидел самый старый человек на Земле, но поверить в это было невозможно. За прошедшие дни он сильно изменился. Дело было уже не только в вернувшейся к нему еще в Нью-Йорке силе. Он действительно помолодел. Ну все относительно, конечно, но сейчас перед ней сидел старый, но крепкий мужчина, лет семидесяти максимум.

– Тогда тебя надо записать в Книгу Гиннеса, – сказала она, усмехнувшись.

– Можно, но не нужно, – ответил Макс.

– Ты не ответил на мой вопрос.

Макс смотрел на нее долгую секунду, но на этот раз с ответом не замедлил.

– Да, – сказал он. – Я буду счастлив, если ты пойдешь со мной. Подожди! Ты должна знать. Будет непросто. То, что уже случилось, это, как вы говорите, цветочки.

Лика кивнула, принимая его слова, показывая: поняла и приняла.

– Я пойду с тобой.

Макс взял ее руку и быстро поднес к губам. При этом он наклонился, и Лика не успела рассмотреть выражения его глаз. Потом он отпустил ее руку, и они секунду сидели друг против друга, просто глядя один на другого, и ничего не говоря. Лика поняла, что бросаться к нему в объятия сейчас не время; что все, что должно было произойти между ними сейчас, все, что могло произойти сейчас, уже произошло; и, подавив вздох, спросила снова:

– Вам нужен боец?

– Нам нужен боец.

– Значит, у вас будет боец. – Она улыбнулась ему и потянулась к стоявшему рядом с кроватью цилиндру.

– Подожди. Я тебе не все сказал. – Макс вздохнул, достал сигареты, закурил и, выпустив дым первой затяжки, продолжил: – Я тебе все еще многого не могу рассказать. Просто не могу. Тут, – он постучал указательным пальцем по виску, – тут стоит блок. Ни добровольно, ни под пыткой. Никак. Не могу говорить об определенных вещах с тем, у кого нет кода доступа, а код есть только у тех, у кого у самого стоит блок. У тебя блока нет. Пока. Поэтому...

Лика уже ничему не удивлялась. Устала удивляться.

– Я потерплю, – сказала она.

– Хорошо, – кивнул Макс.

– Теперь о Маске, – сказал он. – Запомни, Маска позволяет сделать больше, чем может выдержать организм. Она, конечно, сделает все, что можно, чтобы спасти организм, она предупредит, когда ты подойдешь к границе возможного, но она всего лишь машина и подчиняется воле человека. Поэтому запомни: ни в коем случае не повторять идиотизма Икара. Поняла?

– Да.

– Запомнила?

– Запомнила.

– Обещаешь быть хорошей девочкой и не делать глупостей?

– Обещаю.

– Хорошо. Тогда вот еще что. Маска – это, в первом приближении, прибор. После боевого применения ее необходимо снять и подзарядить. Сейчас Маска заряжена, но снова зарядить ее мы сможем только, когда доберемся до своего корабля, а это непонятно когда еще будет. Смысл в чем? Это как фонарик: будешь много светить, быстро посадишь батарейку. Старайся по возможности не пережимать. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Теперь как ее надевать...

Лица приняла горячий душ и стояла теперь распаренная перед зеркалом. На столике рядом с ней стоял цилиндр и лежал раскрытый пенал. Оставалось только выполнить инструкции Макса, и она станет кем-то другим. Или чем-то другим. Вот этот последний шаг сделать оказалось не так уж и просто. Это не то же самое, что плыть по течению. Сейчас у нее была возможность выбора. Свобода воли, так сказать. Но... «Ты ведь все уже решила», – сказала она себе и взяла лежащую в углублении пенала узкую ампулу, наполненную чем-то прозрачно-голубым. В углублении рядом лежала еще одна ампула с непрозрачной бурой массой внутри. Ампула была пластиковая (или из чего-то похожего на пластик), и головка ее сломалась легко и без осколков. Лица помедлила секунду (всего одну коротенькую секунду) и выпила содержимое ампулы залпом. Вкус оказался ожидаемо (Макс предупредил ее заранее) отвратительным, но терпеть было можно. От выпитого по телу разлилось слабое, но вполне ощущаемое тепло. Теперь наступила очередь второй ампулы. Она сломала головку и, нажав на ампулу пальцами (ампула оказалась мягкой), выжала себе на ладонь бурую пасту и начала натирать ею тело («Мазать надо везде, – сказал ей Макс – но равномерность соблюдать необязательно, и если пропустишь где-то, тоже не страшно»). Закончив с растиранием, от которого по коже пополз холодок, она подождала пару минут, пока не почувствовала, что вся поверхность кожи охвачена этой странной, чуть покалывающей прохладой.

Вот теперь настала очередь Маски. Лица взяла цилиндр и отвинтила крышку в торце. Та поддалась легко, и через секунду цилиндр был открыт. Помедлив мгновение, Лица опустила правую руку в цилиндр и вытащила из него небольшой, сантиметров пять-шесть в диаметре, плотно скрученный клубок тонких серебристых ниток. Подняв клубок на раскрытой ладони, она попыталась понять, что это такое. Присмотревшись, Лица увидела, что нити очень тонкие, гладкие и имеют цвет старого темного серебра. Неожиданно ей показалось, что нити, скрученные в клубок, чуть шевелятся. Или они начали шевелиться только теперь, когда клубок оказался в ее руке? Прошла секунда, и она увидела, что тонкие ниточки-усики вытянулись из клубка и поползли вдоль ее ладони. Только теперь она поняла, что почти ничего не чувствует. Даже сам клубок она ощущала так, как если бы ее рука была одета в плотную перчатку. Движение же ниточек-усиков она не ощущала вовсе. Между тем нити стремительно оплетали ее ладонь и пальцы и уже тянулись к запястью. Как зачарованная, следила Лица за тем, как разматывается клубок и как серебряная нить, уверенно и быстро двигаясь вдоль руки, то и дело раздваиваясь, делясь, порождая новые и новые все более тонкие нити, продвигается вверх по руке. Прошла минута. Вся ее правая рука была уже оплетена тонкой паутиной из нитей матового серебра, таких тонких, что каждая в отдельности казалась почти невидимой. Пока Лица с удивлением и страхом рассматривала руку, нити добрались уже до горла и груди, стремительно и неуклонно продвигаясь все дальше и дальше.

Все закончилось максимум минут через пять. Клубка больше не было, но зато все ее тело было покрыто тончайшей серебристой сетью. Прошла еще минута, и, как и обещал Макс, исчезла и сеть. Она как бы растворилась, растаяла, ушла в кожу или под нее. Лица прислушалась к своим ощущениям. Ничего. То же ровное приятное тепло внутри и уже почти неощутимая покалывающая прохлада снаружи. Пожав плечами, она начала одеваться, и в тот момент, когда она застегивала лифчик, это пришло. Мир изменился. Свет стал ярче, детали предметов отчетливее, звуки контрастнее, тело наполнило искрящееся, кипящее тепло, мгновенно сменившееся жаром, но жаром не испепеляющим, а напротив, животворным, дарящим силу и уверенность. В ее сознание как будто проник кто-то посторонний, но не чужой, а близкий, такой, на которого вполне можно положиться в любой ситуации. Волна судорог неожиданно прошла по ее телу, так, что Лику на мгновение скрючило едва ли не в три погибели, но когда волна схлынула, она ощутила, что мышцы ее тела стали упругими, и поняла, что ее тело теперь

сильно, как никогда. Все это было странно и ново, необычно настолько, что не предупреди ее Макс заранее, она бы наверняка ударилась в панику.

Переведя дыхание, Лика завершила туалет и вышла в спальню. Макс ждал ее там. Он встал навстречу, внимательно глядя в ее лицо. Лика улыбнулась, и он ответил ей улыбкой. Потом он протянул ей красный российский паспорт:

– Держите, госпожа Суворова, Анжелина Николаевна, тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения. Вы забыли тут свой паспорт, а между тем наш вылет в половине шестого утра.

Эту последнюю она все-таки достала, но сил почти уже не осталось, и, если бы не Вика, обрушившая стеклянную стену, разделяющую лобби и пассаж, и взметнувшаяся птицей вверх, на второй этаж, эта тварь убила бы Ликю. А так умерла она. Но вслед за тем кровь в жилах Лики стала расплавленным свинцом...

История первая. Путешествие в страну утопии

Эти люди скромны, не речисты.

Мы не все их знаем имена.

Но недаром лучшие чекисты

Боевые носят ордена!

Песня о чекистах

Глава 4. За порогом

– Ну что, Федя, тряхнем или трахнем? – Макс, выглядевший сейчас, как немолодой байкер из американских фильмов, изволил иронизировать.

– И трахнем и тряхнем, – ответил уверенно Федор Кузьмич, выбираясь из машины.

Странное дело, все называют его Федором, даже те, кто, как Макс, знают, что никакой он не Федор и уж тем более не Кузьмич. И был-то он Федором, если разобраться, не так чтобы и долго, с двадцать шестого по тридцать седьмой. Всего ничего, при его-то жизни, но приклеилось имя, прижилось. Настолько естественным оказалось, что он и сам привык, и, когда уже в семьдесят первом, тихо похоронив генерала Суздальцева (то есть себя самого, любимого) на Коммунистической площадке на «Девятого января», озаботился сменой документов, снова назвал Федором Кузьмичом. Только фамилию сменил, потому что того, казалось, уже давно и хорошо забытого Федора Кузьмича, вдруг вспомнили, запоздало реабилитировали; и портретик его никудашный, с черно-белой некачественной фотки – из учетной карточки – увеличенный, висел теперь в одном закрытом музее. Так и жил Федор Кузьмич, вернее, доживал свою, по всей очевидности, последнюю жизнь, пока гром не грянул.

Химия работала в нем, не переставая, уже третью неделю. И не самодельная дрянь, а самая настоящая химия, из координаторского НЗ. Три недели большой срок, и обратная трансформация зашла уже далеко. Процесс пошел, как говаривал в пору ускорения и гласности последний генсек. Процесс и в самом деле пошел. Тот еще процесс. Регенерация тканей, перестройка («Опять перестройка, прости господи!») физиологии, активация встроенных систем шли полным ходом. Вместе с боевыми рефлексам и силой возвращалась и память о том, чего не следовало помнить все эти длинные годы. Отставка, она отставка и есть. Ушел на покой, сдай оружие и забудь о том, что тебе больше не нужно. Забудь и живи свою жизнь после жизни, как все. Пенсионер, он и в России пенсионер. В России, может быть, даже больше, чем где-нибудь за бугром. Но вместе с тем, что было забыто по обязанности, возвращалось к нему теперь и другое. Всплывали из мглы забвения вещи, забытые, казалось, за ненужностью, за давностью лет; изжитые годами – «Год за три, а то и за пять, уж такая у нас, грешных, война» – и опытом двух насыщенных событиями жизней.

Вернувшись теперь в Питер, который уже не Ленинград двадцать восьмого или шестьдесят первого, и уж тем более не Петербург 1876-го, он вспомнил как раз тот, далекий уже, можно сказать, мифический год, когда он покидал город, Россию и самое Землю навсегда. Тогда он думал, что навсегда. Воспоминания оказались неожиданно отчетливыми и острыми; иногда мучительными, потому что относились к необратимо и неоднократно уничтоженному прошлому, а иногда сентиментальными. Воспоминаний было много. Факты, ощущения, сцены. И среди прочего всплыло вдруг нечто, что, казалось, потеряло для него актуальность уже много лет назад. Не потеряло, как оказалось. Имя. Оно вернулось так естественно и просто, что даже непонятно было, почему этого не случилось раньше, и встало на собственное, родное место. Но вернулось оно вместе с воспоминаниями о детстве и их усадьбе («Ах, Антон Павлович, знали бы вы, какой у нас был вишневый сад!»), кадетском корпусе и... маме. Вот же дичь какая!

Человеку полторы сотни лет, а он мать родную вспомнил. «В детство впадаете, уважаемый Виктор Викентьевич!»

Они уже входили в отель, и Виктор отогнал посторонние мысли. Общее впечатление было скверным. Еще не успев проанализировать, что здесь было и как, он понял, что мизансцена ему не нравится. И шагнувший им навстречу Дима Скворцов это ощущение только усилил.

– Ничего личного, – сказал Дима.

Впрочем, девочка его опередила. Дима еще только начинал мямлить эту свою гребаную американскую припевку, а Виктор уже катился по полу, отброшенный, словно кегля шаром, толчком пролетевшей мимо него Лики. Казалось, он катится по этому мраморному полу вечно, и вечность ушла у него на то, чтобы вытащить из-под полы пиджака свой «стечкин».

«Почему именно «стечкин»? А потому что в Базеле у него был «узи»! Ну не мудак ли вы после этого, Виктор Викентьевич?»

Ничего хорошего он от этой встречи не ждал, но такого... Впрочем, жизнь научила его ничему не удивляться и всегда рассчитывать на худшее. Он и сейчас принял ситуацию как данность. Ситуация была скверная, но вполне преодолимая. Их было трое, и если бы дело ограничивалось только полутора десятками ряженных, старательно изображающих привычную жизнь лобби дорогого питерского отеля, они бы справились с этой комиссией по встрече без особого труда. Ну не без труда, конечно, но справились бы. Вот снайперы – целых три снайпера, – расположившиеся на втором ярусе, были почти несовместимы с жизнью, как говорят доктора. И опять же не в снайперах, как таковых, было дело. В конце концов, и Виктор расставил бы снайперов точно так же, как неведомый ему режиссер («Профессионал! Дима-покойник постарался, что ли?»); и он неплохо представлял себе, как жить и выжить после того, как расстрельная команда услышала вожделенное «Пли!». Но как минимум один из этих снайперов был неимоверно быстр. Виктор из последних сил крутился по лобби, все время смещаясь, меняя в случайном порядке направление движения, и то и дело переносил огонь со своих противников вверх, туда, откуда уже пришли три, слишком хорошо выцеленные, пули.

Лица ушла вверх. Виктор с трудом засек ее прыжок, так стремительна была она сейчас. А затем в бой вступил их последний резерв. Оставив за собой в пассаже несколько исковерканных тел и обрушив стеклянную стену, в лобби ворвалась еще одна фурия. Вика была так же стремительна, как и подружка Макса. Мгновенно оценив обстановку, она тоже взлетела наверх, и уже через несколько секунд выстрелы прекратились, и в лобби настала мертвая тишина.

Макс вынырнул из-за колонны и огромными прыжками бросился к лестнице, ведущей наверх, не забыв, впрочем, по пути добить выстрелом в голову раненого боевика. Виктор огляделся в поисках уцелевших комбатантов, никого живого не обнаружил и, подхватив с пола утерянный одним из «актеров» пистолет-пулемет «Ругер», занял позицию за стойкой, контролируя оттуда все пространство лобби. Наверху ощущалось какое-то движение, но спускаться никто не собирался. Время неумолимо утекало. С минуты на минуту к их противникам могло подойти подкрепление; да просто милиция могла проснуться и занервничать, хотя ее, милицию, Дима Скворцов наверняка нейтрализовал надолго. Не дождавшись напарников, Виктор перескочил через стойку, в несколько прыжков добрался до лестницы и, не сбавляя темпа, бросился наверх, перепрыгивая через три ступени за раз. Здесь, наверху, царил полный разгром. Все было залито кровью, но первым делом он увидел Макса и Вику, склонившихся над телом Лики. «Жалко девочку», – устало подумал Виктор, подходя к ним. Макс отреагировал на первое же его движение, плавно и стремительно крутнувшись на месте и выставив вперед ствол неизвестно где прихваченной «гюрзы». Узнав Виктора, он моментально потерял к нему интерес и снова переключился на Лику. Виктор подошел. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что здесь произошло. Девочка себя сожгла. Ему не хотелось даже думать о том, что сейчас происходит у нее внутри, но услужливая память – его новая-старая память – моментально выдала полную раскладку ситуации, как ее описывали в справочнике. Лица была еще

жива, и жизнь эта могла продлиться еще долго, три, а может быть, и четыре часа мучительной агонии, но конец был неминуем.

«О господи! – подумал он, глядя на несчастную девочку. – Ну чего же ты медлишь, Макс! Она же заслужила хотя бы милосердия».

Он уже хотел сказать об этом Макс (что-нибудь нейтральное, типа «пора, ребята»), но его опередила Вика, гладившая длинными своими пальцами мокрый от пота белый лоб Лики.

«А кстати, почему она не кричит?» – запоздало удивился Виктор.

– Две минуты, – сказала Вика сквозь плотно сжатые зубы.

Виктор не стал спорить. Если Вика говорит «две минуты», значит, две минуты. Он оглядел пространство вокруг них и сразу же увидел Хельгу. Хельга лежала всего в трех метрах от Лики. Рядом с ней валялся сломанный пополам ВСК¹⁶. Сама Хельга была тоже сломана, но заинтересовало Виктора другое. Он присел рядом с Хельгой и приподнял ее голову. Морщины уже почти исчезли с ее лица, кожа выглядела гладкой и упругой, исчезли жировые отложения на шее и подбородке. Виктор встал и быстро прошелся по помещению. Олафа он нашел быстро. Тот лежал на спине, сжимая в левой руке такую же игрушку, что и Хельга. Грудь его была разорвана.

«Это не пуля, – понял Виктор. – Это его кто-то из наших дам своими нежными ручками разделал».

Виктор не стал приседать и осматривать Олафа. Тут была та же картина. Все то же, все так же. Они оба зашли в процессе «возвращения» гораздо дальше, чем он. А ведь Виктор принимал свои таблетки регулярно и начал первым. Или нет? Они начали еще до того, как прозвучала тревога? Но у них не было таблеток! НЗ – это ведь НЗ, и весь НЗ хранится у координатора. Значит, фокусы в стиле Макса? Химия с алхимией, близнецы-сестры? Или есть еще кто-то?

– Пошли! – Вика уже стояла на ногах. Рядом с ней стоял Макс, положивший Лиду себе на левое плечо.

«Ну да. Так он сможет стрелять с правой», – отметил Виктор.

Немаленькая Лика казалась сейчас маленькой и... мертвой. Если бы не глаза, широко распахнутые глаза, глядящие в ад.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – сказал он.

– Не надо лишних разговоров, Виктор. Веди! – Вика была, как всегда, спокойна.

Ну что ж, теперь начиналось самое интересное. У него был припасен козырь.

«Сюрприз, однако», – подумал Виктор и двинулся в глубь здания.

Старики хорошо знали, что делали, и, когда вопрос касался секретности, не было такого средства, которое было бы им доступно и при этом не задействовано. Они исходили из старой, как мир, но от того не ставшей ошибочной, теории, что все яйца не кладут в одну корзину. Никакие мозговые блоки не могут полностью гарантировать сохранения тайны; ведь если кто-то придумал, как ставить блоки, другой может придумать, как их снять. До сих пор не придумали? Великолепно, но, возможно, проблема решается в данную конкретную минуту. А значит, продолжает действовать другое не менее древнее правило: каждый должен знать только то, что ему положено знать. Информацию, с которой знакомы слишком много людей, сохранить в тайне невозможно. Поэтому только Смотрящий знал, что такое на самом деле Порог. Он один знал, где находится резервный борт. И только он один – координатор – знал, как до них добраться, точно так же, как и точные процедуры доступа. Но даже Смотрящий, которым с пятидесятого года являлся Виктор, не знал, что будет, если он неожиданно умрет, унеся тайну с собой. Его самого назначили координатором во время посещения Земли официальным представителем Легиона. Рутинная инспекция, так сказать, но через пару дней после этого умер прежний координатор. Ну а если смерть наступила неожиданно? Каков механизм

¹⁶ Бесшумный снайперский комплекс ВСК-94.

дублирования? Ответов на эти вопросы Виктор не знал. Это было вне его компетенции, но, главное, совершенно неважно сейчас. Важным было то, что тропа, которую оборудовали Олаф и Хельга, актуальной более не являлась. В запасе оставались, однако, еще шесть входов. О том, что за Порог, чем бы он ни был на самом деле, ведет больше одной тропы, знал только координатор. Но сейчас на выбор тропы влиял не только фактор опасности уничтожения или захвата их группы. Теперь действовал еще один фактор. Время. Виктор не знал, что сделала Вика и как она это сделала. Сейчас было не время задавать вопросы, но раз Лика лежит на плече у Макса, значит, у нее появился шанс. Виктор не был сентиментальным. Просто не мог им быть. Сентиментальным он быть перестал еще сто лет назад. Не фигурально, а реально. Война не приемлет сантиментов, но Макс был его другом, – «И сколько у тебя осталось таких друзей, добрый человек?» – а Лика была членом команды, и раз у нее появился шанс, не использовать его Виктор просто не мог. За Порогом есть кое-какие лекарства, и еще кое-что можно добыть, и если Лика проживет достаточно долго, чтобы дожить до прорыва на борг...

– Сколько у нас времени? – спросил он через плечо, когда они начали спускаться по служебной лестнице в подвал.

– Часов восемь – десять. Не больше. И не хотелось бы, чтобы девочка мучилась зря. – Вика сказала все, что считала нужным, и замолчала. Сейчас главным снова стал Виктор. Ну что ж, теперь он знал, куда поведет свою команду. Была только одна дорога, которая выводила к Порогу меньше чем за шесть часов.

Следующие три часа прошли хоть и в беготне, но зато почти мирно. Двух орлов, которые охраняли выход из котельной, сняла Вика. Бесшумный бросок, неуловимое движение, напоминающее какое-то па из индийского танца рук, и в результате два трупа на грязном бетонном полу котельной. На этом этапе, к удивлению Виктора, вполне чувствовался халтурный подход к делу, характерный для нынешней российской действительности.

«Эх, нет на вас, голуби, Лаврентия! Но нам ли жаловаться?»

Впрочем, организаторы засады ничего не знали про Маски, а Виктору и Максиму того, что было приготовлено, хватило бы за глаза.

Машину захватил Виктор. Привычно уже вышвырнув из остановившегося на красный свет «фольксвагена» водителя и заняв его место, он проехал всего сто метров, притормозил, впуская в машину Макса с Ликой на руках и Вику, и рванул вперед, не соблюдая никаких правил. Это был всего лишь рывок на отрыв. Очень скоро он загнал машину в плохо освещенный переулок, и отсюда они побежали, под неожиданно начавшимся проливным дождем, через проходные дворы, слишком узкие и захламленные, чтобы проехать по ним на машине. Потом Вика ускорила и, обогнав их, исчезла в темноте, но когда они добежали до выхода на очередную улицу, здесь их ждала заведенная машина. Ничего не спрашивая, Виктор сменил Вику за рулем и погнал машину к Волкову полю. До кладбища добрались без приключений. Даже если их противники ввели в действие какой-нибудь план «Перехват», внимание их было сосредоточено на выезде из города, а не на внутригородских магистралях.

На кладбище было темно и холодно. Дождь продолжал лить, не утихая. Ни Виктор, ни Макс в такой темноте ничего не видели, но Вика видела достаточно хорошо, чтобы не дать им свалиться в какую-нибудь яму или налететь на ограду или памятник, а Виктор чувствовал направление. Так что через полчаса они вышли на место. А здесь Виктору понадобилось только три минуты, чтобы мысленно произнести все коды доступа, снять блокировку и открыть «дверь».

– Теперь за мной, – скомандовал Виктор и первым сделал шаг за Порог. Порог ощущался им, вернее, воспринимался, как некая бесконечная, уходящая сразу во всех направлениях стена, возникшая перед ними после снятия блокировки. Стена с широким и высоким неясной формы... проломом? проходом? лазом? Виктор называл это дверью, но при этом знал,

что, кроме него, ни стену, ни проход в ней не может увидеть или почувствовать никто. Такова была природа Порога.

По ту сторону все было абсолютно таким же, как и по эту. Здесь тоже было холодно и темно. Здесь тоже лил дождь. Не было только кладбища.

– Где мы? – спросила Вика, которая, должно быть, уже рассмотрела и опушку и лес за спиной.

– Секунду, – попросил Виктор, лихорадочно повторяя процедуру активации «двери» в обратном порядке. В сущности, «дверь» закроется и сама, но естественным образом это занимает от четверти часа до сорока минут. Кто его знает, что может случиться за такое время? Береженого Бог бережет.

«Дверь» наконец закрылась. Ничего неожиданного не произошло, и Виктор перевел дух.

– Вика, ты видишь дом?

Сейчас, в ночной тьме, ставшей совершенно непроницаемой из-за проливного дождя, увидеть дом могла только Вика. Но и Вика, насколько знал Виктор, видела лишь его общий абрис. На самом деле дом был примечательный. Построенный более ста лет назад по проекту неизвестного, петербургского архитектора, он напоминал маленький охотничий замок, каким он представлялся в те давние годы русскому обывателю: высокая черепичная крыша, узкие высокие же окна со ставнями, ну и прочие излишества, типа двух башенок над фронтоном. Строительная артель из провинции возвела это причудливое, но добротное сооружение из дикого камня, кирпича и стволов вековых сосен и дубов, которых в округе было немерено. Строители не знали, естественно, где они находятся и для кого строят дом, но сработали на совесть, так что дом простоял без капитального ремонта больше полустолетия. В шестидесятом генерал Суздальцев, в последний раз воспользовавшись по-крупному своим служебным положением, пригнал сюда взвод военных строителей. Солдатики две недели жили на природе, вволю ели выловленную в речке рыбу и подстреленных в лесу кабанов, умеренно пили (Виктор выдавал наркомовские сто граммов плюс еще сто – за качество, а прикупить, понятное дело, было негде) и обстоятельно, без авралов и приключений, ремонтировали старый дом. Эти были уверены, что дом принадлежит какому-то большому генералу, что было отчасти верно, ведь Суздальцев и был генералом, а то и кое-кем повыше. Как бы то ни было, и эти, развращенные уже социализмом строители отработали на ять. Когда Виктор был здесь в последний раз, в девяностом, он не нашел никаких по-настоящему серьезных поломок и ограничился косметическим ремонтом (покрасил, помазал да проводку подновил), тем более что на капитальный ремонт у него уже не хватило бы тогда сил.

– Вика, ты видишь дом? – спросил Виктор.

– Вижу.

– Веди нас к дому, но осторожно. Там забор из колючей проволоки. Ворота где-то напротив нас. Сразу за ними, слева, должен стоять грузовичок.

– Вижу. Держитесь за меня.

До ворот было недалеко – метров двести, не более. Когда они наконец достигли их, Виктор на ощупь нашел багры, оставленные им когда-то здесь же у ворот, обыкновенные багры, с помощью которых они с Викой сначала сдвинули блок колючки, открыв проход, а затем, пройдя внутрь, задвинули его обратно.

– Надо, надо, – ответил Виктор на невысказанный вопрос. – Волки тут водятся. И медведи. Теперь к дому. Дверь с этой стороны. – Виктор старался говорить спокойно, но на самом деле он торжествовал. Первый раунд они выиграли. Не без потерь, конечно, – он вспомнил лежащую на плече Макса Лику, безгласную, но страдающую – но они добрались сюда, а значит, их шансы на то, чтобы убраться с планеты, возросли неимоверно.

Между тем они подошли к двери дома, которая, как он и помнил, была не заперта. Впрочем, за десять лет, что прошли с последнего посещения «фазенды», дверь изрядно перекоши-

лась, но у Виктора вполне хватало теперь сил, чтобы открыть ее, не прибегая к помощи Вики. За дверью в ящике, укрепленном на стене справа, находился распределительный щит. Нашупав три верхних тумблера, он опустил средний, молясь, чтобы нигде в проводке не возникло за эти годы обрыва или какого-либо иного дефекта, и, выждав пару секунд, опустил и левый. Мигнув, зажглась лампа над головой, осветив довольно просторное помещение прихожей, и Виктор снова перевел дух.

– Сюда, – скомандовал Виктор, проходя вперед и показывая дорогу. Дверь напротив входной вывела их в большой зал с огромным камином, несколькими дверями и лестницей, ведущей на второй этаж. Обставлен он был весьма разнообразной старой мебелью: сталинский ампи́р соседствовал здесь с ампи́ром конца девятнадцатого века, а модерн начала двадцатого с современным хрущевским. Быстро пройдя зал по диагонали, Виктор распахнул одну из дверей и, щелкнув выключателем, зажег свет. Это была небольшая спальня с кафельной печкой, широкой кроватью, большим дубовым шкафом, столиком и двумя креслами. Виктор сразу направился к шкафу, распахнул створки и кивнул Вике:

– Белье и одеяла здесь.

– Макс, – обернулся он к Макс, прижимавшему к груди сотрясаемую конвульсиями и по-прежнему безгласную Лику (смотреть на это было страшно). – Уложишь девочку, займись печкой. Дрова в сенах.

Он взглянул на лужу, образовавшуюся под их ногами, и добавил:

– Тряпки там тоже есть. Я скоро вернусь.

Он вышел и уже бегом направился обратно в сени. Выскочив на улицу, под дождь, он сориентировался по памяти и, по-прежнему ничего не разбирая в плотном сыром мраке, осторожно пошел к бункеру. Собственно, единственным признаком присутствия здесь империи и был объект – бункер, вернее, даже не он сам, а то, что в нем находилось. Сам объект был построен из бетона, не более качественного, чем тот, из которого был построен в свое время питерский Большой дом. Но внутри бункера находилась весьма продвинутая машинерия: атомный генератор, насос, качавший воду из реки, система фильтров, через которую эта вода проходила, и канализационный коллектор дома. Впрочем, все это работало в автономном режиме и Виктора сейчас совершенно не интересовало.

Как ни был он осторожен, но стальная дверь бункера встретила его ощутимым ударом в лицо.

«Старость не радость, – подумал он грустно. – Это ж надо, не ощутить приближения преграды!»

Виктор постоял секунду, успокаивая дыхание, и начал мысленно артикулировать форму допуска. Раздался щелчок, означавший, что замок отключен, но входить Виктор не спешил. Пospешишь, людей насмешишь. Так насмешишь, что живого места не останется! Теперь надо было отключить механизм самоподрыва, срабатывающий на несанкционированное проникновение. Снова пункты и коды, которые надо продумать медленно, четко, зрительно представляя себе каждый знак в формуле. Еще один щелчок, и Виктор наконец смог войти внутрь. Ничего интересного в тесном, но ярко освещенном помещении не было. Все свободное пространство между машинами, одетыми в глухие керамические кожухи, и трубами было занято ящиками с оружием, которого Виктор натаскал сюда в разные годы, но и оружие его сейчас не интересовало тоже. Оружия было полно и в самом доме. Обойдя генератор, Виктор открыл небольшую дверцу в корпусе очистной системы и достал оттуда контейнер с аптечкой и ранец с аварийной укладкой. Затем, протиснувшись между генератором и баком накопителя, добрался до холодильника. Рядом на трубе висело несколько дерюжных мешков, в один из которых он и стал перекладывать содержимое холодильника.

Холодильник был нестандартный. Делать такие не научились еще ни немцы, ни американцы. И все равно, даже с поправкой на выдающиеся его качества, часть продуктов употреб-

лению уже не подлежала, но разбираться с этим Виктор сейчас не мог. Он быстро отобрал несколько банок мясных консервов, добавил канистру оливкового масла, пару упаковок галет, запаянные банки с кофе, чаем и сахаром и смахнул в мешок, не разбираясь, коробку с пакетиками сублимированных каш, соков и супов. Теперь настала очередь лекарств. По сравнению с тем, что содержала полевая аптечка, все достижения мировой фармакопеи были лепетом новорожденного, но, с другой стороны, и эти жалкие потуги земной химии могли оказаться бесполезны в их случае. Случай. Он снова увидел внутренним взором мертвое лицо Лики, и у него сжалось сердце. Виктор быстро, но внимательно отобрал и сложил в пустую коробку все обезболивающие и наркотики, которые у него были, бросил туда же наиболее сильные антибиотики, глюкозу, витамины. К сожалению, у него было всего три системы для внутривенных вливаний, правда, где-то между оружейными ящиками должна была стоять целая коробка одноразовых шприцев.

«Успеется. Не до них сейчас», – подумал он, смахивая упаковки со шприцами, оказавшимися в комплектах с лекарствами, в свою коробку.

Закончив с этим и запихав коробку в мешок, он так же быстро, как бежал сюда, побежал обратно. Закрывать бункер было не надо, запоры срабатывали автоматически, как только в помещении не оставалось живых людей. Судя по часам, на которые он автоматически взглянул, вбежав в дом, отсутствовал он всего ничего – двадцать минут.

В зале Макс закладывал дрова в камин. Оглянувшись через плечо на Виктора, он спросил ровным голосом:

– Угля у тебя тут нет случайно?

– Случайно есть! – крикнул Виктор на ходу. – В подвале. Подожди, я сейчас!

Он вбежал в спальню. Лика лежала на кровати, накрытая несколькими одеялами, рядом с ней сидела мокрая Вика и гладила ее лицо. Печь была уже затоплена – и когда Макс только успел? – но в комнате было по-прежнему холодно.

– Вот! – выдохнул Виктор, выставляя на столик контейнеры с укладкой и аптечкой и коробку с лекарствами. – Все, что есть. Что-нибудь еще?

– Да, – откликнулась Вика, не оборачиваясь. – Горячая вода. Много. И найди мне что-нибудь сухое, переодеться.

– Мигом, сударыня. – Виктор попытался щелкнуть каблуками, но мокрые ботинки издали только какой-то чавкающий звук.

Он пожал плечами и вышел из комнаты. Макс уже справился с камином – среди хитро сложенных пирамидкой дров пробивались первые робкие язычки пламени – и ждал его, стоя лицом к двери. Лицо его ничего не выражало, но вид у него был тот еще. Виктор хотел сказать что-нибудь ободряющее, но вышло, как выходило всегда в последние годы: умный поймет, а дураку не надо.

– Пошли, Терминатор, покажу, что в хозяйстве имеется, – сказал он и направился к двери под лестницей. Там находилась кухня. Войдя в нее, Виктор поставил мешок с продуктами на стол и обвел рукой помещение, как бы предлагая Максу ознакомиться с наличными удобствами.

– Вот, мон генераль, ознакомьтесь и распишитесь. Кухня одна, плита одна... – Он махнул рукой и добавил: – Уголь там. – Он кивнул на узкую дверь в дальней стене. – Давление в трубах должно уже подняться, так что вода есть. Синий кран – холодная, а красный... ну ты понял. Вика просила много горячей воды.

Виктор распахнул нижнюю дверьцу большого кухонного шкафа:

– Вот два ведра. В мешке еда. Хозяйничай, а я пойду искать сухую одежду. Извини, Макс, – добавил он, выходя. – Я не командую, просто...

– Достаточно, Федя! – кивнул Макс. – Давай лучше, неси одежду.

Виктор кивнул и пошел обратно в зал, по лестнице вверх и по коридору второго этажа в самый конец, к двум комнатам, служившим ему складом. Только сейчас Виктор почувствовал, как замерз. На улице было холодно, в доме тоже. Воздух был застоявшийся, пыльный и холодный. Знобкий.

Дом простоял пустым почти десять лет, и было очевидно, что от них троих потребуются немалые усилия, чтобы привести его в божеский вид. Тем более что на улице стояла уже осень. О проветривании в такую погоду не могло быть и речи, но вот протопить, согреть дом, было вполне реально. Дров должно было хватить, в сарае за домом лежали дрова, колотые чуть ли не в тридцать восьмом году. «Пожалуй, что и с тридцать седьмого еще остались, – с удивлением понял Виктор. – Были бы коньяком... – Он остановился и хлопнул себя ладонью по лбу: – Ну ты и склерозник, Виктор Викентьевич!» Он вспомнил сейчас про бочонок армянского коньяка, которому было двадцать лет еще в сороковом, когда он его сюда притащил. В последующие годы было не до того, и коньяк остался стоять в подвале.

Виктор покачал головой, то ли сокрушаясь, то ли впечатляясь и предвкушая. Вероятно, в его жесте было и то и другое.

«Да, – прикидывал он, направляясь дальше. – Прогреть дом. Это в первую очередь. Уборку сделаем завтра, ну там полы помыть, пыль вытереть... И на охоту кого-нибудь снарядим. Меня, например. Вика не сможет, а Макс не захочет». Он дошел наконец до своего импровизированного склада, включил в комнатах свет и огляделся, вспоминая, где и что лежит.

Последний раз он был здесь в девяностом. Он тогда остро почувствовал наступление настоящей старости. Силы уходили, а смены все не было. Визиты оттуда вообще прекратились. Никто не появлялся уже лет двадцать. Казалось, о них забыли, но он-то свой долг не забыл. Кто их знает, небожителей, может, они еще лет пять не прилетят или десять, а новому координатору все с нуля начинать придется. И тогда он решил сходить за Порог в последний раз.

Времена уже были рыночные, и Виктор воспользовался финским маршрутом. Выехать в Финляндию, даже по фальшивому паспорту, было несложно. Сложнее оказалось угнать грузовик. Возраст уже давал о себе знать, и все-таки ему удалось повернуть всю операцию, не засыпавшись. Воспользовавшись одним из своих старых закордонных счетов, он закупил все самое лучшее из того, что удалось найти за три дня пребывания в Хельсинки. А лучшими в его случае были продукты и товары, подходящие для длительного хранения. Для еды и лекарств у него был все-таки холодильник, а вот одежда, обувь, постельное белье и одеяла должны были лежать, возможно, что и долгие годы, в неотопляемом помещении. Та еще задачка. Хорошо хоть, что в доме не было проблем с грызунами и насекомыми. Не было их тут и быть не могло.

В конце концов, собрав свои покупки на одном из товарных складов и условившись со сторожем – деньги заставляют людей совершать совершенно невероятные поступки, – что забрет товар после полуночи, Виктор угнал этот гребаный грузовичок, который теперь и ржавеет рядом с воротами, и, загрузившись, успел-таки прорваться за Порог раньше, чем его начала разыскивать полиция. Этот висяк, вероятно, все еще омрачает отчетность финской полиции, потому что старичок, которого они искали – или не искали, – вышел из-за Порога спустя две недели недалеко от Луги и вернулся в Питер на электричке.

Ну что ж, беглая инспекция, в ходе которой Виктор, к своему удивлению, обнаружил невесть как и когда попавший на полку со свитерами маузер в деревянной кобуре; так вот, инспекция показала, что дела обстоят много лучше, чем можно было ожидать. Виктор наскоро отобрал три комплекта зимних спортивных костюмов, свитера, шерстяные носки и даже комплекты белья, правда, мужского.

«Простите, дама Виктория, но придется потерпеть!» Труднее оказалось найти подходящую обувь, но и с этим он в конце концов справился, обнаружив сначала целый мешок домашних тапочек, а потом и коробку с кроссовками Nike. Нагрузившись этим весьма ценным, по

нынешним грустным временам, имуществом, он уже хотел вернуться к друзьям, но в последний момент прихватил еще и маузер.

– Смотрите, генерал, что у меня есть! – крикнул он в открытую дверь кухни, где возился с кастрюлями и прочим кухонным хламом Макс. Там, в кухне, плавали клубы пара, гудел огонь в печи, лилась из кранов вода, гремела посуда.

Макс, сбросивший мокрые куртку и рубашку, огромный, взлохмаченный, выглянул из двери.

– Железку оставь себе, а за одежду спасибо, – бросил он Виктору, подходя и забирая из его рук одежду.

Положив одежду на перила лестницы, он, не тратя больше времени на разговоры, сбросил уже расшнурованные высокие ботинки и стал стягивать кожаные штаны. Виктор секунду понаблюдал за тем, как играют вновь налившись силой мускулы старого друга, а потом, швырнув маузер на один из диванов, стал тоже раздеваться прямо тут же, посреди зала.

– Вообще-то не мешало бы принять душ, а потом уже надевать сухое, – сказал он, стягивая через голову рубашку. Мокрая рубашка липла к телу и готова была скорее порваться, чем сняться.

– Что? – Макс уставился на Виктора, даже не натянув до конца спортивные штаны, которые, судя по всему, были ему маловаты.

– Что ты сказал? – Макс все-таки натянул штаны, но смотрел на Виктора с каким-то странным выражением.

– Я сказал, что глупо переодеваться, не приняв горячей ванны. Ну ты знаешь, принять ванну, выпить чашечку кофе, – мечтательно закатил глаза Виктор. – Кстати...

Но договорить он не успел. Макс его прервал новым странным вопросом:

– Тут есть ванна?

– Конечно. И не одна, а что?

– А для какого беса я тогда ношу воду ведрами?

Виктор еще ничего не понимал, но чувствовал, что в чем-то он все-таки прокололся.

– А зачем вообще столько воды? – спросил он.

– Лику помыть и согреть. Где эта твоя ванна?

– Вот ведь... – Виктор недоговорил, он понял, что, забежавшись, упустил из виду тот простой факт, что, кроме него, никто не знает, что тут есть и где. То есть он вроде бы имел этот факт в виду с самого начала, но вопрос с горячей водой понял дословно, не вникая в его истинный смысл.

– Прости, – сказал он виновато. – Забегался. Вот. – Он подошел и открыл дверь в стене, противоположной камину. За дверью открылся короткий коридор еще с двумя дверями, одна напротив другой. – Вот. Удобства. Черт! Туалет и ванна.

И завертелось колесо по новой. Кухонные дела были временно приостановлены. Макс мыл и чистил ванну, а Виктор лазил по подвалу в поисках жаровен. Потом уже Макс пересыпал в жаровни угли из печки и камина и таскал их в ванную, а Виктор и Вика копались в залежах одежды в поисках пижамы или рубашки для Лики и вообще женской одежды. Еще потом Вика ушла в ванну, сначала сама, а потом и с Ликой, и теперь уже Виктор крутился на кухне, а Макс приводил в порядок Ликину комнату, и так далее, до тех пор, пока Виктор, к удивлению своему, не обнаружил себя стоящим под душем.

Горячая вода лилась на него сверху тугими струями, стекала по голове и плечам, согревала грудь и спину, бежала ручьями по рукам и ногам, собираясь в маленькое пока, но быстро поднимающееся озерцо вокруг ступней. Вот ведь как мало иной раз нужно человеку, чтобы почувствовать радость жизни. После скоротечного, но крайне напряженного боя, беготни по городам и весям, нервов, дождя и холода влезть в ванну, встать под горячий душ и стоять так,

ни о чем не думая специально, ни о чем не заботясь, а только наслаждаясь жидким теплом, падающим на тебя сверху.

– То ли еще будет! – пропел Виктор в предвкушении, вспоминая заветный бочонок, тихо стоящий в дальнем уголке обширного подвала. – То ли еще будет, ой-ой-ой!

Глава 5. Вечер вопросов и ответов

«Голод не тетка», как говорят издавна в России, а при их нынешнем обмене веществ и подавно испытание не из приятных. А если добавить к этому еще и события этого долгого дня, начавшегося перелетом из Мюнхена в Санкт-Петербург и закончившегося, фигурально выражаясь, авральным Дюнкерком под проливным дождем, то понятно, что процесс поглощения горячей пищи обедом или, скажем, ужином назвать было трудно. Они просто ели, быстро и молча, насыщая свои растратившие слишком много энергии организмы. Но всему когда-нибудь приходит конец. Пришел конец и этой маленькой, но славной битве за жизнь.

Отодвинув пустую тарелку, Виктор встал, прошел в кухню, спустился в подвал и извлек из-за ящика с давно пришедшими в негодность батареями для армейской рации китайский двухлитровый термос. Вернувшись в зал, он молча отвинтил крышку термоса, вытащил пробку и торжественно разлил в хрустальные бокалы («богемия, не что-нибудь!») жидкость цвета крепкого чая, от которой тут же поплыл в прогревшемся воздухе такой аромат, что и Макс и Вика, и без того удивленные его поведением, воззрились на Виктора уже в полном изумлении.

– Прошу вас, meine Damen und Herren! Напиток богов! – объявил Виктор. – Нектар! Ну же, пейте!

Макс взял бокал, поднес к носу, втянул в себя фантастический запах и, уже не сомневаясь, пригубил. Вика и Виктор смотрели на него с интересом. Макс покатал жидкость во рту, проглотил, поднял брови и сделал еще один, гораздо более объемный глоток.

– Ну? – не утерпел Виктор. Он желал знать, какое впечатление произвел его «сюрприз» на знатока. Сам он уже успел глотнуть, когда наполнял термос из заветной бочки, и мнение его можно было выразить только одним способом: закатить от восторга глаза.

– Ну?

– Сколько лет этому чуду? – вопросом на вопрос ответил Макс, а Вика, увидев выражение его лица, тоже сделала глоток и так же, как ранее Макс, удивленно подняла брови. Или потрясенно? Скорее все-таки потрясенно.

– Ха! – ответил им Виктор, торжествуя. – Это чудо, дамы и господа, называется «Самтрест», и ему в этом году исполнилось восемьдесят лет.

Он был доволен произведенным эффектом и этого не скрывал.

Теперь выпить мог и сам Виктор. Он с наслаждением сделал глоток, ощутил во рту терпкий аромат старого коньяка («Коньяк, коньяк! Не торговать везем», – усмехнулся он в душе) и добавил второй глоток вдогонку первому. Виктория тоже отпила из своего бокала, а Макс принес с каминной полки сохшие там сигареты и закурил.

– Ну что, приступим? – спросил он, затянувшись и выпустив дым.

– Да, пожалуй, – согласился Виктор, покосившись на молча кивнувшую Вику, и, отставив бокал, сказал:

– Властью, данной мне, как координатору, объявляю вечер вопросов и ответов открытым. И первый вопрос у меня к тебе, Вика...

– Ты спешишь, – не дала ему закончить Вика, тоже отставляя бокал в сторону. – Мы не определились с субординацией.

Субординация. Слово прозвучало, как сигнал тревоги, и Виктор, прислушавшись к себе, понял, что Виктория права. «Как же это я? – удивился он. – Ведь это же первое дело. Дружба дружбой, а...»

– Виноват, – сказал он вслух и продолжил, перейдя на Ахан-Гал-ши – охотничий язык, который как раз в таких случаях и употреблялся в Ахане:

– Объявляю военное положение. Параграф три. Золотой горн: Сбор на большую охоту. Бронзовый рожок загоняющего: вижу атра, нуждаюсь в помощи. Параграф семь. Все способные носить оружие. Серебряный рожок наблюдателя: пожар в степи.

– Принято, – откликнулся Макс.

– Принято, – подтвердила Вика.

Виктор прислушался к себе, понял, что все идет, как надо, и продолжил:

– Предъявляю полномочия. Я, Скользящий, второй второй Правой руки. Доступ: серебряные двери. Ключи: рука – семь – двенадцать – меч – костер – два – крючок – восемь – лоно – четыре ноги.

Вика еще раз кивнула. Лицо у нее было строгое, глаза, казалось, следили за его, Виктора, артикуляцией.

– Предъявляю полномочия, – сказала она. – Я, Ночь, первая вторая Сердца. Доступ: серебряные двери. Ключи: лингам – двенадцать – двадцать семь – восемнадцать – четыре ноги – глаз – солнце – река – пять – лоно.

Слова прозвучали быстро, но отчетливо. Виктор почувствовал, что с Викторией он может говорить теперь обо всем. Ну почти обо всем. Ограничений, считай, не осталось, да он и не ожидал ничего другого. Оставался Макс, и они оба, он и Виктория, посмотрели на него.

– Предъявляю полномочия, – сказал Макс. – Я, Луч, первый второй Глаза. Доступ: серебряные двери. Ключи: трезубец – семь – лингам – уста – девяносто два – четыре – ладонь – река – тридцать три – серп.

– Принято, – автоматически произнес Виктор, почти синхронно с таким же «принято» Викторией. Он перевел удивленный взгляд с нахмурившегося Макса на невозмутимо посмотревшую ему в глаза Вику.

– Ты знала, – сказал он уверенно. – Ну что ж, я-то полагал, что старшая среди нас ты, Вика, но дела это не меняет. Прошу вас, господин Начальник Охоты.

Макс нахмурился еще больше, но паузу не затянул ни на одно лишнее мгновение.

– В силу принадлежащих мне полномочий, – начал он, – и в силу чрезвычайных обстоятельств подтверждаю военное положение и присваиваю ему уровень «Пожар в степи». Объявляю о формировании автономной оперативной группы «Стрела Айна-Ши-На». Коды: меч – луна Айна-Ши-На – лоно – рука – серп – мертвая голова – лингам. Отменяю любые ограничения на обмен информацией внутри группы. Назначаю Первым Загонщиком Скользящего, второго второго Правой руки. Все.

Удивил. Два раза подряд за одну минуту. Ну, Макс, нет слов, одни буквы. Сначала выясняется, что старый друг... кто? По земной табели о рангах, пожалуй что и генерал армии. А потом этот генерал армии назначает его, генерал-майора, командиром группы, в которую сам и входит.

– Принято, – сказала Виктория и потянулась к своему бокалу.

– Принято, – как эхо, вторил ей Виктор.

– Примите мои поздравления, Загонщик, – откровенно усмехнулся Макс. – Кстати, господин Загонщик, сигарет вы случайно не припасли?

– Случайно припас, – автоматически ответил Виктор. – Но за качество не отвечаю. Десять лет здесь лежали. Почему все-таки я?

– Потому что ты спецназ, а нам сейчас главное выжить, все остальное в рабочем порядке, – переходя на русский, ответил Макс и сделал глоток, опустошивший его бокал. – Сказочный напиток, Федя. Уж казалось бы, чего я в жизни только не пил, но такого, пожалуй, и не припомню.

Он взял термос, плеснул себе и вопросительно посмотрел сначала на Вику, а потом на Виктора. Виктор с готовностью протянул свой бокал, и Вика тоже, допив оставшийся коньяк, протянула Максу свой.

– Вернемся к нашим баранам, – сделав очередной глоток, повернулся Виктор к Виктории. – Вика, что с девочкой?

– Плохо. Но, возможно, не смертельно.

Виктор даже не услышал, а почувствовал выдох Макса и попросил:

– А поподробнее?

– Поподробнее... – Вика чуть подняла верхнюю губу, обнажая крупные белые зубы. – У нее поражена нервная система и практически все внутренние органы, порваны связки, общий сепсис... Но Маска уцелела, и это ее шанс. Мне удалось подзарядить ее Маску, Маска поддерживает работу внутренних систем или выполняет ее вместо них и пытается регенерировать что можно.

Сейчас она говорила по-английски. Вероятно, так ей было легче выразить свои мысли.

– Постой, постой! – вклинился Макс. – Но это же невозможно! Полностью разрядившаяся Маска дезинтегрируется...

– Верно. Но мне удалось задержать процесс.

– Вика, – осторожно спросил Виктор. – Что значит – тебе удалось задержать процесс? Что ты сделала?

– Вы не поймете. Это... Это не объяснить словами... Скажем так, я могу делать некоторые вещи, которые невозможны. – Она подняла руку, останавливая новые вопросы. – Это не секрет Легиона, это мой секрет. Личный. И я прошу вас сохранить эту информацию при себе, – твёрдо закончила она, поочередно посмотрев каждому из них в глаза.

Виктор был удивлен: «Ну и сколько раз я еще буду сегодня удивляться?» – но привычно взял себя в руки и кивнул.

– Твои тайны, твои, – сказал Макс.

– Принято. Так вот, я сделала, что могла, остановила процесс распада Маски и поддержала девочку. Немного, но этого хватило. Сейчас я дала ей наркотики, и она спит. Маска работает... Она тоже повреждена, так что не знаю... но она работает. Пока. Естественно, внутривенное питание: глюкоза, витамины. Антисептики и регенераты из нашей аптечки и местные антибиотики... Может быть, что-нибудь и получится. – Она пожала плечами, впервые позволив себе эмоциональный жест.

– Спасибо, – сказал Макс. – Я твой должник.

– Я запомню, – как всегда спокойно ответила Вика.

– Извини, Вика, – не удержался Виктор. – Еще один вопрос. Все-таки что это такое? Ну то, о чем ты говорила.

Вика молчала, вероятно, решая, отвечать или нет.

– Не знаю, как сказать. Сила? Что-то такое, – сказала она наконец. – У нас это иногда встречается. Не часто, но встречается. Но я повторяю, это секрет моего народа, и я требую сохранения тайны.

– Какого народа? – Вот теперь Виктор был потрясен по-настоящему.

– Ты что, не знал? – Макс был тоже удивлен, но совсем по-другому.

– Что я, по-твоему, должен был знать? – От волнения Виктор даже перешел на русский.

– Я не человек, Федя.

– Не человек? А кто тогда?

– Я той'йтши.

– Но, Вика, я что, никогда не видел той'йтши? У них зубы, знаешь ли, и, вообще, челюсти и нос...

– Мне сделали очень сложную пластическую операцию, а физиологически между нами различий нет... Почти.

– Чем дальше в лес, тем больше дров! Может, и ты, Макс, тоже скрытый двир или кумх?¹⁷

– Нет, Федя, я всего лишь старочешский еврей. Увы.

– Извини, Вика, за эмоции, но сама понимаешь... Сколько лет мы знакомы? Я и не почувствовал ничего.

– А ты и не должен был, – улыбнулась Виктория. – Меня хорошо готовили. Успокойся, пожалуйста.

– А я и не волнуюсь, – ответил ей Виктор с раздражением в голосе. – Ну и что теперь? Займемся разбором полетов и стратегическим планированием?

– Нет, – покачала головой Вика. – Мы сегодня слишком устали. Времени у нас будет еще достаточно. Или нет? Лике нужно как минимум две недели, чтобы стать транспортабельной. Если вообще... Отсюда три вопроса: Где мы находимся? Как долго мы можем здесь быть? И как мы сможем выйти?

– Хорошие вопросы, – поддержал Вику Макс. – У меня только дополнительные недоумения по поводу первого вопроса. – Он вытащил из кармана штанов и последовательно выложил перед Виктором обрывок старой пожелтевшей газеты, такую же выцветшую картонную коробочку из-под каких-то лекарств и старую эбонитовую самописку. – Может быть, ты нам объяснишь, Федя, что все это значит?

Виктор взял со стола авторучку, повертел ее в пальцах, рассматривая. Ручка как ручка. Ничего особенного, казалось бы. Такие выпускали в Союзе в конце тридцатых, вот только внимательный человек заметил бы, что эта конкретная самописка выпущена, согласно литой надписи на эбонитовом корпусе, на московской фабрике имени товарища Блюмкина; заметил бы и сильно задумался над странной сей оказией.

«Вот что значит профессионал! – с уважением подумал Виктор, рассматривая бог весть где завалившуюся безделушку. – Да, талант не пропьешь!»

Он перекинул авторучку заинтересованно наблюдавшей за ним Вике, но Виктория конечно же ничего интересного в диковинке не нашла, подняла удивленно бровь и вопросительно посмотрела на Макса, как бы спрашивая: «Ну и что здесь не так?» И то верно. Что ей до всего этого? Такие персонажи, как Яша Блюмкин, могли интересовать только их, двух старых коминтерновских козлов, половину третьей жизни угробивших на борьбу за светлое будущее человечества. А Вика... дама Виктория Хаттингтон сибаритствовала в иных краях, вращалась в другом обществе. Вот о лондонских и вашингтонских политических интригах она бы с удовольствием поговорила и много чего интересного, надо полагать, порассказала бы.

Виктор со скептической улыбкой, относившейся, однако, не к Вике, а к ним двоим («И чего не живется людям? Ищут, елки зеленые, сложностей на собственную задницу...»), просмотрел бегло газетный обрывок. Бумага пожелтела, печать выцвела, но прочесть текст было еще можно. Взгляд привычно пробежался по строчкам. Сверху вниз. Отчет об антифашистском митинге трудящихся города Свердловска. Газета, по-видимому, «Правда», а год, надо думать, 1939-й («Ну да! Перед самой войной или сразу после начала...»). И все бы ничего. Обычный отчет, об обычном для того времени митинге, но, если верить отчету, собравшиеся встретили бурными аплодисментами заявление замнаркома обороны маршала Муравьева¹⁸ о том, что фашизм не пройдет, враг будет разбит и победа будет за нами. И ведь, что характерно, не однофамилец какой-нибудь, а тот самый Михаил Артемьевич, который, произнес на

¹⁷ *Двир, кумх* – колониальные народы Аханской империи.

¹⁸ *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918) – левый эсер, подполковник царской армии, с 13 июня 1918 г. главнокомандующий войсками Восточного фронта. После левоэсеровского мятежа 1918 в Москве Муравьев поднял мятеж в Симбирске. Убит при вооруженном сопротивлении аресту.

митинге правильные эти слова. Как в воду глядел. Не прошли. Были разбиты. И была победа. Была.

Виктор отложил бумажку, сделал глоток из бокала, переждал секунду, наслаждаясь букетом, вытащил из покореженной пачки сигарету, закурил и только после всех этих нарочито неспешных действий заговорил:

– Отвечаю по пунктам. Где мы? Мы, *las senoras y los senores*¹⁹ находимся за Порогом. *Was die Schwelle ist?*²⁰ Он ист...

– А без этого никак нельзя? – поморщился Макс, тоже закуривая. – Ты уверен, что у тебя есть сигареты?

– Сказал уже. Есть.

– Тогда продолжай, пожалуйста.

– Продолжаю. Мне никто ничего не объяснял. Назначили в пятидесятом координатором и передали вместе со всем прочим и это место. Где оно находится, что за место, как и почему, не объяснили. Сказали, мол, место пустое, ничейное. Людей нет и не будет, а зверья полно. И все!

Виктор покачал головой, вспоминая передачу полномочий.

– Вообще-то я спросил. Но они сказали, что это неважно. – Он снова отпил из бокала. – Только я тогда уже кое-что знал. Наши небожители меня ведь не спросили о том, что я знаю или не знаю, а я первым к старшим по званию обращаться не приучен.

– Подожди, Федя. Что значит, знал? Откуда? – Вика была удивлена.

– Откуда... До меня Смотрящим был один дяденька, который в отставку ушел, когда мы только вербовались. Жил он, Вика, вроде тебя в Европах. Красиво жил и дожил до того, что в России советская власть и граница на замке.

– Я так понимаю, что вход не один, или нет?

– Правильно понимаешь, Макс. Их шесть. Шесть входов, и только один по ту сторону границы. – Виктор с удивлением обнаружил, что совершенно спокойно раскрывает сейчас служебные тайны и никакие блоки ему не мешают. – Вот старичок и запаниковал и, как я сейчас понимаю, сумел убедить себя в необходимости частичного раскрытия секрета настолько, что доверил мне код доступа и один из входов. Ну а я соответственно присматривал за домом, осуществлял снабжение и был готов, если потребуется, открыть окно на границе. Вот этого как раз и не потребовалось. Зато... – Виктор вспомнил сейчас то время, как будто это происходило вчера. Даже эмоции свои вспомнил. Горечь в душе. Разочарование. Тоска.

– В тридцать седьмом я вернулся... Ты, Макс, не захотел, а я... Ну ты понимаешь. Я как раз из-под Уэски, весь в боевом угаре, и сразу в Москву. А там мясорубка такая, что впору вспомнить незабываемый тысяча девятьсот восемнадцатый год. Метут всех. Пленумы, тройки, митинги. У Коли²¹ глаза безумные, а вместо крови морфин, растворенный в алкоголе. Слуцкий²²... Вот мужик был. Ас! Он мне ничего не сказал, только в глаза посмотрел, и я все понял. Рванул в Питер. Под Лугой есть вход, через него я сюда и выскочил. И застрял я здесь надолго. Только в сороковом вылез тихонько, и по старой ксиве (Вика встрепенулась, услышав незнакомое слово)... Это документы, Вика. Были у меня документы заготовлены, вот по ним и легализовался. Ну, да это к делу не относится. А вот что относится, так это мое здесь пребывание. Вы поймите, – налей и мне, Макс, – я сюда не на день, не на неделю попал. Застрял надолго. Еда здесь была – я как раз в тридцать пятом запасы обновил – так что с этим проблем не было. Опять же, зверья здесь полно: хоть каждый день охоться. Кабаны, олени, лоси, зайцы всякие, но

¹⁹ Сеньоры и сеньориты (*исп.*).

²⁰ Что есть Порог? (*нем.*)

²¹ *Ежов Николай Иванович* (1895–1940).

²² *Слуцкий Абрам Аронович* (1898–1938) – один из руководителей советской разведки (ИНО ОГПУ-НКВД), комиссар госбезопасности 2-го ранга.

скука смертная. Необитаемый остров помните? Вот оно самое, что у того Селкирка²³, только с комфортом. И стал я от нечего делать думать, что же это за место такое и где оно все-таки находится? Если по звездам судить, северо-запад. Километров двести, не больше, от Новгорода. Ну сходил я в разведку. Карта тут завалилась старая, еще от империи российской осталась, я по ней и пошел с компасом. Поверите, четыреста верст отмахал, и никаких следов цивилизации. Ни тебе железки, ни шоссе, ни дорожки, раздолбанной какой, местного значения. Ничего. Ни городов, ни сел, ни линии телеграфной. Пусто. Дикая природа и все. Но ведь я не мальчик. Кое-чего в этой жизни понимаю. Деревья, зелень, зверье – все наше, родное. Все типичное, именно что для северо-запада. И климат. Значит, что?

– Ты хочешь сказать, что это параллельный мир? – с интересом спросила Вика.

– Ну была у меня такая мысль. Но ты, Вика, подожди. То ли еще будет! Фэнтези у нас было...

– Какое фэнтези? – не понял Макс.

– А такое! Вот тут дама Виктория, оказывается, маг у нас и волшебник, а ты говоришь! Так что фэнтези у нас было. Science Fiction тоже. Вся наша жизнь, можно сказать, одна сплошная научная фантастика. А теперь, следите за руками, будет у нас die alternative Geschichte.²⁴

Виктор, довольный произведенным эффектом, откинулся на спинку стула и от души засмеялся. Потом пополоскал рот коньяком, наблюдая с торжеством за выражением лиц Макса и Вики, и, наконец, решил, что пора бы и продолжить:

– Я время от времени лазил обратно. Остороженько, как мышка... высунуть, послушаю радио – и обратно. И вот, как-то раз – я выпивши был, если честно, – ошибся в кодах доступа. Гляжу, а стена не там, где надо, и не такая. А! Вы же не знаете. Когда артикулируешь код доступа, видишь Порог. Не Порог, конечно, а что-то такое... типа стены или преграды, а в ней пролом, дырка, ну так примерно. Понимаете? И вот вижу эту дурацкую стену, а она не там, то есть не так расположена. Не объяснить это словами, только знаю, не то. Но пролом-то есть! Я и влез. И опять же, с той стороны... Ну то есть под Лугой это полянка в лесу. Здесь опушка. А там... там тоже опушка, речка, очень похоже, но сразу видишь – не то! Другое. Послушал я радио и чуть с ума не свихнулся. Как в бреду. Сижу, слушаю и обалдеваю. Я, ребята, ту ночь как сейчас помню. Это была передача из Питера... Я сначала не вник, а потом слышу что-то типа товарищ Свердлов посетил верфи Балтийского завода, и поплыл. Какой, на хрен, Свердлов, если он уж сколько лет как покойник? Все, все, Макс! Подробности письмом и в другой раз. По факту, Вика права. Это все параллельные реальности или еще как, но суть от того не меняется. Я так полагаю, мы сейчас находимся на Земле, только на другой Земле, где людей отродясь не было или вымерли, к чертовой матери, как мамонты. Мамонты, кстати, здесь не вымерли. Я, когда к Новгороду шел, встретил пару. Здоровые, что твои лоси! Так вот, это параллельная Земля. А есть и еще одна. Это на твои недоумения, Макс, ответ. И на той Земле все как у нас, но с двумя существенными различиями, или тремя. Первое: они на четыре года примерно от нас отстают по времени. Сейчас у них, стало быть, девяносто шестой. И второе: Каплан не промахнулась, то есть, как я понимаю, не то чтобы Фаня могла попасть, но боевики Феликса Эдмундовича работу выполнили не так топорно, как у нас. И все пошло по-другому. Там у них рулили Свердлов и Дзержинский и примкнувшие к ним Фрунзе и Троцкий со Смирновым. То есть все как один местные кадры. Даже Лев Давидович как бы свой – председатель Петербургского Совета, не кот насрал. А кстати, Макс, угадай, чем он у них особенно знаменит?

– Если спрашиваешь, значит, что-то совсем особенное.

– Не то слово! Он у них творец новой экономической политики и теоретик социалистической экономики в эпоху капитализма!

²³ Александр Селкирк – английский матрос, прототип Робинзона Крузо.

²⁴ Альтернативная история (нем.).

– Ты серьезно?

– А то! У них, Макс, другой социализм, хотя черного кобеля... ну ты понимаешь. Создателей Красной армии там, кстати, трое, как Отец, Сын, и Дух Святой: Фрунзе, Лашевич, и... в жизнь не угадаешь! – Муравьев! Свердлов все больше в Советах, Троцкий в экономике и теории, Феликс (он у них в тридцать четвертом помер) – ВЧК, НКПС и далее везде. Зиновьева, Каменева, Бухарина и еще до кучи, всех к стенке поставили, как врагов народа и наймитов мирового капитала. Как говорится, от судьбы не уйдешь. Блюхера и Тухачевского тоже, только колода стасовалась по-другому. Там и Буденного к заговору подверстали. А вот Клим опять сухим из воды вышел, но это уже так, подробности. Постреляли, помитинговали и пошли дальше, строить, что там положено. Ну что ты, нас, коммунистов, не знаешь? Бей своих, чтоб чужие боялись! Такой вот ответ на поставленный тобою вопрос.

Теперь, Вика, снова тебе отвечаю. Сидеть мы здесь можем долго. Выйти можем в Финляндии. Этот вариант и потому хорош, что до корабля оттуда ближе.

– Вот как? – Вика думала о своем. – Где же борт?

– Борт далеко вообще-то. Он на орбите Плутона, но в Северном море лежит бот. Высвистать его можно из нескольких мест в Норвегии. Так что Финляндия предпочтительнее, тем более что наши приятели попытаются нас перехватить, и чем меньше время в пути, тем, мне кажется, лучше.

– Да уж, – согласился Макс.

– Как скажешь, – кивнула и Вика.

– Ну что? Может, баиньки, или как? – спросил Виктор, вставая.

– Идите, – откликнулся Макс, тоже вставая из-за стола. – Я посижу с Ликой.

И он направился к двери в Ликину спальню. Виктор проводил его взглядом и, вздохнув, пошел вслед за Викторией наверх, где он успел наскоро привести в порядок две спальни.

Думая о своем, он вошел в коридор и едва не налетел на Викторию. Вика стояла лицом к нему и, по-видимому, ждала его. Он остановился так близко к ней, что ощутил ее дыхание. Именно это, наверное, и сработало, как спусковой крючок. Он вдруг увидел ее другими глазами. Овальное лицо с правильными чертами, огромные серо-стальные глаза, мягкие платинового отлива волосы. Чего тут было больше, коньячных паров или силы взрывной регенерации тканей, помноженной на боевой стресс, но факт, что для него сейчас совершенно несущественными стали и ее внеземное происхождение, и число прожитых ими лет, до которых со времен допотопных патриархов на Земле не доживал никто. Он видел перед собой молодую – лет тридцати пяти – сорока, не больше – и красивую – ну очень красивую! – женщину, которая хотела его не меньше, чем он хотел ее. Он обнял ее за плечи – Вика была почти одного с ним роста – и привлек к себе, чувствуя, как ускоряет свой бег сердце и как в унисон ему разгоняется другое сердце.

«Как давно я этого не делал? – спросил он себя отстраненно, скользя ладонью по бедру Вики, прижимая ее к себе и ощущая живой жар ее груди. – Другая эпоха! Ледниковый период». Он жил сейчас как бы в двух слабо соприкасающихся измерениях. Один он раздевал Вику, целуя ее и задыхаясь от острого желания, которое внезапно охватило его, как огонь сухую степь; ласкал ее молодое упругое тело, восхищался формой ее груди, все глубже погружаясь в фантазмагорию страсти. А другой он смотрел на это как бы со стороны, оценивая свои и ее действия, все понимая и удивляясь только тому, что это снова пришло к нему.

«Ну не знаю, – думал он. – Может, она и тоййтши, но по мне так она восхитительная женщина. Притом именно, Женщина».

Потом, когда они лежали обнявшись, впитывая в себя тепло друг друга, ощущая друг друга и наслаждаясь этим не меньше, чем тем, что этому предшествовало, он вспомнил их давнюю первую встречу на Сладких водах. Дело было весенним вечером, в воздухе стоял оглу-

шителный аромат цветущих яблонь, на глади озера лежали две лунные дорожки, в которых плавали черные лебеди принцессы Сцлафш.

– Смотри! – шепнул Виктору спутник. – Жирные Коты!

Виктор оглянулся. По деревянным ступеням лестницы, спиралью охватывавшей холм, поросший кустами дикой розы, из верхнего павильона спускались несколько мужчин и женщин в легких, мало что скрывающих одеждах. Спутник Виктора был капитаном гвардии, да к тому же из Тхоланского городского ополчения – одного из трех именных гвардейских полков. Естественно, что он был дворянином, и дворянином не из последних, но в голосе его Виктор услышал такое восхищение, такой восторг, что можно было бы и удивиться, но Виктор не удивился. Он знал. Жирные Коты – двенадцать жемчужин в ожерелье нежной Айна-Ши-На²⁵, двенадцать семей, стоявших выше любых герцогов и князей империи; настолько выше, что не носили никаких титулов вовсе. Они стояли лишь на малую ступень ниже императора, которого и самого титуловали только в силу традиции. Традиция требовала называть его императором, хотя родовое имя само по себе являлось самым громким из возможных титулов. Титул императора, таким образом, был всего лишь условностью, но Жирные Коты были вне условностей. Они были живым воплощением божественной сути империи, и им хватало одних лишь своих родовых имен.

Они шли, что-то негромко обсуждая между собой; их движения были легки и изящны, демонстрируя превосходную координацию, характерную для высококлассных игроков в Жизнь; их великолепные тела были практически обнажены – они были выше стыда, выше какой-либо этики, и их мораль была их моралью. Любой из них, тем более любая притягивали к себе взгляды, но Виктор споткнулся взглядом о тоненькую, гибкую девушку с волосами цвета старого серебра и огромными серыми глазами. Так он впервые увидел младшую Йя.

– Смотри-ка, – нежно пропела Вика прямо ему в ухо, отвлекая от сладостного воспоминания. – Оказывается, ты, Федя, герой-любовник! – В ее голосе пузырьками шампанского вскипал смех.

– Дурное дело нехитрое, – смутившись, буркнул Виктор в ответ.

– А ты не забыл, дорогой, что на мне Маска?

– Ну и что ты мне сделаешь, моя Йцзо-Шцай²⁶? Вырвешь печень, как Олафу?

– Олафа убила девочка.

– Молоток девочка!

– Федя, я иногда не понимаю твой русский. Слишком много сленга.

– Я и сам его порой не понимаю. Слушай, а почему ты выбрала Землю? В смысле, почему именно Земля? Полагаю, это случилось не из-за того, что на ней проживает такой герой-любовник, как я? – Он хотел пошутить, но вышло...

– Нет, конечно, – улыбнулась Вика и вдруг замолчала.

– Глупость какая! – сказала она спустя минуту и села на кровати. Виктор залюбовался ею – у нее было сильное, но гибкое тело зрелой женщины, великолепное тело младшей Йя, – но в то же время он увидел, что его Йцзо-Шцай чем-то сильно встревожена.

– Вика, что?..

– Федя... – Ее огромные глаза буквально заглядывали в него, как будто пытались проникнуть внутрь его мозга и что-то прочесть там. Что-то важное для нее. Вика была явно встревожена и озадачена.

– Ты что, читаешь мои мысли? – усмехнулся Виктор.

²⁵ *Айна-Ши-На* – один из трех старших богов/богинь аханского пантеона. Боги верхнего неба имеют, по аханской традиции, двойную сущность, выступая, в зависимости от ситуации, то в своем мужском, то в женском воплощении.

²⁶ *Йцзо-Шцай* – Утренняя Дева, одна из восемнадцати женских божеств любви в средневековом аханском пантеоне. Ныне ее имя используется как нежное, но уважительное обращение мужчины к женщине, с которой он состоит в любовной связи.

– Подожди! Ты ничего не помнишь? Ну же, Федя, милый! Вспомни! Скала прощания... ночь... – Голос ее звучал тревожно, как порывы ветра в скалах Приюта в штормовую ночь.

Штормовая ночь. Ветер. Молния. Трезубец!

Штормовая ночь. Небо затянуто тучами. Луна не видна. Луна. Луна Айна-Ши-На!

Штормовая ночь. Волны грудью штурмуют скалы Приюта. Скала прощания. Маяк. Глаз и Луч!

Трезубец – Луна Айна-Ши-На – Глаз – Луч.

Пора открыть глаза!

Они стоят на скале прощания. Ветер пытается сорвать с нее темный тяжелый плащ, приносит водяную соленую взвесь.

– Мне нечего делать дома, милый. Что я буду там делать, скажи, пожалуйста. Ты знаешь, как мы живем? У нас Средневековье, милый. И потом, кому нужна такая уродина, как я?

– Ты красавица!

– Да, в твоих глазах, милый. Но мои сородичи смотрят другими глазами. И потом, там не будет тебя.

Виктор вздрогнул, освобождаясь от видения. Сердце его неистово билось в груди, как если бы решило вырваться на волю.

– Бред какой! – сказал он, глядя ей в глаза. – Вика, ты помнишь то же, что и я?

– Видимо, да.

– Но как? Господи! Мы семьдесят лет жили на одной планете и... – Перед глазами поплыл какой-то туман.

«Я плачу?» – Он удивился, но сила потрясения была такой, что даже слезы, вкуса которых он уже и не помнил, не были для него сейчас чем-то таким, о чем следовало думать или о чем следовало жалеть. Тем более стыдиться. Вика сидела напротив него, и по ее щекам тоже стекали слезы.

«Но как это возможно? Почему, Господи? Почему? – спрашивал он себя. – Семьдесят лет! Украсть у них жизнь и любовь!»

Он мимолетно подумал, что, вероятно, следовало бы тотчас спуститься вниз и все рассказать Макс, но увидел мысленным взором маленькую спальню и девушку с мертвым лицом, рядом с которой в кресле сидит огромный мужчина и, возможно, тоже плачет сейчас, точно так же, как плачут они с Викой, и понял, что никуда не пойдет. Не сейчас. Они ждали этой ночи семьдесят лет, так что для них теперь лишний час или лишний день? Он обнял Вику, прижал к себе так тесно, как мог, не причиняя ей боли, и зарылся лицом в ее мягкие волосы.

Глава 6. Преданья старины глубокой

Толчок – и Виктор проснулся, сразу перейдя из состояния сна в состояние бодрствования. И даже больше того, он проснулся готовым ко всему, как просыпался раньше, когда был молод и тренирован. И сейчас, как раньше, когда-то, где-то, в другой жизни, он знал, что ни один мускул не дрогнул на его лице; сердце, как и дыхание, не изменило ритма; и ничто не могло сказать постороннему о том, что Виктор уже не спит. Но он не спал. Он открыл глаза и скосил их к окну. За окном тьму сменил жидкий рассвет, заштрихованный струями дождя. Рядом с ним ровно дышала Вика. Он слышал ее дыхание не слухом, а телом. Он чувствовал идущее от нее тепло, ее запах, само ее присутствие здесь и сейчас, рядом с ним. И ровно бьющееся сердце наполнялось радостью; радостью, о которой он давно забыл, а теперь, ощутив ее впервые за много лет, принял, как часть себя, нового старого себя. Того Виктора, каким он был и каким он быть давно уже перестал, как казалось, навсегда. Оказалось, что нет.

«Я могу осторожно встать, – подумал он лениво. – Или обнять Вику...»

Но раньше, чем он успел додумать легкую утреннюю мысль («Господи, как давно я не просыпался в хорошем настроении!»), стремительное тело прижало Виктора к матрасу, и требовательные губы коснулись его губ.

«Чшарцша'ш²⁷! Йё атр рёй²⁸!»

«Чшарцша'ш! Йё атр рёй!» – мысленно кричал Виктор, отвечая на ее поцелуи, попеременно лаская то ее спину, то грудь, сжимая ладонями ее ягодицы; кричал, возносясь все выше и выше, до верхнего неба; кричал, низвергаясь в сладостные и убийственные глубины Ада Чшарцша'ш, раскачиваясь между небесами и безднами, до тех пор «пока поток не упал на равнину».²⁹

«Ну и кто я теперь?» – спросил он себя, медленно уплывая в сон. – Русский коммунист или аханский дворянин? Какой глупый вопрос...»

На этот раз их разбудили ударами в импровизированный гонг. По-видимому, Макс использовал для этой цели большую сковороду, висевшую на кухне над плитой. Виктор проснулся сразу и улыбнулся севшей на постели Вике.

– Я так понимаю, мы проспали завтрак, – сказал он беззвучно смеющейся Вике. – А может быть, и обед.

– Я готова заодно и поужинать, – рассмеялась Вика. – В душ?

– Лично я, пожалуй, сбегая к реке.

– Тогда вперед! – Вика плавно перетекла с кровати на пол и сделала вращательное движение, напоминающее па из классического репертуара, но бывшее на самом деле разгонным разворотом в боевую стойку, характерную для столичных игроков в Жизнь.

– Может, набросишь что-нибудь? – спросил Виктор, любуясь одновременно и красотой ее тела, и слаженной гармонией работы ее мышц.

– А зачем? – откликнулась Вика, имитируя атакующую связку в три движения, при которой наклон ее тела и положение разошедшихся в стремительной смене позиции ног на миг открыли Виктору такой вид, от которого и бывалые знатоки женского тела пришли бы в восторг и экстаз.

«Вот именно!» – качая головой, подумал Виктор.

– Ну... – только и смог произнести он.

– Спасибо, милый! – лучезарно улыбнулась Вика, выпрямляясь. – Я не замерзну.

– Я, собственно, не это имел в виду, – наконец признался он.

– Я поняла. – Она секунду смотрела ему в глаза, потом улыбнулась и, как ни в чем не бывало, согласилась: – Хорошо, я наброшу рубашку. А ты можешь надеть трусы.

– Хрен знает что! – выругался Виктор, высматривая свои трусы.

– Совершенно с тобой согласна, – невинным голосом сказала Вика, выживая из кучи одежды свою рубашку и его трусы. – Хотя и не знаю, что это означает.

– Хрен – это такой национальный русский овощ, – буркнул Виктор, натягивая трусы. – Пошли!

Они бегом миновали коридор («Ну словно дети малые!»), слетели по лестнице («Боги, вы не забыли, сколько мне лет?») и ворвались в зал, где их встретил невозмутимый Макс («Ну ты понимаешь, Макс?»). Макс был тщательно выбрит и одет, пах кофе и коньяком, в левой руке держал огромную сковороду, в правой половник, а в зубах дымящуюся сигарету.

– Доброе утро, – сказал он своим глубоким басом.

²⁷ Чшарцша'ш – безумная, опьяненная. Богиня любовного безумия, одно из восемнадцати женских божеств любви в средневековом аханском пантеоне. Ныне ее имя используется как интимное, на грани нарушения приличий, обращение мужчины к близкой ему женщине.

²⁸ Йё атр рёй – дословно божественная тигрица. Титулование Айна-Ши-На во время праздника плодородия.

²⁹ Строка из поэмы неизвестного раннесредневекового североаханского поэта «Голос ночи», ставшая общепринятым эвфемизмом завершения полового акта в новоаханском литературном языке.

– Привет-привет! – стараясь не показать смущения, бодро откликнулся Виктор.

– Хай! – пропела Вика, стремительно смещаясь к Максиму и целуя его в щеку.

Макс поднял левую бровь и несколько неуверенно поинтересовался:

– Кажется, все в порядке?

– Ну конечно! – ответила ему Вика и без перехода спросила: – Как наша девочка?

– Твоими молитвами! – Макс пожал плечами. – Она все время спит.

– Сейчас взгляну. Подожди, милый! – И Вика скрылась за дверью комнаты, в которой лежала Лика.

– Дай закурить, что ли, – сказал Виктор, чтобы что-нибудь сказать. Он чувствовал себя неловко, стоя почти голым посреди зала.

– Последняя, – сказал Макс, протягивая пачку.

– О! Я же тебе обещал, – обрадовался Виктор. – Сей минут, амиго. – Он взбежал по лестнице обратно на второй этаж, и уже не торопясь, пошел к своему импровизированному складу. Коробка с сигаретами «Мальборо» лежала на шкафу. Он достал ее, понюхал, пожал плечами и пошел обратно. На все про все ушло не больше пяти минут, но прятаться от Максима Виктор посчитал глупым. Одеваться тоже.

Спустившись, он торжественно поставил коробку на стол, оторвал заклеенную скотчем крышку и достал из коробки блок. Подошел Макс, посмотрел, как мучается Виктор, пытаясь содрать с блока целлофан, молча забрал блок и, вытащив из кармана перочинный нож («Вот обстоятельный человек! – восхитился Виктор. – Успел найти где-то»), вскрыл упаковку одним точным движением. Комнату наполнил запах сухого табака.

– Н-да, – сказал Макс и открыл пачку. – Кстати, ты когда последний раз был в этом Зазеркалье?

– В шестидесятом, – поняв, о чем спрашивает Макс, ответил Виктор и взял предложенную сигарету. – Суховата, конечно.

Он закурил от протянутой Максимом спички, затянулся и выпустил дым. – Говно, но курить можно.

– Можно, – согласился Макс. – Когда выбирать не из чего. Ну и как они там?

– А чего им? – Вики все не было, и чтобы не маячить посреди зала, Виктор присел на столешницу. – Они, Макс, Адольфа раскатали еще в сороковом.

Макс удивленно поднял брови:

– И?

– И построили социализм с человеческим лицом, выдающим славянское происхождение одного. Лица, я имею в виду.

– Вот как? Интересно. А вот я тебя вчера не спросил об Иосифе Виссарионыче. Он-то как при таком раскладе?

– А, нормально. Вписался. Наркомом тяжпрома работал. Умер в сорок втором или сорок третьем. Не помню точно.

– Ты с ними общался? – Вопрос был задан как бы между прочим. Макс как раз закуривал новую сигарету.

– Общался. – Виктор пожал плечами. – Не утерпел. Особенно когда узнал, что Слуцкий и у них ИНО заведует. Ну не смотри на меня так! Я здесь сидел, как в камере-одиночке. В Союзе мрак, а тут, елки зеленые, кооперация, кабаки работают. Дан по радио выступает, Авксентьев, то да се. Ну и влез. Прогрессора вызывали?

– Кто такой прогрессор? – не понял Макс.

– Неважно. Ты же Стругацких небось не читал?

– Это русские писатели?

– Да.

– Тогда нет. Последний русский, которого я читал, был Набоков. Ты передал им что-то?

– Ты что, меня допрашиваешь, что ли? Ну передал, гражданин начальник! В тридцать седьмом-то мне и нечего было особенно. А вот в сорок втором – у них как раз тридцать восьмой был – я им хороший подарок сделал. Сам понимаешь, до чего мог дотянуться, то и стащил, для пользы нашего общепролетарского дела. Я им, Макс, документацию по «мессеру» и по PzIV передал. Все, что к сорок второму кровью и потом добыли, то и подарил. Им хватило. Но железо – хлам! Я им, Макс, кое-чего присоветовал. Теперь-то все умные, а тогда... Ну, не тебе объяснять. Только к сорок второму и ежам гребаным стало ясно, почему нас все эти Готы сраные и прочие Манштейны раком поставили. Вот я и кинул товарищам пару горстей блох... организация там, штатные расписания и прочая логистика с сестрой ее стратегией.

Он помолчал секунду, глядя на Макса, и вдруг спросил:

– Ты с ней спал?

– С кем? – удивленно взглянул на него Макс.

– С Викой, – оглянувшись на дверь, тихо сказал Виктор.

– Федя, – медленно и спокойно ответил Макс. – Тебя больше ничего не заботит?

– Ты не ответил!

– Федя, тебе своих никогда не приходилось расстреливать? Для дела, я имею в виду.

– Приходилось. – Виктор уже все понял и пожалел, что спросил.

– Ну и что же ты от меня хочешь? Ты помнишь, кем я был и кем была Вика?

– Ладно, – поднял руку Виктор. – В детство впадаю. Не обращай внимания. Я о другом тебя спрошу. Ты отставку хорошо помнишь?

Макс внимательно взглянул на Виктора и осторожно спросил:

– Ты вспомнил что-то... – он явно искал подходящее слово, – скажем, странное. Да?

– Да.

– А Вика?

– И Вика.

– Тогда поговорим после завтрака, – сказал Макс быстро, поворачиваясь к двери, из которой показалась Вика. Несмотря на важность вопроса, Виктор не мог не залюбоваться Викой. Сейчас, при свете дня, было видно, насколько далеко она зашла в процессе обратной трансформации. Не знает он, сколько ей лет, никогда не дал бы больше тридцати. Высокая, стройная, гибкая, в рубашке, едва скрывавшей верх бедер, с распущенными платиновыми волосами, она была похожа на модель, только не из тех худосочных вешалок для безумных нарядов от нанюхавшихся кокаина кутюрье, а на настоящих, типа любимой Федором Кузьмичом Клавой Шиффер.

– Ну? – Макс шагнул к Вике, вопросительно взглядываясь в ее лицо.

– Знаешь, гораздо лучше, чем я думала. – Вика улыбнулась Максу и погладила его по щеке. – Она без сознания. И это для нее пока скорее хорошо, чем плохо. Организм борется. Вернее, пока борется Маска, но кое-что начало потихоньку работать. С ней не надо сидеть, Макс. Она все равно ничего не слышит.

– Ладно, идите уж, – сказал Макс, поворачиваясь и направляясь на кухню. – Вы ведь купаться намылились? Вот и давайте. А я пока завтрак сделаю.

Виктор проследил за Максом, входящим в двери кухни, взял с каминной полки «Ругер» и повернулся к Вике:

– Ну что, в путь?

– А это зачем?

– Тут медведи водятся, meine liebe!

– Федя, я же в Маске! Я сейчас не то что медведя, тигра передрать могу.

– Порвать, – автоматически поправил ее Виктор. – Извини. Как-то из головы...

Виктор швырнул «Ругер» обратно на каминную полку и направился в сени.

«В самом деле, что творится с моей несчастной головой? – подумал он выходя из дома. – Второй день прокалываюсь. Если бы я так и раньше... Давно бы на кладбище лежал».

На улице было холодно, порывами задувал ветер, то и дело швырявший в них охапки ледяной мороси, но зато великолепно пахло сырым осенним лесом, грибами, увядающей травой и еще чем-то. Много чем. Они добежали до реки, скинули одежду («Было б что скидывать!») и бросились в воду. Вода обжигала, но это ощущение было скорее приятно, чем наоборот. Наплававшись и нанырвавшись вволю, Виктор вышел на берег и начал делать упражнения, чтобы согреться и побыстрее высушить тело. Вскоре к нему присоединилась и Вика. Непринужденно изогнувшись, она провела молниеносный каскад жалящих и рубящих ударов, естественным образом перешедший в малый танец. Смотрелось все это как захватывающее действие – куда там современному атлетическому балету? – но было, на самом деле, одним из самых смертоносных боевых искусств, которые знал Виктор.

– У нас проблемы, – сказала она, не прекращая танца.

– По-моему, у нас уже давно одни проблемы. – Виктор старался не выпускать ее из виду, но сделать это было совсем не просто.

– Нам нужны наркотики и внутривенное питание. Для девочки.

– А того...

– Того, что есть, недостаточно.

Виктор молчал, делая свои движения и обдумывая, какой из двух вариантов предпочтительнее. Оба были скверными, но выбирать надо было из них. Вика поняла его молчание по своему.

– Федя, – сказала она, останавливаясь перед ним. – Ты видел его глаза?

– Видел, – сказал Виктор.

– А я видела его ее глазами...

– Подожди! – понял вдруг Виктор, о чем говорит Вика. – Ты что, меня уговариваешь?

– Да, – нехотя призналась она.

– Оставь, – махнул рукой Виктор. – Я своих не бросаю и никогда не бросал. Пойдем в дом. Позавтракаем и в путь!

– Куда?

– Сначала попробуем на зуб страну Утопию, они мне вроде как должны малость. Но! – Он поднял палец. – Верить никому нельзя. Да и времени много прошло. Но попробуем. Не выйдет, полезем домой. У Пскова есть еще один выход. Можно там какую-нибудь больницу грабануть или аптеку.

Он увидел, что Вика опять его не поняла, и, усмехнувшись, махнул рукой:

– Найдем выход. Не думай. Пошли!

И они побежали к дому.

В доме Макс как раз расставлял на столе тарелки.

– Значится, так, – сказал Виктор, сразу же беря быка за рога. – Сейчас быстро едим, потом Вика занимается девочкой, а мы готовим снаряжение и... – Он взглянул на часы. – И в два выходим все трое. На три часа. Ну, на четыре. – Он взглянул на Вику, и, получив подтверждение, что четыре часа Лика может оставаться одна, закончил:

– Возвращаемся максимум в шесть. Я сейчас.

И Виктор, не хотевший говорить на эту тему с Максом и предоставивший сделать это Вике («Я малодушен, но зато предприимчив», – горько пошутил он про себя), побежал наверх одеваться. Он уже оделся и раздумывал, чем бы ему еще заняться здесь наверху, когда пришла Вика. Она погладила его по голове, улыбнулась и начала одеваться, а он снова стоял в нерешительности, то ли выйти, то ли остаться, и что будет правильнее. В результате он остался и получил в награду ироничную улыбку Вики и ее же замечание на тему о старых козлах и клуб-

ничке («Можно подумать, это не ты, my darling, а некто Пушкин резвился голым в речке! – с обидой подумал он, но промолчал. – Сам хорош! Совсем от любви с ума спятил!»).

Макс, по-видимому, уже был введен Викой в курс дела, так что завтрак прошел в молчании. Ели быстро, обмениваясь только короткими репликами по делу.

– Что нам нужно? – спросил Макс, проглотив очередную порцию тушенки.

– Вы будете меня прикрывать. Так что: оружие и десантное снаряжение. – И предупреждая вопросы: – Ничего особенного у меня нет, вы уж извините – воевать не готовился, но калаша, ручник и десятка два гранат найдутся. Ну и по мелочам...

– Понятно, – сказал Макс и зачерпнул из тарелки новую порцию мяса.

В два часа они были готовы.

Десантный камуфляж им заменяли черные спортивные костюмы и шерстяные лыжные шапочки. «За неимением гербовой, как говорится». «Сбрую» они с Максом соорудили из целой кучи портупей и различных ремней, завалывшихся чуть ли не с пятидесятих годов («Шорники доморощенные, елки зеленые!»), и из отличного шведского альпинистского снаряжения, купленного Виктором в девяностом, в Финляндии, вместе с альпийскими ботинками немецкого производства. Нашлись-таки искомые, но почему-то не на «складе», а в одной из пустующих спален второго этажа. Калаша, его же, Калашникова, ручной пулемет ПК и пара ТТ были освобождены от смазки и приведены в боевую готовность (даже пристрелять успели, вчерне) и вместе с трофейными «гюрзой», «Ругером» и снайперским комплексом составили их арсенал. Ну и «по мелочам», как пошутил Виктор. По этой статье у них проходило имущество из аварийной укладки.

А через три часа Виктор сидел на стволе упавшего дерева на опушке леса и ждал результатов своих спонтанных действий.

Там, за Порогом, остался одинокий дом на пустой безлюдной Земле и девушка, зависшая между жизнью и смертью, в пустом доме на пустой Земле. Там было холодно. Там шли проливные дожди. А здесь погода была отличная. Ярко светило солнце. Прогретый воздух пах травой и лесом. Река сверкала. И стояла приятная тишина. Не та мертвая тишина, которая изматывает нервы и слух, пытающийся выцедить из ничего нечто, а насыщенная тихими звуками тишина живой природы в пору бабьего лета. Благодать, да и только. Только для дела такая погода самая паршивая, какая может быть. Хуже этого только солнечный зимний день, когда ты должен работать в поле, покрытом белым, как сахар-рафинад, бликующим снегом.

Виктор прислушался. Нет, не показалось. Это, несомненно, был самолет. Он еще раз быстро, но тщательно проверил оружие (не выпирает ли где из-под плаща) и, сделав несколько шагов вперед, присел за толстым корнем старой сосны. Перед ним открылась широкая опушка, полого спускающаяся к реке. По ту сторону реки опять начинался лес. Тишина, покой, солнце, и ни живой души, ни признака цивилизации, кроме одного очень странного для здешней идиллии объекта, расположенного как раз на полпути между Виктором и обрезом воды. Это было невысокое и вообще небольшое кирпичное сооружение без окон, похожее на трансформаторную будку. Раньше на этом месте стоял простой деревянный сруб, но с другой стороны, прошло почти сорок лет. Но, что характерно, точку не ликвидировали, а только модернизировали.

«Упорные, елки зеленые!» – подумал он с уважением.

Три часа назад они вышли сюда метрах в трехстах в глубине леса. Вика быстренько прошерстила окрестности и сообщила, что никого в округе нет. Могли, правда, быть приборы, но и их, как показал сканер, не было. Чисто.

«Значит, соглашение в силе», – подумал Виктор, направляясь к будочке.

С обратной стороны обнаружилась незапертая дверка, а внутри пустого тесного помещения на полочке, прикрепленной к стене, стоял телефонный аппарат без наборного диска. Виктор проверил дверь и помещение сканером и опять ничего не нашел. Сканер показал лишь, что

от будки куда-то на северо-восток уходит заглубленный метра на полтора в землю кабель. Виктор убрал сканер в карман плаща, снял с аппарата трубку и приложил к уху. Несущая частота почти сразу сменилась длинным гудком. После третьего гудка из неизвестной дали пришел голос.

– Вас слушают, – сказал мужской голос.

– Здравствуйте, – поздоровался Виктор. – Говорит Хрусталь. Будьте любезны соединить меня с Утесом.

«Конспираторы хреновы! – усмехнулся он про себя. – А Утес тот, поди, уже помер».

– Ждите, – откликнулся неизвестный.

Прошло не меньше пяти минут (Виктор успел выкурить пересохшую сигарету и начать думать о второй), пока в трубке не проклюнулся новый голос:

– Здравствуйте. С вами говорит Утес. Слушаю вас. – Голос был Виктору незнаком.

– Ну здравствуй, Утес. А с прежним что? Помер или как?

– Он жив, – спокойно ответил новый Утес. – Но он на пенсии. Теперь Утес я. А вы?..

– А я это я. Хрусталь, – усмехнулся в трубку Виктор. – У меня просьба.

– Слушаю вас, Хрусталь.

– Мне нужно оборудование полевого госпиталя на три-четыре койки. Со всем, что положено. Лекарства, особенно обезболивающие и коагулянты, физиологический раствор, внутривенное питание, кровь, антисептики.

– У вас раненые?

– У меня раненые, которым нужна срочная помощь.

– Мы можем прислать вертолет и эвакуировать их в наш госпиталь.

– Это исключено, – отрезал Виктор.

– Хорошо. Рентгеновский аппарат...

– Не нужен. Койки не нужны. Хирургические инструменты не нужны. Вы сможете мне помочь?

– Обязательно, – ответил Утес.

– Как быстро?

– Три часа, – твердо пообещал голос. – Какие группы крови?

– А. Группа А и побольше. И еще, Утес, если вы уж так добры, добавьте пару блоков сигарет, килограмм кофе в зернах («Сейчас он меня пошлет!») и шоколад.

– Шоколад, – подтвердил голос. – Еще что-то?

– Ну гулять так гулять, – откровенно усмехнулся Виктор. – Газеты не забудьте положить, пожалуйста.

– Хорошо. Вертолет будет через три часа.

– А с самолета сбросить нельзя?

– Можно, – Утес был сама покладистость. – Через три часа ровно, на район объекта «Сторожка». Ждите.

И вот дождались. Самолет. Где-то слева проклюнулась лесная птица. Прочирикала и угомонилась.

«Вот же люди! – зло подумал Виктор. – Прямо какое-то коварство без любви». Летит, значит, самолет, везет гуманитарную помощь, гудит моторами, а под его прикрытием тихонечко и низенько, неслышные и невидимые, крадутся два вертолета с комитетом по торжественной встрече и добрыми айболитами, решившими все-таки на свой страх и риск полечить кого-нибудь в лесу.

«Ну давайте, ребята. Не стесняйтесь. Будет вам и риск, и страх, и свисток от чайника».

Самолет – какая-то двухмоторная машина – появился с запада, снизился, ушел на разворот, вернулся, снизившись еще больше, и, встав на курс, параллельный реке, элегантно, как на учениях в присутствии Самого, сбросил тюки, угодившие прямехонько на открытое простран-

ство между рекой и лесом («Мастер!» – с уважением отметил Виктор), и ушел на новый круг («Ну полюбуйся, если так хочется»).

Тюков было три, и все они были помечены большими красными крестами.

«Ну что ж, поехали», – Виктор встал и спокойно, но быстро пошел к первому тюку, держа левую руку в кармане на сканере. Прибор был маленький, и возможности его были ограничены, но если его правильно направить, метров со ста он гадость учует. Слабая трель в левом ухе означала, что тюк чист. То есть не то чтобы чист абсолютно (есть там жучок или пара, и пеленгатор есть), но взрывных устройств в нем нет, и это хорошо! Виктор изменил немного направление и поймал сканером второй тюк и в это время уловил краем глаза движение над деревьями справа от себя.

«Дергаться не будем, – сказал себе Виктор, оборачиваясь к вертолету. – Убивать им меня резона нет».

Вертолет незнакомой конструкции, но, со всей очевидностью, боевой, выплыл из-за деревьев и завис над открытым пространством, развернувшись к Виктору боком. Боковая дверь была сдвинута, и там наблюдался турельный пулемет неслабого калибра. Пулеметчик недвусмысленно повел стволом в сторону Виктора. Виктор помахал ему рукой и повернулся на шум винта, раздавшийся за его спиной. С другой стороны метрах в десяти над землей висело идентичное первому винтокрылое чудо. Пулемет имелся и у него. А над головой продолжал кружить самолет.

«Снимает, сука, для протокола», – подумал Виктор, готовясь к прыжку.

Он выждал еще секунду, и в тот момент, когда стремительная тень вынырнула из зеленой мглы подлеска, в два невозможных прыжка, которые Виктор уловил только потому, что ждал, преодолела отделяющее ее от вертолета расстояние и, презрев закон всемирного тяготения, взвилась стрелой вверх; только тогда прыгнул и он. Виктор прыгал спиной назад и в сторону, без видимой подготовки и в непредсказуемом, как он надеялся, направлении. Перевернувшись через голову, он сразу же откатился в сторону, противоположную его начальному движению, сбивая прицел державших его на мушке пулеметчиков, и выхватил из-под распахнувшегося плаща «гюрзу». Но стрелять не пришлось. Все уже закончилось. Первый вертолет рухнул на землю, объятый пламенем, и теперь надо было скорее опасаться последствий взрыва, чем чего-либо другого. А второй вертолет уже садился поблизости от тюков, обдавая его порывами жаркого ветра.

Виктор вскочил на ноги и кинулся к грузу. Он успел убедиться, что и третий тюк не заминирован, когда к нему подбежали четверо совершенно ошалевших летчиков, конвоируемых бесстрастной Викой.

– А ну, быстренько, взяли, понесли! – скомандовал Виктор и, подхватив один из тюков, побежал к лесу. Тюк был большой и тяжелый, и бежать с ним было почти невозможно, но не успел Виктор сделать и десяти шагов, как из леса выскочил Макс, выхватил у него груз, сунул в руку бластер («Не хуже «Стрелы» бьет!»), выдохнул: «Охраняй!»; и легко, как будто и без тяжеленного мешка, побежал обратно в лес. Виктор развернулся. Летчики тащили еще два тюка, явно испытывая сильнейший стресс, помноженный на тяжесть груза. Вика бежала за ними, держа в левой руке ВСК. Перехватив его взгляд, она улыбнулась лучезарной улыбкой и, уже пробегая мимо него, засвистела какую-то славную песенку, пришедшую сюда из другого мира и из другого времени.

«Эльф, – восхитился Виктор. – Ну вылитый эльф!» И куда делась чопорность леди Хаттингтон? Куда делось великолепное ледяное спокойствие дамы Виктории? Это снова была младшая Йя, повзрослевшая, налившаяся зрелой силой и красотой, но все равно та же легкая, лучезарная Йя, одинаково восхитительная и опасная. Виктор еще раз взглянул на поле битвы и затрусил за остальными.

Пробежав лесом триста метров, Виктор заученно быстро и точно провел процедуру активации Порога, и как только увидел «дверь», швырнул туда подобранную по пути ветку. И сразу же за Порог прыгнул Макс. Он положил аккуратно на землю свой тюк и, выхватив из-за пояса пистолет, принял охрану на себя. Теперь уже Вика, легко выхватив из рук военных второй тюк, прошла на ту сторону. Она хотела тут же вернуться, но Виктор махнул ей рукой, показывая, что не надо.

– Давайте, голуби, тючок мне, – сказал он, забирая у летчиков оставшийся груз. – И валите, если жить хотите. Бегом!

Летчики моментально среагировали и без дополнительных понуканий побежали прочь, а Виктор шагнул за Порог и, не опуская груза, прочел, как Отче наш или катехизис всю формулу дезактивации. «Дверь» закрылась, и только теперь он почувствовал, что все это время держал немалого веса и объема тюк.

Они посмотрели друг на друга, и Виктор, вынув из кармана складной нож, быстро вспорол один из тюков. Сверху под защитной тканью лежал лист бумаги, на котором крупным четким почерком было написано:

«Не обижайтесь. Мы должны были попробовать. Все, что вы просили, в тюках. Счастливо.

Утес».

Виктория засмеялась, Виктор тоже. Через секунду к ним присоединился и Макс. Они стояли и смеялись, оценив здоровый цинизм неизвестного им Утеса. Он учел все возможные варианты исхода операции и на случай, если клиент уйдет и уйдет с грузом, предпочел выполнить взятые на себя обязательства.

Глава 7. Тени в раю

«Нас утро встречает...» Ну и чем, интересно, встречает нас нынешнее утро? Виктор открыл глаза и увидел, что утро удалось. Оно встречало их ярким солнцем, встающим в голубом прозрачном небе. Такое утро и в самом деле хотелось встретить бодрой комсомольской песней, радостным детским смехом и улыбкой любимой. Из всего этого в наличии имела улыбка любимой, но если бы пришлось ему выбирать, ее бы Виктор и выбрал. Улыбку Вики.

Вика взметнулась с постели, стремительно взлетела на подоконник и вмиг исчезла за окном. «Вот ведь сумасшедшая!» – с восхищением констатировал Виктор, выскакивая из постели и бросаясь к окну. Второй высокий этаж, а она без Маски... Но, к счастью, ничего страшного не произошло. Не убила. Даже не расшиблась. Бежала уже к воротам, контрастно выделяясь своим нагим белым телом на фоне темной осенней зелени.

Вспрыгнув на подоконник, Виктор прикинул высоту и с мыслью о том, что все мы, мужики, теряем голову из-за баб, ухнул в наполненное бодрящей прохладой пространство утра. Земля встретила его чувствительным ударом снизу, но тренированное тело не подвело, ноги спружинили и превратили силу удара в толчок, пославший его не вверх, а вперед, вдогонку за стремительной и грациозной бегуньей. А бегунья, показавшаяся ему сейчас похожей на Диану-охотницу с рембрандтовского полотна, виденного в какие-то былинные уже годы в лондонской галерее, творила свои маленькие и большие утренние чудеса. Не сбавляя скорости, а, напротив, ускорившись в последний момент, она достигла ограды и взметнула свое потрясающее тело вверх. Прыжок был легкий и грациозен, как будто земное притяжение не имело власти над его эльфийской принцессой. Вика пролетела высоко над колючей проволокой, перевернулась в воздухе и, приземлившись на ноги, продолжила бег к реке. Внутренне собравшись и максимально сосредоточившись на предстоящей задаче, Виктор прыгнул тоже. Двухметровая стена колючей проволоки медленно проплыла вниз, сдвинулась назад, и на какое-то мгновение он завис прямо над острыми стальными стержнями ограды, как бы даже ощущая их опасную

ржавую остроту своим голым животом. Но уже в следующее мгновение он стремительно низвергался на еще не просохшую после обложных дождей землю. О том, чтобы перевернуться в воздухе, как Вика, не могло быть и речи, и он упал на вытянутые вперед руки, ушел в кувырок и, бросив свое тело вверх, припустил дальше.

В воду они ворвались практически одновременно, подняв каскады брызг и распугав, наверное, всю рыбу в округе. Виктор нырнул и, достигнув дна, поплыл против течения, которое здесь не было особенно сильным, но на глубине ощущалось вполне. Проплыв метров двадцать, он вынырнул, огляделся и снова ушел в глубину, высматривая в прозрачной воде гибкое тело Виктории. А она, как выяснилось, охотилась на него. Виктор заметил краем глаза движение за правым плечом и энергичным разворотом сразу в двух плоскостях не только ушел от ее атаки, но и оказался в идеальной позиции для перехвата речной «хищницы». Она еще длила замедленный водой бросок к нему на спину, когда он захватил ее бедра снизу своими ногами. Перехватив затем ее руки, попытавшиеся ударить его в грудь и лицо, Виктор прижал Викторию к себе и поцеловал. Гроздь воздушных пузырьков вырвались из их ртов, смешно щекоча нос и щеки, и они, не размыкая объятий и поцелуя, вместе опустились на песчаное дно. Здесь Виктор отпустил свою русалку на волю, и слаженным движением они вместе устремились вверх. Пронзив телами толщу воды, Виктор и Виктория вылетели прямо в солнечное небо, едва ли не по щиколотки поднявшись над речной гладью, лишь немного потревоженной их броском из одной стихии в другую.

«Дельфины, елки, психованные!» – радостно улыбнулся Виктор. Наградой ему за этот цирк стал звонкий смех Вики, крутнувшейся вдоль оси движения.

Потом они еще долго плавали и ныряли, и «охотились» друг на друга, и, в конце концов, увлеклись настолько, что в какой-то момент слились прямо тут же в холодной осенней реке. «Вот и темперамент оттаял!» – восхитился случившейся с ними перемене Виктор, выбираясь на берег и отряхиваясь, как собака. Он посмотрел на Вику, собравшуюся тоже выйти из воды, как вдруг присутствие постороннего заставило его резко обернуться к лесу. Он не ошибся, на опушку неторопливой расчетливой рысцой бушменского охотника выбежал Макс. Аристократ производил сильное впечатление. Он был одет только в просторные семейные трусы в цветочек, в левой руке держал самодельное копье, наконечником которому служил немецкий штык времен Первой мировой, а в правой большой дерюжный мешок, на котором расплывались бурые пятна, недвусмысленно указывающие на то, что охота удалась.

«Тарзан хренов, показ москвошвеевских трусов от кутюр. Мини-бикини!» – усмехнулся Виктор, поднимая руку в приветствии.

– Хао! Была ли твоя охота успешной, Соколиное Перо? – спросил он.

– Спасибо, Федя. Обед, ужин и завтрак нам обеспечены. Доброе утро, Вика.

– Доброе утро! – откликнулась Вика, выходя из воды. К тому, что она не стесняется наготы, как не стесняется и их с Виктором отношений, Виктор уже стал привыкать. Но прежняя легкость, с которой он относился к таким вещам когда-то, жизнь назад, возвращаться к нему не спешила.

Окинув их ироничным, но дружеским взглядом, Макс сказал:

– Ну, продолжайте резвиться. Завтрак через полчаса, – и побежал к дому.

Когда через полчаса они вернулись в дом, Виктор услышал, как в спальне Макс уговаривает Лику что-то выпить.

– Не крути носом, глупая женщина! – рокотал мощный бас.

– Но меня выворачивает от одного вида... – отвечал ему слабый голос, принадлежавший Лике.

– Солнышко, за стакан свежей медвежьей крови в Париже или Берлине платят золотом!

– Вот они пусть и пьют! – едва не плача, отругивалась она.

– Прекратить капризы! – Это был приказ, и отдан он был таким голосом, что о неповиновении даже мысли не возникало. Ни у кого. Нигде. Никогда.

– Ну вот и хорошо, – спустя несколько долгих томительных секунд мягко рокотал его бас. – Ну вот и славно. Видишь, милая, ничего с тобой не случилось. Выпила, и молодец. Ты лежи пока, а я пойду подам на стол.

Виктор только покачал головой и, опомнившись, опрометью бросился наверх. «С этим надо кончать! – твердо сказал он себе, взлетая по лестнице на второй этаж. – Еще не хватает предстать с голым срамом перед девочкой».

За завтраком, состоявшим из копченой рыбы – ее ловили, чистили и коптили Вика с Виктором вчера – и жареных перепелов, оставшихся со вчерашнего же позднего обеда, разговор опять зашел о планах на будущее. Тема была неисчерпаема, потому что все, и прошлое и будущее, было покрыто неизвестностью, как плащом факира. Во всех уравнениях, которые они могли построить, неизменно оказывалось слишком много неизвестных, чтобы эти уравнения могли быть решены. Но вот относительно краткосрочных планов Виктор уже все для себя сформулировал с достаточной ясностью и сейчас решил, что пришло время продуманное им озвучить.

– Если дамы и господа будут так любезны прислушаться к мнению профана... – начал он, размешивая сахар в чае, но закончить не смог. Вмешалась Вика:

– А теперь, милый, все то же самое, но коротко и понятно.

Виктор улыбнулся Вике и кивнул, соглашаясь:

– Диспозиция такая. Пункт первый. Нам незачем ввязываться в длительную войну на планете. Следовательно, с Земли надо уходить. С этим все согласны?

– Согласен, – сказал Макс, взглянув на бледную худую Лику, которая, обложенная подушками, ссутулившись, сидела в кресле рядом с ним. Лика кивнула.

– Согласна, – подтвердила Вика.

– Ну и ладушки. Значит, прорываемся на борт. План прост, но мне он кажется оптимальным для нашего случая. – Он старательно избегал смотреть сейчас на Лику.

– Мы с Викой выходим вечером в Финляндии, и за двое суток – сымпровизируем по ходу дела – добираемся до Норвегии. Там мы вызываем бот и уже на нем подбираем вас, Макс. Вы с Ликой соответственно выходите перед рассветом в районе Мурманска. Это километров семьдесят от города. Место дикое. Там мы вас и подхватим. Я думаю, Лика сможет продержаться пару часов?

– Сможет, – подтвердила Вика.

– Значит, решено, – закончил Виктор.

– Вообще-то, командир ты... – начал Макс. Он явно не хотел соглашаться, хотя не мог не понимать, что Виктор прав.

– Все! Все, Макс! Обсуждение закончено. Нечего тут обсуждать. – Он посмотрел в глаза другу, как бы говоря: «Ну что ты ерепенишься, ведь знаешь же, что я прав!» («А кто прав, тот и лев», – привычно пошутил он про себя.)

Макс его понял и молча кивнул.

После завтрака каждый занялся своим делом. Макс ушел в кухню, готовить мясо убиенного медведика, Вика отправилась врачевать – или что она там делает? – Лику, а ему, Виктору, за неимением дел первой необходимости, нашлось дело по душе. Он пошел к сараю на заднем дворе и стал колоть дрова. Он и сам не знал, зачем занимается этим, в общем-то, бессмысленным делом, но, с другой стороны, колка дров позволяла отвлечься от суеты и подумать о главном.

Он все больше и больше склонялся к мысли – и Макс вполне был с ним в этом согласен, – что они имеют дело с двумя совершенно независимыми друг от друга операциями. Во всяком случае, причины, цели и задействованные средства в этих операциях не совпадали. Похоже,

однако, что на каком-то этапе они пересеклись, вполне возможно, что и без ведома одной из сторон. Общей у обеих сторон была только третья сторона, то есть они трое: Макс, Вика и Виктор. Ну и девочка, конечно, попавшая во все это по роковой для нее случайности.

«Ведь что получается? – спрашивал себя Виктор, раскалывая очередное полено. – Сегодня у нас первое октября...»

Итак, третьего сентября к нему заявился «гонимый». Ходящий был, несомненно, искренен, когда рассказывал ему все эти ужасные ужасы про переворот в Тхолане и последовавшие за этим неприятности. Ходящий был плох, он уже не мог сдерживать эмоции, нервничал, торопился рассказать, передать, предупредить... «Смерть уже стояла за его левым плечом», как сказал две тысячи лет назад герцог Ёдж в «Мече Рассвета». Смерть ломала рамки самодисциплины, и... он казался Виктору искренним. Тогда. Впрочем, сам Виктор тогда глубоко зашел в болота старости, уже почти ушел под ряску дряхлости и немощи. Он мог и ошибаться.

«Мог, мог! – сказал он себе честно. – Так что на веру ничего брать не будем. Он сказал. Я услышал. Вот все, что нам известно доподлинно».

Очевидно, что в дальнейших спекуляциях опереться можно было только на один более или менее достоверный факт. («А солипсистов мы будем безжалостно расстреливать, как врагов трудового народа!») К нему пришел Ходящий в Тени и рассказал то, что рассказал. Точка. О том, что произошло там на самом деле – кто, как и зачем устроил переворот в Тхолане, – судить невозможно. Даже догадки строить не на чем. Прошлое все еще как в тумане. Память восстанавливается куда медленнее, чем физиология. Не имея точного представления о расстановке политических сил в империи; не имея информации о тех подводных течениях, которые и определяли характер этого пахучего варева, именуемого имперским универсумом; не имея никакой новой информации – ведь прошло уже более семидесяти лет, как они покинули пределы империи, – что они могли планировать? Да ничего!

«Вот и не будем гадать. Придет срок, узнаем, – сказал он себе и усмехнулся. – Если, конечно, Бог или же диалектический материализм вкупе с материализмом историческим нам помогут».

Для них троих отсчет времени, по-любому, начался третьего сентября. Ходящий пришел к Виктору ночью. Ночью же и умер. Хоронить его Виктор не стал. Просто не мог. Оставил тело Ходящего у себя на даче и побежал бить в колокола. Значит, Хельга и Олаф узнали о тревоге третьего, но прибыли на встречу с ним в Ригу только пятого. И значит, получили таблетки на два дня позже его самого и на день позже Вики, которая примчалась к нему в Питер на частном самолете в ночь с третьего на четвертое. Вот только три недели спустя, двадцать третьего в «Невском Паласе», они выглядели так, как если бы начали обратную трансформацию как минимум на неделю раньше Виктора. И как, скажите на милость, такое возможно? Что, черт побери этих двоих, там произошло?

Первое. Где они взяли катализатор? Тут возможны были варианты, хотя и не так чтобы много. Могло статься, что настоящего аутентичного средства у них и не было, и они воспользовались каким-то заменителем, как сделал это Макс. Возможно такое? Да, возможно, но тогда они должны были начать процесс не на неделю, а по крайней мере на две-три недели раньше, чем он. А тут и еще один вопросик маячит, аки скорбный духом агент наружки в голой степи. Отставник не может самостоятельно принять решение о расконсервации. Не может. Приказ же может отдать только координатор. Или уже нет? Кто-то же разрешил им, а если так, то мог оттуда же, из неясного пока источника, взяться и катализатор.

Вот, елки, задачка! Ведь есть же еще и третье. Они были вместе с группой ликвидаторов, и они стреляли на поражение. Как такое могло случиться? А никак. Потому что, если исходить из правил игры, как они виделись ему до всех этих странных обстоятельств, такого случиться не могло. Ни перевербовать, ни запугать, ни заставить легионера невозможно. Но... допустим, Макс прав, и в деле мифические ревнители. Допустим даже, что они так круты, как бают о том

сказители в деревнях отсталого Севера. Допустим! Ведь если Вика может, почему бы не смочь и кому-нибудь другому? И все равно – перевербовать двух кадровых офицеров-оперативников? Не верится. И почему, спрашивается, именно их? Ведь задача неизвестных дознавателей была предельно ясна: гасить всех.

Похоже, все-таки здесь действительно две разные игры. Как и почему, не понять, но есть такое неприятное ощущение, что одну операцию крутят переверотчики, а вторую, как ни подло, свои. Тут ведь не только Олаф с Хельгой засветились. Их с Викой история тоже дурно пахнет. Почему они забыли напрочь, на семьдесят лет забыли, что собирались жить вместе? Кто, а главное, зачем сделал им такую гадость? Тут никакого воображения не хватит представить, зачем бы это кому-нибудь могло понадобиться. Мотив не виден, как тот «Сатурн». Да и потом, если они с Викторией кому-то мешали, кому-то настолько могущественному, что мог их заставить забыть про свою любовь, то такому сукину сыну легче и дешевле было их просто убить.

«Бред какой-то!» – сказал он себе, отбрасывая в раздражении колун.

Все время выходило одно и то же. Ничего не выходило, вот в чем беда. Они крутили эти чертовы вопросы и так и эдак уже целую неделю. Три совсем не глупых – хочется верить – человека. Но так ни к чему и не пришли. Понятно, что на Земле им пока делать нечего. Тут их противник располагает нешуточными возможностями – и откуда что берется? – а вот в империи... Если исходить из того, что хотя бы в этом вопросе Ходящий сказал правду, в империи их не ждут. А все ниточки из этого гребаного клубка вопросов без ответов опять же тянутся в империю.

«Значит, нам туда дорога...» – пропел Виктор, подражая голосу Утесова, и пошел в дом.

В доме было тихо. Ну, относительно тихо, конечно. Из-за закрытой двери кухни доносились позвякивание кухонного инвентаря – там Макс священнодействовал над обедом; со второго этажа доносились едва слышные гитарные переборы – это Вика мучила пролежавшую в доме в полном забвении и небрежении почти столетия гитару. По-настоящему тихо было только за плотно закрытой дверью в спальню Лики. Девочка, вероятно, спала. Она вообще спала большую часть времени, но уже то, что, очнувшись всего два дня назад, она могла сидеть с ними за столом, произнести слово, посмотреть и увидеть, это было чудом. Чудо, сотворенное руками – или чем там она творит свои чудеса? – Вики.

Виктор сел в кресло и закурил. Маска, израсходовавшая себя полностью, умирает. Ну, не умирает, это как-то иначе следует называть. Погибает? Дезинтегрирует? Неважно. Но Вика сумела этому помешать. Как? Говорит, что сама не знает. Не может объяснить. Но ведь сделала! А организм Лики? Если бы Виктор не читал когда-то справочник, не видел записи; если бы однажды не видел сам вживую, что происходит с человеком, который себя сжег, которого сожгла Маска; он бы еще мог поверить в такое. Но он знал доподлинно, что Маска сжигает нервную систему, а сердце, почки, печень, да легкие, наконец, не выдерживают запредельной нагрузки и разрушаются. Человек умирает, иногда быстрее, иногда медленнее, но всегда мучительно. А Лика жива! Это, между прочим, неоспоримый факт. Факт, что она сидела сегодня с ними за столом, говорила, ела... Ну, положим, ела она только бульон из куропатки, который с травами и корешками, разысканными им специально для этого в лесу, сварил Макс. Но ела. И говорила. Мало, тихо, но говорила. Что же такое сделала Вика?

Виктор затушил сигарету. Встал, постоял секунду, раздумывая над тем, чем бы еще убить время, и пошел чистить оружие. Чистка оружия занятие правильное, и заняла она его на целых два часа. Потом, в поисках ветоши, он забрался на чердак и наткнулся на коробки с книгами, оставшимися от былых былинных времен, от другого координатора, может быть даже и не от того, у которого принял дела он сам.

На глаза попала книжка дяди Гиляя «Москва и москвичи», и Виктор стал ее неторопливо перелистывать, но вскоре увлекся. Не столько даже самой книгой увлекся, сколько

поводом вспомнить свое детство в старой Москве и юность в старом Петербурге, в городах, которые, подобно сказочному граду Китежу, давно уже исчезли в водах забвения вместе со страной, которую они олицетворяли. И неважно, что Москва по-прежнему стоит на своих семи холмах, и не только на них уже; и называется, как и прежде, Москвой. Это другой город. А той Москвы, которая ассоциировалась у него почему-то с Масленицей, той Москвы уже нет. И никогда больше не будет, как не будет никогда уже того мальчика, которого звали Витя Дмитриев и который катался на санках с огромной деревянной горки. «Где? Когда? Но это случилось в Москве!» И Петербурга, того Петербурга, в который приехал подростком Виктор Викентьевич Дмитриев, нет и не будет, хотя и город есть, и дома многие в нем сохранились, как сохранился на Каменноостровском особняк тети Лизы; и называется этот город снова Петербургом, и тонет, как прежде, в тех же гнилых болотах, что и тот, старый, его, Виктора, Петербург.

Воспоминания не были ни мучительными, ни сентиментальными. Они походили на воспоминания о давно прочитанной книге или виденном невесте когда фильме. Они были подернуты легкой дымкой грусти, сродни запаху осени. В них была толика ностальгии, не по месту или времени, а по себе родном, но другом, давнем, навсегда утраченном, изжитом.

Из страны грез, из русского смутного Зазеркалья его вернул голос Вики, требовательно призывавшей его немедленно «найтись» и отозваться. Взглянув на часы, он обнаружил, что, пока грезил, наступил вечер. Было четверть шестого, и народ, вероятно, собирался к обеду.

– Ну и что мы имеем с гуся? – громко спросил он, спускаясь в зал.

– С гуся, Федя, мы имеем шкварки, – откликнулся басом Макс, подчеркнув многозначительной интонацией это свое «мы».

«Ну и что конкретно он имеет в виду на этот раз?» – усмехнулся Виктор.

– Кстати, а почему ты не в смокинге?

Виктор, спустившийся наконец в зал, ошалело смотрел на представшее его глазам чудо. Круглый стол был выдвинут ближе к середине зала и сервирован к праздничному обеду («Икебана!» – восхищенно присвистнул Виктор). Белоснежные салфетки («Их ведь еще стирать и гладить надо было»), кузнецовский фарфор, богемский хрусталь, серебро... И друзья его приоделись, насколько это было возможно в их положении.

– Я что-то пропустил? – спросил он, подходя к столу и беря в руки водочную бутылку с сургучной головкой.

– Еще нет, но обязательно пропустишь, – ответила ему Вика. – А ну, марш одеваться!

Все еще не пришедший в себя Виктор продолжал крутить в руках бутылку («Надо же, хлебное вино нумер...»).

– Где ты нашел? – спросил он наконец, поднимая взгляд на Макса.

– В этом доме, если поискать, и не такое сыщется, я так понимаю.

– Да! – только и смог выговорить ошеломленный Виктор. – Подожди! – встрепенулся он. – А что все-таки случилось?

– С Новым годом тебя, Федя, – улыбнулся Макс.

– С каким Новым годом? – снова опешил Виктор. Женщины, прежде лишь улыбавшиеся загадочно, веселились уже вовсю.

– С пять тысяч семьсот шестидесятым, – серьезно ответил Макс.

– Ой, вейз мир!³⁰ Я сейчас! – вскричал Виктор и рванул наверх.

Взлетев по лестнице и ворвавшись в их с Викой спальню, он первым делом достал из шкафа свои памятные боем в «Невском Паласе» костюм, рубашку и галстук и быстро переоделся. Затем достал с верхней полки белую картонную коробку и, держа ее на вытянутых руках, пошел обратно.

– С праздничком! – объявил он, входя. – Макс, вам Деда Морозы положены или как?

³⁰ Ой, мой бог! (Идиш.)

– Нам нет, но поскольку у нас тут интернационал...

– Да уж! – хмыкнул Виктор. – Интернационал три с половиной! Ладно, объявляю себя еврейским Дедом Морозом и предьявляю подарок.

Он поставил коробку на стол, и все увидели, что сверху к ней приклеен скотчем листок бумаги, на котором фломастером написано:

«Дорогому товарищу Хрусталеву от благодарных авиастроителей Союза ССР».

Дав присутствующим прочесть надпись, Виктор движением волшебника открыл коробку, и взглядам его друзей предстало весьма впечатляющее зрелище. Впрочем, интересны, как всегда, были детали, оценить которые, к сожалению, мог лишь Макс. Поэтому Виктор взял на себя функцию глашатая, когда Макс начал извлекать дары волхвов («Или, лучше сказать, данайцев? – мимолетно подумал он) на свет божий и передавать Виктории, которая вместе с Ликой встречала каждый новый предмет счастливым смехом.

– Je demande de l'attention, les dames et messieurs! Champenois Dom Perignon!³¹ – возвестил он, когда из коробки появилась пузатая бутылка. – Папиросы «Беломор» (две пачки). Обратите внимание, дамы и господа, что это не просто так «Беломор», а «Голубой Беломор» фабрики Урицкого. Шоколад бельгийский (только две плитки, к сожалению), курага тегеранской расфасовки (один пакет), чай цейлонский (одна пачка), сыр камамбер австрийского производства (одна коробочка). Все!

Утес не обманул. В тюках оказалось все, о чем просил Виктор, и даже немного сверх того, что неизвестный ему Утес считал правильным добавить к списку Виктора. И среди всего этого добра Вика нашла вот эту коробку и, сразу сообразив, кому она предназначена, передала ее Виктору. Сохранив посылочку в секрете, Виктор предполагал предьявить ее накануне прорыва. А что касается ее содержимого, то циничный Утес был в своем репертуаре. Виктор понимал, что вкусы подобраны впопыхах, на бегу, но все равно со смыслом.

«Да, – усмехнулся он про себя. – Широка страна моя родная...»

– Ну, за работу! – объявил Виктор, беря в руки бутылку шампанского. – Все ли готовы? Все ли готово? Тогда прошу приготовить бокалы!

– Не торопись, Федя. – Макс встал и, обведя взглядом собравшихся, остановил его на Лике, хотя говорить он продолжал, обращаясь вроде бы к Виктору: – Сегодня еврейский Новый год, поэтому, Федя, я тебя прошу, побудь пять минут евреем, пожалуйста. Я скажу браху – это благословение на пищу, если кто не знает, – и можно будет разливать и пить. Идет?

– Как скажешь! Мы, коммунисты, кем только не были, можем и евреями, если партия прикажет.

– *Барух ата адонай* ... – начал читать Макс молитву.

«Благословен ты Господь...» – автоматически перевел Виктор и вспомнил, как много лет назад, в Иерусалиме, они сидели в маленькой кофейне и Макс рассказывал о своем детстве в Праге. Когда это было? Кажется, в тридцать первом. Да, точно, в тридцать первом. А кофейня принадлежала армянину, сын которого, Ашот, был коммунистом. От воспоминаний его оторвал дружный вопль собравшихся: «Разливай!» – и Виктор стремительно переключился на шампанское.

Обед удался. Макс сделал невозможное. На столе были тушеные с сублимированным луком грибы, запеченная в углях утка и, наконец, как апофеоз, стейки из медвежатины.

– По-умному, – благодушно рокотал басом Макс, – медвежатину надо есть с яблочным соусом, но яблок я не нашел. Поэтому решил поэкспериментировать с медом.

– С медом? – Виктор отвлекся от созерцания великолепного куска мяса, лежащего перед ним на тарелке, и, потянувшись к заветной сургучной головке, спросил:

– А где ты мед тут умудрился достать?

³¹ Прошу внимания, дамы и господа! Шампанское Дом Периньон (*фр.*).

– Пчелы, Федя, – наставительно поднял вверх указательный палец Макс, – бывают домашними и дикими. Как по-русски называются эти люди, которые собирают дикий мед?

– Так ты что, бортничал, что ли?

– Как ты сказал?

– Бортник, – старательно проартикулировал Виктор. – Бортничать.

– О да! – согласился Макс. – Я бортничал. Я был бортник. Я собирал дикий мед.

Виктор усмехнулся. Русский язык Макса качался, как маятник. Макс то говорил по-русски совершенно гладко, даже акцент смягчался, то его стопорило, и он начинал, как казалось, переводить с немецкого.

Стейки оказались выше всяческих похвал. Закончив со вторым и опрокинув очередную стопочку («Слеза, ну, чисто, слеза. «Поповка» – она и через сто лет “Поповка”!»), Виктор оглядел повеселевших друзей (даже Лика раскраснелась, и ее усталые больные глаза засветились прежней живой зеленью) и сказал:

– А знаете что, ледиз энд джентльмен, давайте-ка сваливать с этой дачки!

– Что ты сказал, любимый? – подняла бровь Вика.

– Что отпуск закончился.

– Побежим сегодня? – по-английски спросила Вика. Она не была удивлена.

– А почему бы и нет? Выпили, закусили... Кураж есть?

– Есть!

– Ну так вперед! А скажи, Макс, мазаль еврейский гоям³² тоже положен или как?

– Обязательно, – серьезно ответил ему Макс. – Я же вас всех в евреи, властью данной мне императором, уже произвел.

– Да, – сказал вдруг с грустинкой в голосе Виктор. – Жалко мне Саргона нашего. Старик был не без дури в башке, но личность. Ладно, выпьем на посошок, и в дорогу!

Маленькая ночная серенада

Они расположились на полу за прилавком слабо освещенного (ночь на дворе, темная октябрьская ночь) обширного торгового зала. Молодая высокая женщина быстро работает с крошечным прибором (возможно, это какой-то компьютер), а рядом с ней в вольной позе расположился высокий крепкий мужчина, в обеих руках которого зажаты какие-то то ли большие пистолеты, то ли маленькие автоматы.

– Ну? – спрашивает тихо мужчина.

– Они блокируют порт и стягивают силы к фиорду, – отвечает женщина ровным голосом.

– Смешные люди! Ладно, пусть померзнут, а мы с крыши сиганем. Что там, кстати, с небом?

– Метель. Они отозвали вертолеты.

– Вот и славно. Значит, танцуют все! Слушай, а что нам мешает, пока суд да дело, немного прибахлеться? А то чисто оборванцы, прости господи. А тут вон сколько добра буржуины припасли.

– Давай, – сразу соглашается женщина. – Я там внизу видела шубку из русского соболя. Сказка!

– А я о чем?

Крыша большого торгового центра. Переплетение труб и каких-то машин. Все это, однако, едва просматривается в тусклом свете ночной подсветки. Ночь, порывы ветра несут снежные заряды. Тишина. Распахивается дверь лифтовой башенки, и в полосу хлынувшего в

³² Мазаль – удача, счастье; гои – не еврей (*иврит, идиши*).

ночь света выходят двое: женщина в мантии из соболей и меховой шапке, с которой ей на спину свешиваются звериные хвосты (Куницы? Чернобулки? Соболя?), и высокий стройный мужчина, кажется, пришедший из мира «Матрицы». Он одет в длинное черное пальто и высокие ботинки. Голова его не покрыта. В руках оба держат оружие.

– Ну вот и все, – говорит мужчина, прислушиваясь к чему-то, слышному, однако, только ему.

И в это мгновение тяжелая бесшумная тень выплывает из забеленной метелью мглы. Огромное тело замирает, бесшумно распаивается овальный люк, и из подсвеченного фиолетовым полумрака за люком падает к ногам людей короткая гибкая лестница. Не задерживаясь на крыше ни одной лишней секунды, женщина и мужчина стремительно взлетают по лестнице и исчезают внутри летающей тарелки. Люк закрывается, и огромный диск, маленький кусочек которого мы только что видели, растворяется в ночной тьме и метели...

Пустынная и маловразумительная (особенно в предрассветный час и под проливным дождем) местность. Можно различить лишь небольшой кусок грунтовой дороги. Такую возможность дает горящая в кювете милицейская машина. Чуть поодаль, на самой границе света и тьмы, видна еще одна машина, осевшая на пробитых выстрелами колесах. Где-то далеко слышны завывания милицейских сирен.

Неожиданно из мрака и дождя появляется уже знакомая нам летающая тарелка. Замирает, распаивает люк, одновременно сбрасывая слабосветящийся трап, и освещает прожектором (или чем-то, что заменяет прожектора на летающих тарелках) участок земли прямо под трапом. И в это пятно света входит огромный мужчина, одетый как американский рокер, неведомо как попавший на Север России, с большим рюкзаком за плечами и с женщиной на руках. Пока он пробегает расстояние, отделяющее его от трапа, взбирается по нему и исчезает внутри летательного аппарата, мы можем с удивлением обнаружить, что женщина одета в длинную комсоставскую шинель и буденовку, из-под которой выбиваются рыжие пряди. Рассмотреть подробности мы не успеваем, потому что люк закрывается и тарелка уже взлетает.

Что-то подсказывает мне, что она держит курс на орбиту Плутона.

Часть II. Наш паровоз

Наш паровоз, вперед лети!

В коммуне остановка.

Другого нет у нас пути –

В руках у нас виштовка.

В. Скорбин. Паровоз

Прелюдия. Волки и овцы

*Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции
у моря.*

И. Бродский. Письма римскому другу

Глава 8. В волчьей шкуре

Меш – идиот, мерзкий домашний демон дома Сирш, позор и вечное напоминание о том, что боги не прощают измены. Меш не умеет говорить, мысли его коротки, желания низменны. Он хуже собаки или лошади, потому что не знает благодарности и не способен учиться, хотя и бегаёт, как животное, на четвереньках. А ещё Меш урод. Он огромен, толст, и у него нет стати, положенной мужчине; его заплывшее жиром лицо ужасно, и ко всему он хромотает на правую ногу. В любой деревне ему бы давно уже свернули голову, но убить принца крови не рискует никто. Нет, тут тоже не все так просто. Будь Меш нормален, его бы давно отравили. Или убили каким-нибудь другим способом, из тех, что издавна практикуются в княжеских семьях. Старший сын князя ведь реальный претендент на трон, но чтобы претензии на трон осуществились, превратившись из права в неоспоримую данность, принц должен быть легитимен, и, естественно, он нуждается в поддержке. Ни легитимности, ни поддержки у Меша нет, поэтому приговор очевиден и неизбежен, как восход солнца. Но он урод, и поэтому он жив. Жалкого глупого Меша не убивают. Во-первых, в нем течет княжеская кровь. Во-вторых, он проклятие Сиршей, и если боги решили, что князь должен быть наказан, ясно, что не простым смертным посягать на волю всеблагих.

Но и любить его не за что. Да и невозможно. Даже жалеть его – значит оспаривать волю высших сил. Принцы ходят в шелках, им угождают, и их желания закон. Они принцы. Кто решится назвать Буаш-са-ойра просто Буашем? Это то же самое, что назвать Меша Меш-са-ойром. Меш просто Меш. Его можно забыть накормить. Он одет в грязную грубую одежду. На него можно кричать, ему можно дать тычок или огреть арапником, чтобы не мешал или просто так, удовольствия ради.

Но хуже всех принцы. Для них Меш самый желанный объект приложения необузданного энтузиазма юности, помноженного на фамильные ущербность ума и низменную жестокость. Но травить жертву они умеют и делают это с упоением и страстью. На этот раз они организовали охоту по всем правилам, тем более что в развлечении приняли участие несколько кавалеров и дам, из тех, что ищут благосклонности у принцев, не имея возможности приблизиться к самому князю или хотя бы княгине. Меша загнали в галерею второго яруса и, окружив со всех сторон, начали игру. Меш урчал, как пес, и скулил, как щенок, и бросался из стороны в сторону, неловко пытаясь вырваться, но принцы были везде. Три маленьких, но злых борзых,

они атаковали его со всех сторон, как атакуют огромного медведя настоящие борзые, с той только разницей, что медведь все же может за себя постоять, а Меш – нет.

Принцы еще маленькие и нанести серьезного удара не могут. Хохочут, визжат от удовольствия, прыгая вокруг него, и норовят достать носком сапога по ребрам или оттянуть его плеткой по широкой спине. Но у Меша прочная шкура, на спине и ребрах толстый слой жира, а под жиром еще и мощные мускулы, так что до костей им не добраться. Иногда больно, но, в общем, терпимо. Однако показывать этого нельзя, и Меш крутится между обидчиками, насканивающими на него снова и снова, урчит, скулит, пытается убежать. Но и спускать им нельзя, а то, почувствовав свою безнаказанность, узнав вкус крови, однажды они забьют его до смерти. Спускать нельзя, но и торопиться не следует, чтобы ненароком не выдать себя. Не этим злобным зверенышам, но каким-нибудь чужим внимательным глазам, умеющим смотреть и видеть. Тут главное поймать момент, дожидаться, когда принцы сами попадутся в собственные силки. Ждать и терпеть Меш умеет, и момент приходит сам собой. «Слепо» шарахнувшись от очередного удара, Меш как бы случайно толкает старшего из принцев плечом, вложив в удар немалую часть мощи своего тяжелого тела, и Буаш впечатывается спиной в дикий камень галереи. Судя по тому, как пузырится кровь на его губах, мерзавец прикусил себе язык. А если посмотреть на то, как он сползает по стене на холодные плиты пола, у него сломана пара ребер, и как бы даже не случилась контузия позвоночника.

Само собой, «охота» сразу прекращается. Все толпятся вокруг принца, норовя оказать посильную помощь, а Меш убегает. Он бежит на четвереньках, подволакивая правую, плохо гнущуюся ногу, поскуливая и роняя на пол слюну с обнаженных клыков. Последняя, кого он видит перед тем, как скрыться в боковом переходе, это фрейлина н'Цоха. Фрейлина молода и красива. Она старше Буаша на пять лет. У нее большая грудь и молочно-белая кожа. Н'Цоха могла бы с легкостью найти себе неплохую партию при дворе, но она честолюбива, и ей нужен как минимум принц, чтобы вполне насытить свою жажду власти и денег. Поэтому она ложится с Буашем и позволяет ему играть со своей белой грудью, ведь ничего иного Буаш пока сделать просто не может, но зато он гордится тем, что у него, как у взрослого, уже есть любовница. Он пыжится и хвастается тем, какая красивая девушка делит с ним ложе, естественно, не упоминая о том, что все старания н'Цохи отдаться ему по-настоящему успехом еще ни разу не увенчались. А вот Меш мог бы овладеть женщиной. Он уже вполне для этого созрел. И он завидует своему сводному брату, но его брат наследник, а он животное, и никакая женщина, не говоря уже о красавице н'Цохе, не отдастся ему добровольно, а на насилье он еще не решился. Терпение окружающих ведь не бесконечно. Могут и убить.

Удалившись на достаточное расстояние, Меш перестал хныкать и стонать, закрыл рот, спрятав под верхней губой длинные кривые клыки, и, выровняв бег, двинулся дальше быстрее и тише. Прошло несколько секунд, и его громоздкая, еще недавно такая неуклюжая фигура растворилась в сумраке старых тоннелей, малопосещаемых и оттого слабо освещенных.

Зная лабиринт, каким, несомненно, являлся дворец Сиршей, можно довольно быстро добраться туда, куда тебе надо, не попавшись при этом никому на глаза. Пробежав длинной внешней галереей, в которой было целых три прорезанных в скале глубоких и узких окна – лунные дорожки трижды пересекли его путь, – Меш добрался до винтовой лестницы и по ней поднялся в основание Кривой башни. Здесь располагалась библиотека, вернее, ее главный зал. С тех пор как шесть месяцев назад здесь было найдено мертвое тело хранителя книг, в библиотеке почти никто не бывал. На миг Меш притормозил около высокого и тяжелого пюпитра, как раз там, где лежал тогда В'Спаш. Каменные плиты давно отмыли, и пыль успела покрыть их толстым слоем, но даже сейчас Меш учуял слабый, как отзвук далекой грозы, аромат пролитой крови.

В'Спаш был хорошим человеком. Он был сложным человеком, у него было два лица, а возможно, и три – Меш не успел в этом разобраться – но хранитель был его другом, а не врагом.

Теперь, когда хранитель был мертв, мир окончательно упростился, сведясь к отточенной до убийственной ясности дихотомии: Меш и его враги.

Не задев ни одного предмета, хотя погруженный в темноту зал был тесно заставлен многочисленными шкафами, креслами, попelitрами и статуями; не произведя никакого шума, который мог бы выдать его присутствие, принц Меш пересек библиотеку и, поднявшись еще по одной лестнице почти на самый верх башни, оказался в своем убежище. Сюда, наверх, в маленькую круглую комнатку, откуда через люк в потолке можно было выбраться на смотровую площадку башни, не заходили даже слуги, изредка прибиравшие в библиотеке. Сюда вообще давно никто не заходил. Единственное окно открывалось узкой щелью на запад, в сторону необитаемых мертвых скал. Поэтому свет масляной лампы, которую зажег Меш, не мог увидеть никто. Слабый, но вполне достаточный для Меша огонек осветил комнату, убогий топчан, на котором Меш спал, низкий стол и стопки книг у стены. На крюке, вбитом в деревянный потолок, висел мешок с провизией – бесшумный ночной вор мог найти много интересного на кухнях дворца – а в нем, недоступные для грызунов, копченое мясо, хлебные лепешки и козий сыр. Достав еду – выпрямившись, Меш легко доставал до мешка – и налив в большой серебряный кубок вина из бочонка, примостившегося прямо под столом, Меш начал ужинать. Он был сильно голоден и сейчас сдерживал себя изо всех сил, чтобы не наброситься на пищу по-звериному. Проведя весь долгий день животным, наедине с собой он желал быть человеком. Он не мог, к сожалению, вечно прятаться в своем логове. Рано или поздно, но его хватились бы и начали искать. Нет, домочадцы должны видеть своего урода постоянно, и Меш целыми днями слонялся по дворцу, выпрашивал еду, ловил кошек, переругивался с собаками и путался у всех под ногами. Еды он обычно не получал, или получал, но мало; зато он вволю получал пинки и затрещины. Кошек он ловил так, что до сих пор не поймал ни одной, а собаки... Вот собаки его не трогали. Они честно играли с ним – или подыгрывали ему, – но никогда не нападали, интуитивно чувствуя, что он им не враг, и избавьте боги, чтобы стал им врагом. Они знали, звериным чутьем угадывали в нем силу, несоизмеримо более разрушительную, чем сила их господ. Стратегия, избранная им, себя оправдывала, но была удручающе утомительной, потому что он все время был на виду.

Но сейчас он наконец был один и мог спокойно поесть и спокойно почитать. Читать его научил хранитель книг. Меш был многим обязан хранителю В'Спашу. Можно сказать, что ему он был обязан всем, потому что, если задуматься, кому и чем еще он был обязан в этом мире? Матери? Глупая тварь, поддавшись чувствам, вышла замуж за князя, хотя не могла не знать, что попытка найти счастье с этим ублюдком была обречена, еще не осуществившись. И вот она мертва, а Меш должен нести ярмо своей собачьей жизни дальше. Мысль, неожиданно мелькнувшая у него в голове, показалась ему новой. Как-то так вышло, что, думая о многих вещах – а думать было единственной его привилегией, потому что говорить он не умел – он ни разу за все эти годы не задумался над самой важной и самой простой вещью. Не задал себе один простой вопрос: для чего ты живешь, Меш?

– И в самом деле для чего?

Меш перестал есть, отставил в сторону кубок, встал и, подойдя к окну, посмотрел на залитые лунным светом безжизненные скалы западной стены. Когда умерла его мать – фанатик-уюг³³ ударил ее кинжалом в живот, – Мешу было всего три года. Он был крупнее своих сверстников, но, в отличие от них, он не умел говорить. Того времени он почти не запомнил, но крепко, на всю жизнь, запала ему в память ночная встреча с хранителем книг. Хранитель пришел к нему сам. Это случилось через несколько дней после того, как умерла мать Меша. Меш был один в своей комнате, с некоторых пор у него вдруг не стало ни няnek, ни служанок. Он лежал на кровати – тогда у него еще была кровать – и смотрел во тьму. Меш почувствовал

³³ Уюг – адепт Доброй Матери – центрального женского божества в пантеоне богов народов союза Вайяр.

гостя еще до того, как тот вошел к нему в комнату – тогда у него еще была своя комната. Человек постоял в темноте, подошел к Мешу, присел рядом с кроватью на корточки и стал говорить:

– Я думаю, ты меня слышишь, принц. Слышишь и понимаешь. Я так думаю. Может быть, я ошибаюсь. Тогда все ни к чему. Но, если я не ошибся, тогда слушай и запоминай. Ты идиот. Все так думают, ведь ты не умеешь говорить. Это хорошо, что они так думают. Пока ты идиот, ты жив. Иначе смерть. Они убьют тебя, как убили твою мать. Князь не защитит. Но уродов не убивают. Бегай на четвереньках! Визжи! Брыкайся! Мешай всем, и тебя не убьют. Если понял, выживешь. Если выживешь, приходи в библиотеку. Библиотека, это где много книг. Только чтобы никто не видел.

Человек встал и ушел, а Меш остался лежать, тихий как мышь, испуганный, полный страха и отчаяния, не знающий, что правильно, а что нет. Но он понял хранителя. А к утру и согласился с ним. Больше ведь все равно никто ему советов не давал.

И он стал идиотом, как посоветовал ему хранитель книг, и прожил идиотом все эти пустые годы, но теперь пришло время спросить себя, а для чего?

Люди, как понимал это Меш, делятся на тех – их большинство, – кто живет, потому что живет, и тех, кто живет с целью. Посмотрев на себя сейчас, он понял, что никогда не отождествлял себя с первыми, но и ко вторым, как ни жаль, он тоже не относился. Он выжил тогда и жив теперь. Долгие годы он живет в шкуре животного, играя в странную, опасную игру, чтобы выжить. Князь – Меш никогда не называл его отцом, даже мысленно, – успел жениться и родить трех сыновей. Князь воевал, охотился и пировал. Князь валял знатных дам и кухарок и брюхатил свою жену – сейчас она беременна в седьмой раз, – разъезжал на дорогих лошадях, ел и пил с золота, а мать Меша лежала в земле, и Меш, неприкаянный и никем не любимый, слонялся по темным переходам дворца. Новая княгиня спала на шелках, а наследный принц прятался в этом своем логове. Молодая красивая фрейлина раздвигала ноги перед жалким щенком, а князь Меш-са-ойр подглядывал сквозь щель в стене и от вождления выл, как волк, но и то молча, чтобы, обороните боги, никто не услышал его воплей страсти. Так для чего он жив? Для чего притворяется? Ему нет пути к трону. Здесь, во дворце, его ничего не ждет. Нет такого случая, который мог бы вознести его из пропасти бедствий к вершине славы и могущества.

А за стенами замка? Нигде и никогда он не будет желанным гостем. Даже в собственном племени. Ну, может быть, Сойж Ка и приняли бы его, оставив в стороне его уродство. Ради памяти н'Сойжи, дочери старейшины, ради того, что он, по Праву и Закону, прямой наследник княжеского трона. Но тогда война. И племя, даже с ним во главе, обречено на истребление. Против княжеской армии им не выстоять. Было бы их хоть несколько таких, как Меш, тогда, может быть, и выстояли бы. Но он один. Даже В'Зоаш, веривший, что народ Сойж Ка происходит от Древних Но, полубогов, героев, детей Самого, даже он считал, что божественный дар проявляется теперь только у женщин. Колдуньи Сойж Ка. Но вот о колдунах он не пишет нигде.

Меш застонал. Звук вышел хриплым и был больше похож на звериное рычание, чем на стон, исторгнутый человеческим горлом. «Как могло случиться, что я ни разу не задумался об этом? – ужаснулся он. – Как это возможно, что я никогда не задавался этим вопросом?» Гнев закипал в его сердце; гнев на себя, согласившегося на роль урота; гнев на князя, позволившего всем этим недоумкам глумиться над ним; гнев на чернь, посмевавшую поднять руку на того, в чьих жилах смешалась кровь венценосных Сиршей с древней кровью королей Но.

Он вернулся к столу и одним могучим глотком допил оставшееся вино. Горло пересохло, и потребовались еще два полных кубка, прежде чем он почувствовал, что жажда оставила его. Вино было превосходное. Ароматное, терпкое, крепкое, оно подавалось на стол самого князя. Меш добрался до винных погребов еще год назад. Выбор был велик – погреба, заставленные бочонками и бочками всех размеров, тянулись на сотни метров – но он всегда брал вино только из бочек, помеченных княжеской булавой.

Хмель бродил в его крови, смешиваясь с гневом и тоской. Исчезла усталость, отступил сон. Воздух стал жарким и пустым, как горная порода, из которой достали весь содержавшийся в ней металл. Он бродил по своей жалкой берлоге, не зная чем заняться; брал в руки то одну, то другую книгу, пролистывал и отбрасывал в сторону. Слова, слова, слова... Слова потеряли смысл. Жизнь, вывернувшись наизнанку, предстала перед ним в своем истинном обличье и не понравилась ему.

Неслышно ступая, Меш вернулся в библиотеку, «осмотрелся» в кромешной тьме и, найдя статую Души Взыскующей, подошел к ней. Рука привычно легла на прекрасное лицо худенькой нагой девушки, а пальцы погрузились в невидимые выемки на ее висках. Меш почувствовал, как поддается под пальцами металл, и одновременно услышал тихий скрип сдвигающегося в сторону тяжелого книжного шкафа. Там, где секунду назад стоял шкаф, открылся проход, ведущий во мрак, еще более кромешный, чем тот, что окружал его в библиотеке. Не раздумывая, Меш протиснулся в узкую щель прохода и оказался в тесном сводчатом коридоре.

Эти тайные тропы, пробитые в скале или встроенные внутрь стен, он нашел давно. Точно так же, как он «видел» во тьме, Меш чувствовал пустоты в камне, ощущал их присутствие, мог определить их примерные размеры и направление, в котором они тянутся. Так он узнал, что за стенами большинства помещений замка есть другие, никому не ведомые места. Заинтересовавшись этим, он достаточно быстро нашел первый вход, ну а дальше искать и находить входы во внутренний лабиринт оказалось уже просто. Изнутри входы-выходы замаскированы не были. Сначала он не понимал, что это такое и для чего все это построено. Но со временем разобрался. Это был второй и последний рубеж обороны замка; путь бегства, если случится бежать; место, где можно спрятать все, что должно быть спрятано; и не в последнюю очередь это был могущественный инструмент познания, ибо лабиринт позволял знать все обо всех.

Тайные ходы тянулись, казалось, бесконечно, достигая практически всех помещений дворца. Они следовали вдоль, под или над всеми коридорами и галереями. Здесь была скрыта сокровищница Сиршей, здесь лежали неуспокоенными кости их личных врагов или жертв их необузданных страстей. Меша кости не пугали, а золото и драгоценности ему были не нужны. Куда интереснее оказались отверстия, пробитые в стенах и потолках залов и комнат, коридоров и галерей. Сквозь эти отверстия, щелки, дырочки, искусно спрятанные в каменной резьбе, деревянном декоре или просто в темных углах, куда не достигают лучи света, можно было видеть и слышать все, что происходило во дворце Сиршей. Так Меш стал свидетелем позорных страстей обитателей крепости и страстей обиденных, дозволенных законом и традицией, их тайных бесед и одиноких молитв. Вся скрытая жизнь дома Сиршей лежала открытой книгой перед тем, кто владел секретом этих крысиных нор. Открылась книга тайн и перед Мешем.

За прошедшие годы он в совершенстве изучил все эти темные ходы, лестницы, каморки и тайные комнаты, образующие лабиринт в лабиринте. Он освоился в них и чувствовал себя здесь много лучше, чем в дворцовых пространствах, где он никогда не мог быть самим собой. Впрочем, и здесь следовало быть предельно осторожным, ведь не только он был посвящен в секреты дома Сиршей.

Пройдя по извилистому ходу, Меш пересек по узкому мостику крошечный подземный ручеек, стремивший свои темные воды из неизвестного истока к неизвестному устью, и вышел к лестнице, которая привела его к покоям княжеской семьи. Отблеск света, пойманный его привыкшими к мраку глазами, заставил Меша насторожиться. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел женщину, прикинувшую к смотровому отверстию в стене. Потайной фонарь стоял у ее ног и давал очень мало света, поэтому разглядеть незнакомку Меш не мог, но он узнал женщину по запаху. Н'Твор, младшая сестра князя, стояла перед ним, здесь и сейчас. Одна.

Сестры князей замуж выходят редко и только за других князей. Впрочем, это не требует от тех, кто замуж не вышел, ни воздержания, ни особенной добродетели. Напротив, с начала времен они являлись наложницами своих отцов и братьев, а когда освобождались от обязан-

ности ублажать их, заводили себе любовников попроще. Желающих хватало и среди вельмож, и среди придворных кавалеров. Их дети никогда не претендовали на место в княжеской семье, но их законность, как членов клана, никем и никогда не оспаривалась. Мальчишки, вырастая и становясь мужчинами, служили своим венценосным родичам, занимая многочисленные дворцовые должности, становясь наместниками и воеводами, а девочки; подрастая, становились игрушками для знатных придворных, а зачастую и самих князей. Впрочем, и тем и другим дозволено было, в отличие от их матерей, вступать в освященные богами отношения. В этом случае именно их происхождение открывало перед ними двери самых знатных домов княжества.

Н'Твор, на памяти Меша, поочередно была любовницей маршала С'Паоша, своего родного дяди, и сенешаля С'Таяша, который приходился ей троюродным братом. Теперь, составившись и утратив былую красоту, н'Твор жила с молодым кавалером из малых, который, вероятно, денно и ночью благодарил Саму³⁴ за счастье приблизиться к Сиршам настолько близко. Но для Меша все это было лишено какого-либо интереса и смысла. Ему это все было не интересно. Но зато было у него одно заветное воспоминание, которое вдруг всплыло в памяти, потревоженное запахом женщины. Всплыло и зажгло кровь.

Это случилось уже давно, пять или шесть лет назад. В Меше начал прорастать мужчина, и у него появился интерес к женщинам. С жадным любопытством рассматривал он молодых красавиц в дворцовых купальнях или на берегах Черного озера, подсматривал за ночными играми князей и их домочадцев, слушал похвалу кавалеров, собравшихся провести время за кубком вина. Однажды...

– Ну что ты, милая, – говорила н'Твор, развалившись в глубоком кресле. Подол ее расшитого серебром платья был вздернут, а меж белых широко раздвинутых ног трудился склонившийся над ее лоном мальчик-раб.

– Ну что ты, милая, – говорила она томным, полным скрытого довольства голосом. – Сущие пустяки! Всего десять золотых, и эта тварь получила в живот сталь вместо очередного ублюдка, вроде нашего Меша. Достаточно нам и одного животного... О! О! О!

Она закатила глаза от удовольствия и застонала, обнажив верхние клыки. Ее собеседница – молодая княгиня – сидела к Мешу спиной, и он не мог видеть выражения ее лица.

«Почему бы тебе тоже не умереть?» – подумал Меш, втягивая вместе с воздухом запах н'Твор. Мысль была необычная. Никогда раньше он об убийстве не думал. Но сейчас он принял эту новую мысль без возражений. Ничто не шевельнулось в его душе, когда, сделав два неслышных шага, он приблизился к прильнувшей к глазку и ничего не замечающей женщине и одним коротким сопряженным движением могучих рук сломал ее тонкую шею. Н'Твор умерла без звука.

– Кто-то умер, – сказал незнакомый Мешу женский голос в покоях князя.

– Что вы сказали, Великолепная? – Князь был явно удивлен услышанным замечанием.

– Каждую секунду, мой благородный друг, кто-нибудь умирает. Такова проза жизни. – Голос говорившего мужчины был также незнаком Мешу.

– У вас своеобразная манера говорить, – усмехнулся князь. – Никак не могу привыкнуть.

– И не надо!

Меш заглянул в глазок и увидел, что князь принимает в своем интимном кабинете двух незнакомцев. Они – и мужчина и женщина – были одеты в дорогие дорожные костюмы, и оба были страшными, отвратительными уродами. Поражало также то, с какой свободой говорили они с князем и с каким уважением говорил с ними князь.

– И не надо! – сказал мужчина, поднял свой кубок и сделал из него легкий глоток. – Зачем вам это? Мы пришли и ушли, и нас снова нет, как будто и не было никогда.

³⁴ Сама – Неназываемая, Мать, Большое лоно, Сама – мать и жена Бородача – верховного божества в пантеоне богов народов союза Вайяр. Сама считается создательницей живой плоти и покровительницей людей.

Меш смотрел на него и не мог понять, что, кроме отвратительного облика, в нем не так. И вдруг понял. У мужчины было два лица, совсем так же, как у хранителя книг. Пораженный открытием, Меш перевел взгляд на женщину и... встретился с ней взглядом. Это не было случайностью. Меш понял это сразу, как только заглянул ей в глаза. У нее были ненормально огромные серые глаза, и эти глаза смотрели прямо в глаза Меша. У нее тоже было два лица, но дело было даже не в этом. От нее шел материнский запах. И она знала о его присутствии.

Меш отшатнулся и прижался спиной к холодному камню стены. Что это было? Кто эти люди? Кто эта женщина, от которой исходил тонкий, почти забытый Мешем аромат, связанный в его памяти с ощущением тепла, любви и покоя? Он впервые столкнулся во дворце с кем-то настолько чужим и чуждым и в то же время настолько близким ему. Мысли путались. Люди с двойным лицом... Он знал только одного человека, у которого было два лица. Но В'Спаш мертв, и никогда – ни в то время, когда хранитель был жив, ни после его смерти – Меш не встречал ни одного человека с двумя лицами. Кто он? Кто они? Кто эта женщина, уродливая, как душа предателя, но видящая, как Меш, и связанная какой-то мистической связью с его мертвой матерью?

Его охватил ужас, который оказался сильнее, чем его любопытство. В какие игры играет князь? Какие люди – или демоны – посещают его тайно во мраке ночи? Не решил ли, наконец, Бородач расправиться с Мешем, в чьих жилах течет и кровь древних богов земли Но? Меш заспешил прочь от этого места, где на холодных камнях осталось ждать своей посмертной участи тело н'Твор. Вскоре свет потайного фонаря растворился во тьме переходов, и участвовавший стук сердца стал постепенно спадать.

Возможно, убеги он в глубины лабиринта, туда, где в тайных казематах хранились сокровища Сиршей, или туда, где под самыми нижними ярусами дворца находилось озеро, в которое стекала водопадом вода из верхнего мира; возможно, эта ночь и закончилась бы так же, как и многие другие ночи, проведенные Мешем в волнении, вызванном каким-то важным для него событием, или в вожделинии, которое все чаще охватывало взрослеющего принца, или в обиде и страхе, частых спутниках его жизни. Ночь закончилась бы, и настал бы новый день, и жизнь Меша втянулась бы в привычное рутинное русло и потекла бы, как прежде, как всегда. Но звезды, невидимые из замковых подземелий, в эту ночь светили с жестокой ясностью. В такие ночи добрые боги спят, и власть над людьми берут Отринутые.³⁵

Меш пробежал мимо спальни Буаша, когда смутный звук привлек его внимание. Ему не следовало останавливаться здесь, но остановившись, он сразу сообразил, что находится у апартаментов наследника, и злобное чувство торжества заставило его отодвинуть заслонку и заглянуть сквозь узкую щель в комнату принца Буаша. Он рассчитывал увидеть принца, жалкого и несчастного, распростертого на постели; принца страдающего; принца наказанного. Он хотел позлорадствовать, и, вероятно, картина несчастий, обрушившихся на Буаша из-за «неловкого» движения неуклюжего уродца, смогла бы успокоить Меша и вернуть ему утраченное душевное равновесие. Но увидел он голый зад н'Цохи, склонившейся над утонувшим в шелковых подушках Буашем. Собственно, Буаша видно почти и не было, нагнувшаяся над ним женщина заслоняла его, без малого, целиком. И перед глазами Меша оказались ее крутые бедра, белые ягодицы, полные ноги, раздвинутые для устойчивости; и пук густых черных волос между ее гладкими ляжками, в котором пряталось лоно. Н'Цоха урчала, как скальная кошка, совершая запретное, а принц тоненько хихикал ей в ответ, и эта картина, вся масса острых, на грани возможного, впечатлений, ворвалась в Меша через глаза, уши и нос, подобно зимнему урагану. И мир взорвался.

Лава ненависти, гнева и черного вожделиния затопила его мозг. На глаза упала пелена кровавого тумана, а уши наполнил гул бешено несущейся по жилам крови. Меш вскинул руки,

³⁵ *Отринутые* – обобщенное название темных богов и духов в верованиях народов Вайяр.

уперся ими в стену, отделяющую его от покоев Буаша, и одним мощным толчком обрушил ее внутрь. Грохот рушащейся стены напугал флейтистку и ее друга. Женщина вскинулась, обернулась – качнулись тяжелые груди, – глаза ее отразили еще не страх, а удивление, но Меш уже был рядом с ней. Он толкнул ее в грудь, мимолетно почувствовав податливую упругость ее тела, и она навзничь упала на постель, открывшись его взгляду сразу вся, в своей зовущей наготе и возбуждающем его еще больше ужасе. Упав, женщина придавила Буаша, который только начал приподниматься на локтях, чтобы увидеть, что происходит за спиной его любовницы. Принц заверещал, как поросенок, и забился под телом н'Цохи, но в следующую секунду на него обрушилась еще большая тяжесть, когда Меш, исполнив свое тайное, годами лелеемое в тиши ночей желание, возлег на обнаженную фрейлину. Женщина под ним хрипло охнула, а Буаш завизжал тонким высоким голосом, и Меш отмахнулся от него, как от назойливой мухи, мешающей ему вполне насладиться роскошью подмятого им тела. Короткий удар могучего кулака, и визг оборвался, перейдя в короткий предсмертный хрип, но Меша принц Буаш уже не интересовал, ни живой, ни мертвый. Его интересовала женщина. Н'Цоха не кричала, скованная ужасом, перехватившим ее дыхание, но ее запах все рассказал и объяснил Мешу и заставил его кровь вскипеть. Все человеческое оставило его, и если еще секунду назад он испытывал хотя бы какие-то пусть злобные, но человеческие чувства, то теперь ушло и это последнее, что оставалось в нем от человека. На фрейлине н'Цохе оказался настоящий зверь, не ведающий ни добра, ни зла. Рывком раздвинув ноги женщины, он ворвался в нее, мимолетно ощутив, как поддаются под его могучим напором нежные ткани, и победно заревел. Теперь он насиловал ее, и запах ее лона, мешающийся с запахами крови, ужаса и боли, возбуждал его все больше и больше, и внутренний напор становился нестерпимым и искал выхода. И Меш нашел выход, он впился клыками в шею н'Цохи и, разорвав артерии, приник к живой реке, хлынувшей прямо ему в рот. Вкус крови опьянил его, обрушив в какое-то странное состояние неги и забытья, так что он уже ничего не замечал – ни диких криков слуг, заглянувших на шум в опочивальню принца, ни топота множества ног, ни вооруженных людей, заполнивших помещение. Он не замечал ничего, но когда над его головой сверкнула обнаженная сталь, Меш среагировал мгновенно. Уловив краем глаза и краем помраченного сознания смертоносный замах меча, он стремительно соскочил с кровати, крутнулся, еще ничего толком не видя вокруг себя, не разбирая, не понимая, и отскочил в сторону.

Никто ведь не знал, каким быстрым может быть Меш, никто не ожидал от него такой стремительной реакции, такой силы и такой ловкости. Он опрокинул сразу несколько вооруженных чем попало слуг, уклонился от выпада какого-то кавалера и, разорвав движением левой руки горло противника, одновременно правой рукой взял его оружие. Теперь в его руках был меч, и Меш стал опасен вдвойне.

Искусству владения мечом учатся долгие годы. Оно требует силы, выносливости и многих умений, оттачиваемых многолетними тренировками. Домашнее животное клана Сирш никогда не держало в руках боевого клинка, но Меш, таившийся во тьме тайных путей, видел бесчисленные поединки и тренировки воинов и кавалеров. Жадным взглядом впитывал он малейшие нюансы движений, тонкости тактики, характер напряжения мышц. И все это усваивалось им с естественностью усвоения воздуха или пищи, откладывалось в нем, меняло его, создавая из ничего нечто. Это было его тайной, о которой он не стал бы рассказывать никому, даже если бы мог говорить и если бы было с кем говорить. Он знал, что это черное знание, порочное знание, колдовская способность, которой он тем не менее пользовался, потому что не пользоваться не мог. Ведь даже реши человек, что его дыхание вредно и греховно, он все равно будет дышать, потому что нет у человека власти над силой жизни, дарованной ему Матерью³⁶ и заставляющей его дышать, испытывать голод или жажду, испускать газы или осво-

³⁶ Матерь – верховное женское божество в пантеоне богов народов союза Вайяр, жена Бородача.

бождаться от мочи и кала. Так же обстояло у Меша с его способностью понимать то, что никто ему не объяснил, и учиться тому, чему его никто не учил. И меч в его руке не был теперь просто куском железа, он был грозным оружием.

Через минуту все было кончено. Опочивальня принца стала похожа на скотобойню, где потрудились демоны нижнего мира. Стены были забрызганы кровью, кровью были залиты роскошные ковры, заваленные изрубленными телами и кусками человеческих тел, а посередине этого кошмара, на широкой кровати, среди пропитанного кровью шелка подушек и одеял лежали растерзанная фрейлина и наследный принц, мертвые, убитые им, Мешем. Увидев, что он наделал, очнувшийся на миг от кровавого безумия Меш ужаснулся содеянному и завыл по-волчьи. В его вое были тоска и боль, которые пришли к нему вместе с ощущением конца. Его жизнь заканчивалась. Здесь не о чем было думать, нечего было обсуждать. Он переступил черту. Переступил закон. Переступил через грех, и он должен был умереть. Это было просто. Но тосковал он не об этом. И боль его была не страхом смерти. Все оказалось напрасно. Вот в чем было дело. Все его страдания, унижения, муки – все оказалось напрасным. Он выжил для того, чтобы умереть как животное, как зверь. Как демон, достойный того, чтобы его травили и, в конце концов, убили. Он восстал или слишком рано или слишком поздно, но восстал без разумной цели в голове, без гордого чувства в сердце. Его восстание было мятежом уродца. Это было страшное открытие. Правда была горька, как яд, а жизнь, которой оставалось длиться считанные минуты, казалась теперь еще более постылой и никчемной, чем представлялось ему раньше.

Но странное дело, когда оборвался его вопль, в котором уже не звучало торжество победителя, а звучало отчаяние проигравшего, на него снизошло холодное спокойствие воина, осознанно и бестрепетно принимающего смерть в последнем бою. Меш подобрал с пола еще один меч, выпрямился во весь свой огромный рост и шагнул через порог, туда, где он чуял присутствие испуганных, но вооруженных людей.

Он никогда не видел, как сражаются двумя мечами, но инстинкт подсказал ему правильную тактику боя, и он прошел через главные залы и галереи дворца, как проходит смерч через редкий лес. Он двигался стремительно, что казалось невероятным при его огромном жирном теле и негнувшейся правой ноге. Он был неукротим и смертоносен, и два меча в его руках были, как серпы в руках Лунного Демона в день воздаяния, и пожинали такую же кровавую жатву. Его больше ничто не тревожило и не волновало, кроме желания оставить по себе долгую и страшную память.

Меш не знал, сколько времени бушевал его гнев в коридорах и галереях дворца, но всему когда-нибудь приходит конец. Пришел конец и его бессмысленному мятежу. Как бы ни был он силен и быстр, он был один, а врагов было много и с каждой минутой становилось все больше и больше. Вооруженные мечами и алебардами стражники, кавалеры и слуги теснили его, пытались окружить или загнать в тупик, из которого они уже Меша не выпустят. В конце концов, он отступил к винным погребам и здесь решил дать последний, самый последний свой бой. Ему просто надоело бегать от них, атаковать их и быть ими атакованным. Ему все надоело. Он стоял в просторном зале, освещенном светом многочисленных факелов. За его спиной начался первый из коридоров, устроенных между рядами винных бочек. Перед Мешем волновалась толпа загонщиков, стоящих близко один к другому, можно сказать, плечом к плечу, из-за страха перед ним.

Меш втянул носом воздух. Толпа пахла страхом. Они его боялись и не хотели устраивать последнего сражения здесь и сейчас. Однако этого хотел Меш. Он так решил: пусть это будет его последний бой, и почему бы, если так вышло, этому бою не состояться именно здесь и именно сейчас? Они боялись его, но их было много.

«Такой бой, – подумал он, – достоин поэмы. Но поэмы не будет. Будут страшные сказки, которыми еще долгие годы будут пугать детей в доме Сиршей».

Неожиданно за спинами солдат произошло какое-то движение, раздались невнятные окрики, и воины начали неохотно подвигаться, освобождая узкий проход в своих рядах. Меш настороженно следил за их действиями, не понимая, что именно происходит и почему. Но ответ пришел быстро. По освобожденному проходу неторопливо прошел высокий человек с горделивой осанкой и встал перед фронтом лицом к Мешу. Меш был удивлен. Князь был последним, кого он ожидал теперь увидеть здесь. Князь был вооружен, но его меч оставался в ножнах. Минуту они стояли молча, рассматривая один другого, впервые в жизни встретившись так, лицом к лицу. Князь был красив благородной красотой потомственных властителей горной страны Сирш. Он не пах страхом, как другие. Он был из тех, кто не боится никого и ничего, даже гнева богов, поэтому Меш не должен был удивляться, увидев князя перед собой. Но удивиться ему все же пришлось.

Князь поднял руку, и в зале наступила тишина.

– Оставьте нас, – сказал князь и, не дождавшись выполнения своего приказа, повторил громче и тоном неоспоримого приказа. – Оставьте меня наедине с принцем. Ну!

И воины повиновались. Испуганно оглядываясь, недоумевая и не понимая того, что происходит, они начали оттягиваться назад, скрываясь в коридорах, ведущих на кухни и к служебным лестницам. Прошла еще одна долгая минута, и вот с тяжелым стуком закрылись двери, ведущие в зал. Они остались одни.

– Уходи, – сказал князь тихо, но Меш услышал его и понял. – Ты знаешь дорогу к Светлому озеру? Я думаю, знаешь.

Удивленный Меш коротко рыкнул, подтверждая догадку князя. Он знал дорогу к Светлому озеру, туда вела одна из тайных троп лабиринта.

– Иди, – сказал тогда князь. – Иди. Там тебя будут ждать люди, с которыми тебе будет лучше, чем со мной. Иди. Я не хочу твоей смерти.

Меш стоял, пытаясь понять, что же здесь происходит на самом деле? Князь отпускал его, не пытаясь обмануть, – это Меш почувствовал бы – но и не объясняя своего безумного поступка. Длилась странная пауза. Они по-прежнему стояли один напротив другого. Кроме слабого треска факелов, ни один звук не нарушал мертвой тишины, упавшей на зал.

И снова тишину нарушил князь.

– Я хочу, чтобы ты знал, – сказал он. – Я любил твою мать.

Князь повернулся и пошел прочь.

Меш смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за одной из дверей. Тогда пошел и Меш. Он не знал, что его ждет у Светлого озера и кто те люди, которые, по словам князя, ожидают его там, но больше ему все равно ничего не оставалось. Он прошел меж огромных бочек главного коридора, свернул в боковой тоннель, нашел камень, выпирающий из неровной кладки, и, нажав его, открыл проход на одну из тайных троп. Через полчаса пути во тьме ходов, пробитых руками человека, и пещер, прорытых стремящейся на волю водой, Меш вышел к старым каменоломням и уже по ним добрался до восточной подошвы Стены. Дорога поверху заняла бы у него не менее дня пути, а так он вышел к Светлому озеру почти по прямой. Двигался он быстро, и уже через полтора часа тьма поредела, и Меш снизил скорость, чтобы глаза смогли привыкнуть к свету. Еще через несколько минут и после нескольких поворотов и лестниц свет стал настолько ярким, что уже можно было с уверенностью сказать, что ночь миновала и наступило утро нового дня. Все это время Меш шел почти автоматически, а в его голове снова и снова происходила их встреча с князем. Снова и снова он спрашивал себя о том, что же произошло сегодня ночью между ним и его отцом? Пока у него не было ответа на этот и другие вопросы. А о том, что предшествовало встрече в зале перед винными погребками, он вообще предпочитал не думать. Он чувствовал, что, если впустит в себя снова весь этот ужас, он уже никогда и никуда не сможет пойти, потому что разорвется его сердце.

Когда он вышел из зева одной из многочисленных пещер восточного склона, то сразу увидел двух людей, сидевших на камнях, на берегу озера. По-видимому, это были те самые люди, которые ожидали Меша и о которых сказал ему князь. До них было метров триста, но Меш сразу же узнал обоих. Это были мужчина и женщина, которых он видел сегодня ночью в кабинете князя.

Не зная, что ему теперь делать, Меш остановился, переминаясь с ноги на ногу, и в этот момент женщина оглянулась и посмотрела на него. Она что-то сказала своему спутнику на неизвестном Мешу языке, и теперь обернулся к Мешу и он. Под их взглядами Меш и вовсе почувствовал себя неловко, осознав вдруг, как он выглядит. Но ему не хотелось показывать этим людям ни своей растерянности, ни своего непонимания положения, в котором он неожиданно оказался, и поэтому он, не задерживаясь более, пошел по направлению к ним. Он шел неторопливо, ощущая на лице коросту засохшей крови; чувствуя теперь то, что, казалось, не чувствовал все эти часы: ноющую и колющую боль многочисленных порезов, неглубоких ран, ссадин и синяков. У него не оказалось ни одной серьезной раны, но весь он был в крови, своей и чужой. Одежда его была изодрана, и он, в сущности, был одет в заскорузлые от грязи и засохшей крови лохмотья. Чувствуя все это и ощущая на себе внимательные взгляды незнакомцев, он мог только стараться не уронить свою честь, то есть не показать им, насколько он растерян.

Чужаки все так же стояли у обреза воды и молча смотрели на Меша. Оба они оказались ниже Меша, но ненамного. Оба были высокие, поджарые, мускулистые и, как он понял еще ночью, смертельно опасные. Сейчас он видел, что эти двое были очень сильными бойцами. Пожалуй, в замке теперь, когда из него ушел Меш, не найдется никого, кто смог бы сразиться с ними на равных. И оба были уродливы, как горные духи.

Мужчина, нарочито окинув Меша ироничным взглядом внимательных голубых глаз, присвистнул и, усмехнувшись, сказал:

– Экий ты, парень, здоровый! Но жирок придется скинуть, а то не мужик, а сплошное свинство какое-то.

Мужчина говорил на кавар вайра, но Меш понял, что сейчас говорит не второе, а первое, настоящее лицо, родное для этого странного человека. И говорит оно на совсем другом языке. Что бы ни услышал Меш на кавар вайра, слова мужчины в их истинном значении, не произнесенные, но ощущаемые за привычными уху Меша звуками, существующие в своей природной стихии чужого Мешу языка, не несли смертельного оскорбления и никакого оскорбления вообще.

Меш рыкнул и поклонился.

– О как! – сразу же откликнулся мужчина. – Ты прав, я был невежлив. Прости. Меня зовут Виктор, а ты принц Меш-са-ойр. Очень приятно.

Мужчина поклонился.

– Разрешите, принц, я представлю вас моей спутнице. Дорогая, – мужчина повернулся к женщине и картинно взмахнул рукой в направлении Меша, – его высочество принц Меш-са-ойр. Принц, разрешите представить вам даму Йя.

Женщина улыбнулась и кивнула Мешу. А Меш, уже некоторое время стоявший перед ними, все это время мучительно пытался понять, что же на самом деле не так с этой женщиной, которая буквально напугала его нынешней ночью. И чем больше он пытался, тем меньше понимал. У нее все было намного сложнее, чем у мужчины. Ее второе лицо было много более органичным для нее, чем для ее спутника. Оно было почти родным, но за ним виделось и другое лицо, которое, однако, не воспринималось Мешем как истинное лицо этой женщины. И еще что-то то ли мерещилось ему, то ли и в самом деле ощущалось им на грани воспринимаемого; что-то там, за первым лицом. Третье лицо? Ее истинное лицо под двумя ложными лицами? Он не мог ничего сказать наверняка. Но главным было не это, а совсем другое. Женщина изучала Меша тем же способом, которым изучал ее Меш. И оба они знали о том, что

делает другой. Она знала, что он ее изучает и знает, что она изучает его, и знала о том, что он об этом знает. Это было невероятно, но это было, и у Меша имелся только один ответ на вопрос, как это возможно. Так могли проникать в суть вещей колдуньи Сойж Ка. А ведь было и еще кое-что, то, что напугало его при их первой встрече. Материнский запах. Запах его матери. Не то чтобы именно ее запах, но общие свойства, несомненное родство двух запахов, которые не могли совпасть даже случайно.

– Ну хватит в гляделки играть, – снова заговорил мужчина, прятая за видимым раздражением ироничную улыбку. – Идемте, принц, нас ждут великие дела!

И Виктор взмахнул рукой в сторону озера, как бы призывая Меша, который в это время беспомощно барахтался в словах Виктора, посмотреть на что-то интересное. Меш произвольно проследил за его рукой и увидел, как вздымаются воды озера и из них поднимается к небу, взмывает в воздух округлое мощное тело серебристо-серого цвета. Такого Меш не видел никогда, даже представить себе не мог. Впрочем, явление из глубин озера этого чуда не напугало его. Страх умер прошедшей ночью. Но, с другой стороны, это было чем-то выходящим за рамки понимания. Серебристое тело поднялось над водой – оно было не живым, как зверь, но и не мертвым, как камень, – и медленно и бесшумно поплыло в воздухе в их сторону.

– Это... – Виктор явно затруднялся найти подходящие слова, чтобы объяснить Мешу природу необычной вещи. Вещи – понял Меш. Это была именно вещь. Вещь, созданная руками человека, но вещь «живая», исполненная странной неживой жизни, действующая, чувствующая, возможно, даже мыслящая.

– Это... – сказал Виктор, – воздушная лодка.

«Нет, – понял Меш. – Не так. Не воздушная, хотя сейчас она и летит по воздуху».

– Мы возьмем тебя с собой, – сказала дама Йя. – Туда. – Она взмахнула рукой, указывая на небо. – Мы не боги, Меш.

Они не боги. В этом Меш не сомневался. И не демоны. «Она говорит не о небе», – понял он. Она говорила о великой пустоте. Вот о чем она говорила. Она говорила о звездах, которые суть такие же солнца, как и то, что встает сейчас над землей Вайяр. Она говорила о планетах, холодных звездах, которые суть такие же земли, как земля Вайяр. Она говорила о том, что они возьмут Меша за человеческий предел.

– Гхм, – сказал Меш, и женщина удивленно подняла бровь.

– Ты читал В'Зояжа? – спросила она.

– Гхм, – кивнул ей Меш.

– И, конечно, Ф'Свайша, – сказал Виктор удовлетворенно.

– Гхм, – прохрипел в ответ Меш.

– Вот, дама Виктория, парадокс средневекового бытия, – усмехнулся Виктор. – Просто эпическая драма с не менее эпической комедией. Принц той'йтши, разбирающийся в небесной механике!

Меш не понял ни одного слова – Виктор говорил на своем чуждом слуху Меша языке – кроме слова той'йтши. Так называли людей Вайяр небесные герои, те, кто вершил волю богов на земле Вайяр, спускаясь изредка из горних чертогов, построенных в незапамятные времена его, Меша, предками – королями Но. Но эти люди – Виктор и Йя не были ни новыми героями, ни королями Но. Однако они были – кем бы они ни были – теми людьми, с которыми ему будет интересно. Это Меш понимал теперь совершенно определенно.

Глава 9. В овечьей шкуре

– Да, – сказал он.

– Нет, – ответил он.

– В самом деле? – спросил он.

– Даже так! – удивился он.

Вот и все, что сказал Йёю за прошедшие полчаса. Но время не прошло даром. Нет. Все это время он с удовольствием завтракал, отвлекаясь от освященного законом и традицией таинства, только на краткие мгновения, необходимые, чтобы подать реплики, обозначающие связность разговора. Было бы невежливо заставлять посетителя произносить монолог. Однако и прерывать трапезу Йёю не был намерен.

Трактир был маленький, без претензий, но едва ли во всей провинции сыскалось бы другое заведение, где так хорошо готовят аханский салат. Увы, искусство традиционной аханской кулинарии постепенно утрачивается. Люди меняются. Теперь у них слишком короткое дыхание и глаза на затылке. Они нетерпеливы. Они торопятся. Они больше не хотят восемнадцать дней вымачивать мясо меченого козла в семи предписанных древней рецептурой маринадах, первый из которых включает в себя не менее двенадцати компонентов первого ряда, а каждый последующий на один или два компонента больше, в зависимости от того, четный или же нечетный у него, маринада, номер. Но если все-таки за дело берется мастер, располагающий длинным выдохом и всеми потребными для дела ингредиентами, то на стол подается такое вот кулинарное чудо, способное изумить и впечатлить любого, кого хотя бы краем коснулось истинно аханское образование.

Йёю подобрал последний кусочек мяса – это был дикий гусь, тушенный с травами с альпийских лугов Цук Ёрстр, мускатной дыней и хлебом из муки грубого помола, – обмакнул кусочек лепешки в густой кремового цвета соус и положил все это в рот. Теперь ему потребовалось время, чтобы все это прожевать, а затем запить холодной родниковой водой. И еще двадцать секунд ушло на то, чтобы сделать глоток «Ледяного Пламени», самой крепкой и самой ароматной водки в империи.

Все это время посетитель, давно закончивший свою часть диалога, молча стоял перед Йёю, следуя правилам этикета и дворянской чести.

«Да, мой мальчик, у тебя есть честь, – думал Йёю, рассматривая в полированном серебре вазы для цветов отражение молодого мужчины. – У тебя есть чувство этикета. Вот только ты ходишь спиной вперед. И это уже непоправимо. Увы».

– Я, милостивый государь, дуэлей не люблю. – Йёю промокнул губы салфеткой и поднял на мертвого человека свои добрые голубые глаза. Одарив его отеческим взглядом, Йёю взял со стола трубку с длинным чубуком, заботливо приготовленную слугой, и неторопливо раскурил ее, для паузы и напоминания собеседнику, кто, собственно, беседует с ним сейчас. – Но, если вы настаиваете, не смею пускать стрелу впереди вашей.

– Сегодня, – сказал он, бросив беглый взгляд на электронную проекцию в простенке между высокими окнами. – Через два часа. То есть ровно в полдень. Не смею вас больше задерживать, мой добрый господин. До встречи! – И Йёю обернулся к слуге, ожидавшему за его левым плечом.

– Кофе готов?

Слуга молча склонил голову.

– Подавай. И вот что! Принеси-ка мне еще рюмочку «Ледяного Пламени».

Он не испытывал ничего, кроме легкого раздражения. В принципе вся эта история яйца выеденного не стоила. Обычная провинциальная фанаберия. Великие боги, что такого случилось, чтобы вызывать его на дуэль? Писатель – отметим особо знаменитый писатель – написал книгу. Так пошлите ему виноградные гроздья или вино из розовых лепестков. Ан нет. Читатели – положим, не все, а только некоторые – углядели в книге намек. Якобы Йёю вывел под именем одного из второстепенных персонажей не кого-нибудь, а самого предводителя провинциального дворянства. Уроды! Радоваться надо. Ноги писателю целовать за такое счастье: в историю ведь вошел. Но не таковы провинциальные нравы, не таковы местные патриции. И вот уже сын означенного предводителя – было бы кем предводительствовать в этом захолустье – приходит

к нему, Йёю, с формальным вызовом. Конечно, такое иногда встречается и в Столице, но столичные игроки в Жизнь никогда не стали бы вызывать на поединок по такому пустяковому поводу. Во всяком случае, его, Йёю, не стали бы. Жизнь слишком ценная вещь, чтобы платить ею за надуманные обиды третьего ряда.

За кофе – он был выше всех похвал – и двумя рюмками водки он просидел еще полчаса. Затем он вздремнул немного на тихой тенистой веранде, куда его проводил хозяин трактира. Проснулся посвежевшим, умылся у ручья и направился к Дуэльному Полю. Идти было недалеко, и он не стал брать рикшу или вызывать флаер. Пешком было даже лучше. Кровь разойдется, да и мысли очистятся. Он даже избрал более длинную дорогу, но зато она вела через светлую, наполненную солнцем и душистым воздухом, прозрачную до невероятности березовую рощу. Постоял у маленького пруда, слушая птичьи разговоры в ветвях деревьев и любуясь кувшинками, о каждой из которых стоило бы написать сонет. Но не сейчас. Сейчас ему следовало поторопиться. На поединки не опаздывают.

В амфитеатре уже не было свободных мест, и Йёю только покачал головой – естественно, только мысленно, – в очередной раз поражаясь людской жажде зрелищ. Казалось бы, ну на что здесь смотреть? Поединок есть частное дело двоих. Но вот ведь – аншлаг!

Он не торопясь прошел в раздевалку и сбросил одежду. Затем соорудил из шейного платка набедренную повязку, чтобы член не мотался во время боя, и вышел на арену. Его поединщик уже был здесь. Стоял в центре выложенного полированным буком поля, с виду спокойный, но на самом деле предельно напряженный.

Йёю вышел к центру круга, поднял руку, приветствуя зрителей, и повернулся вокруг себя, даря всем собравшимся свою добрую улыбку и обводя взглядом уходящие вверх ряды кресел. Он уже почти закончил поворот, когда наткнулся на взгляд спокойных и ироничных серых глаз. Дело было даже не в том, что это был единственный здесь человек, не испытывавший ровным счетом никакого энтузиазма и особого интереса к предстоящей схватке – он просто заранее знал результат, – дело было в том, что это был человек, которого Йёю менее всего теперь ожидал увидеть здесь.

«Таких совпадений не бывает, – сказал он себе, поворачиваясь лицом к своему визави и кланяясь ему с подобающей вежливостью. – Мертвые не возвращаются».

«Конечно, – думал он спустя секунду, блокировав оба «молниеносных» выпада молодого игрока. – Порой колода крови тасуется самым причудливым образом, а у Ё наверняка было немало детей по всей империи, но эти глаза...»

«О нет, – сказал он себе. – Дело не в глазах! – Он разрушил довольно красивую песню, которую запел было его противник, и снова на семь тактов ушел в глухую оборону. – Дело не в глазах. Дело во взгляде! Песнь крови может быть сильна как угодно, но такой взгляд не передается по наследству».

Он мимолетно пересекся взглядами с призраком его светлости Ё и прочел в его взгляде просьбу не затягивать. «И в самом деле, – подумал он. – Что-то я загляделся на воду. А смысл? Танец средний, и песня грустная».

Упав на руки, он взметнул свое тело вверх и пропел двенадцатый куплет «Песни Расставания». Скрестившиеся было ноги молниеносно разошлись в стороны и нанесли асинхронный удар с паузой в одну четверть такта. Левая нога достала противника. Носок ноги Йёю коснулся виска молодого мужчины, и тот умер. Все!

Йёю перетек на ноги и, поклонившись на четыре стороны, пошел обратно в раздевалку. Электронное табло подтвердило его внутреннее ощущение времени. Поединок продолжался одну минуту и тридцать две секунды с десятками. Совсем неплохо для его возраста.

– Bravo! – Встретивший его у выхода с Дуэльного Поля мужчина был на две пяди выше Йёю и возмутительно молод.

– Bravo! – сказал призрак господина Ё и почесал нос в знак восхищения.

– Вы мне льстите, – вежливо улыбнулся Йёю, рассматривая тем временем спутницу «покойного». Женщина – рыжеволосая и зеленоглазая статная красавица – остановилась за правым плечом мужчины и ответно изучала Йёю.

– Девушка, конечно, не продается, – сказал Йёю, даже не обозначив вопросительной интонации.

– Естественно, – подтвердил человек, как две капли воды похожий на его светлость среднего Ё. Впрочем, теперь, вероятно, старшего.

– Могу я пригласить вас отобедать со мной? – Он очень тщательно выстроил вопрос и был за это вознагражден ответами сразу на все вопросы, которые подразумевались, но не были высказаны.

– Можете, – ответил его неожиданный собеседник. – Я не государственный преступник, не враг Короны и не нахожусь в розыске. Так что, вы можете пригласить нас в свой дом. Дорогая, – говоривший обернулся к женщине, – господин герцог приглашает нас на обед. Если ничего не изменилось, а я не имею повода думать иначе, нас ожидают праздник истинно аханского гостеприимства и беседа с одним из наиболее блестящих умов империи.

Он был, как всегда, великолепен, давно покойный господин Ё.

– Разумеется, мы принимаем приглашение и улыбаемся восходу. – Она была полна холодной вежливости, но абсолютно не владела интонациями своей речи. «Кто же ты такая, моя прелесть? Очень интересно», – подумал Йёю, склоняя между тем голову в знак искренней благодарности и жестом приглашая собеседников следовать за собой.

Его флаер подобрал их ровно через минуту, спланировав прямо к их ногам на газон перед Дуэльным Полем. Флаер был дорогой, но старомодный. Что тут подделаешь? Не в его возрасте менять свои вкусы. Йёю посмотрел со скрытой завистью на Ё, севшего справа от него. Если память ему не изменяет – а сомневаться в своей памяти у Йёю еще не было причины ни разу, – Ё совершенно не изменился. «Как ему это удалось? И как он это объяснит? – подумал он, мысленно перенося свой взгляд на спутницу великолепного господина Ё, севшую сзади. – Интересно, где рождаются такие красавицы?» После катастрофы на Сцлогхжу³⁷ такой тип стал в империи большой редкостью. Но, возможно, за ее пределами...

Флаер заложил плавный вираж и развернулся в сторону дельты Серебряной. Вскоре в поле зрения появились постройки его усадьбы, широко раскинувшейся на растопыренных пальцах протоков и речушек Левого Пяди. Йёю боготворил проточную воду и любил прохладный влажный воздух речных низин.

– Так я умер? – как бы продолжая начатый ранее разговор, спросил Ё, поднимаясь во весь свой немалый рост и перешагивая через борт замершего перед парадным крыльцом флаера.

– Непременно! – Йёю подал руку даме, и она ее *приняла*, как нечто само собой разумеющееся. «Забавно», – отметил про себя Йёю.

– Представляешь, дорогая? – Оживший господин Ё лучился здоровьем и оптимизмом.

– Какой ужас! – без выражения сказала женщина. – Мне позволено будет задать вопрос?

– Естественно. Ведь, вы *моя гостья*!

– И как же умер мой Ё?

«Твой? – восхитился Йёю. – Сильный ход».

– Яхта *его светлости*, – Йёю постарался максимально отчетливо обозначить титулование ее Ё, – взорвалась в атмосфере Фейтша. По всей вероятности, произошла десинхронизация полей главного регистра. Впрочем, за давностью лет я могу и напутать.

– И что же? – Эта женщина говорила, как варвар, но нельзя было не отметить некое странное очарование ее речи и ее красоту, которые смягчали впечатление грубости, которое в другом случае могло привести к серьезному конфликту.

³⁷ Сцлогхжу – коронная провинция Аханской империи и одноименная планета.

– И что же? – спросила женщина.

– Как вы, вероятно, догадываетесь, ровным счетом ничего, – печально ответил ей Йёю. – Ни пылинки, ни соринки. Абсолютно ничего. Его светлость господин Ё и его спутники исчезли, превратившись в облачко пара, развеянного ветром. Империя понесла тяжелую утрату. Я вам об этом уже говорил? Нет? Сам император изволил почтить поминальную церемонию пятого дня в храме Айна-Ши-На. Прошу вас!

Дом господина Йёю был построен в традиционной манере. Если бы неким чудесным образом сюда и в сегодня попал кто-нибудь из его великих предков, живших в предгорьях Пурпурных гор, на Тхолане, предок не нашел бы ни одного изъяна в безупречно соблюденном каноне. Каменная кладка предписанного типа, нечетное число мощных брусьев, на которых лежит каноническая крыша малой кривизны. Естественно, никаких вторых этажей, новомодных высоких башенок и прочих изысков. Имение расплзлось в ширину, а не росло в высоту. Ну и конечно, только дикий камень, живые деревья, кованный металл и благородное армированное стекло. Как и пятьсот лет назад или как тысячу лет назад.

Перед ними распахнулись двери, и склонившийся до земли привратный раб распустил туго скрученный рулон ковровой дорожки. Серая с синим шерстяная дорога легла им под ноги, выводя к гостевому кругу на возвышении вокруг малого очага.

– Прошло семьдесят лет, – невозмутимо сказал Ё, вступая на ковер.

– Вот именно, ваша светлость. Вот именно, – улыбнулся Йёю, присоединяясь к гостям. – Прошло семьдесят лет, и вы пришли меня навестить. Это очень трогательно.

– Я знал, что вам понравится. – Ё уселся в одно из кресел и протянул свои длинные ноги к огню, горевшему в круглой чаше малого очага.

– И все-таки где же вы были? Ведь где-то же вы были все эти годы? И что случилось с остальными? По данным полиции с вами находились светлая госпожа младшая Йя и господин полковник Вараба...

– Они живы и здоровы, хвала богам! – Ё достал из кармана своей лиловой куртки крошечную трубочку с коротким мундштуком и, приняв огонь от столового раба, закурил. – Мы попали в ловушку. Честно говоря, я совершенно не помню, каким ветром нас занесло на Фейтш. Ума не приложу, что нам там могло понадобиться, но факт, что именно в Медных горах мы и проснулись.

– Стазис? – заинтересовался Йёю, тоже закуривая.

– Да, – подтвердил Ё. – Стазисное поле. Стандартная ловушка.

– Интересно, – задумчиво произнес Йёю и подозвал слугу. – Вино или, может быть, что-нибудь покрепче? Могу предложить «Ледяное Пламя» или «Синие Снега»...

– «Пламя», с вашего позволения, – улыбнулся Ё. – А ты, дорогая?

– Пусть будет «Пламя», – согласилась женщина.

– Ваш недоброжелатель, естественно, не оставил никаких следов... – Йёю взял с поданного слугой подноса низкую широкую чашечку из старого серебра и с наслаждением, граничившим с вожделением, втянул носом тонкий, насыщенный аромат напитка.

– Вы правы, господин Йёю. – Теперь и Ё вдыхал запах снежных гор. – К тому же прошло семьдесят лет. Дожди, ветра... Ну, вы понимаете. Более того, я был бы искренне удивлен, найдись такие следы. Другое дело временной аспект. Вот что удивляет меня по-настоящему. Почему нас не выпустили раньше? Или почему нас просто не убили?

– А вопрос, почему вас выпустили именно сейчас, вас не занимает? – Йёю следил за тем, как пьет «Ледяное Пламя» рыжеволосая красавица. Она пила напиток ровными глотками. Но его поразило не только это.

– Нет. – На заданный им вопрос ответила именно она. – Тут как раз все понятно. В ловушке сели батареи.

– Батареи? – Йёю снова был удивлен.

– Да, – подтвердила она, глядя прямо на него. – Горный обвал разрушил солнечный коллектор, а горючее в реакторе закончилось еще лет двадцать назад.

– Вы изучали ловушку, – понял Йёю.

– Да, мой добрый господин. – Женщина улыбнулась. – Поскольку я провела все эти годы в ловушке, то, выйдя из нее, я имела возможность, естественно, вместе с остальными, изучить положение дел на месте.

– Вот как! – сказал Йёю потрясение. – Могу я узнать ваше имя, сударыня?

– Можете. – Женщина не удивилась вопросу. – Меня зовут Ай Гель Нор. Для вас просто Нор.

– Я должен был догадаться, графиня, – сказал Йёю, вставая и наклоняя голову в знак примирительного извинения. – Рыжие волосы и зеленые глаза... Но это случилось так давно... Я просто не мог представить себе... Примите мои извинения, госпожа Нор, и искренние соболезнования. Это была настоящая трагедия.

«Интересно, – подумал он, садясь в кресло. – Где же все-таки еще, кроме Сцлогхжу, рождаются женщины с глазами цвета глубоких вод и волосами цвета меда с вином? Об этом Ё мне, конечно, не расскажет. Во всяком случае, пока».

– Итак, – сказал он, возвращаясь к теме беседы, – перед нами крайне интересная задача, которая на первый взгляд не имеет решения за давностью лет и за скудостью наличной информации. Позволю себе, однако предположить, что проблема решаема. – Он отметил поднявшуюся левую бровь господина Ё, обозначившую неподдельное удивление – «Вы удивлены, мой старый друг? Это обнадеживает» – и пристальный интерес графини, заставивший потемнеть ее прекрасные глаза. – Ситуация представляется мне следующим образом. Тот, кто подстроил вам ловушку, имел целью или отомстить кому-то из вас, или вывести из игры на какое-то время. Прецеденты имеются. Мне кажется, я смогу припомнить не менее семи случаев за последние триста лет. Впрочем, если хотите, заглянем после обеда в мой вычислитель и проверим. Важно, однако, другое. Ваш недоброжелатель человек чести или эстет. В обоих случаях стазис предпочтительнее убийства. Добиться своей цели, не пролив крови противника, и насладиться результатом, отразившимся в глазах жертвы... Мне кажется, в этом что-то есть, не правда ли?

– Пожалуй, – согласился Ё, а светлая госпожа Нор, допив свою водку, откинулась на спинку кресла и замерла, демонстрируя умеренный интерес к рассуждениям Йёю.

– Отлично. – Йёю чувствовал, как вдохновение заставляет его кровь течь быстрее. Это было сродни страсти, неожиданно охватывающей любого мужчину, стоит ему оказаться наедине с обнаженной девушкой, даже если еще минуту назад он и не помышлял о плотских утехах. – Идем дальше. Наш злонамеренный некто достаточно богат и достаточно могуществен, чтобы достать ловушку и заплатить за нее, скрыв, – а это не так уж просто – все улики. И еще одну вещь мы знаем о нем наверняка. Наш инкогнито не боится связаться с Жирными Котами, ведь тайное при стечении определенных обстоятельств может стать явным. Следовательно, – Йёю кивнул слугам, разрешая подавать первую перемену блюд, и те неслышно заскользили между собеседниками, устанавливая легкие столики, предлагая влажные полотенца, разогретые на винном пару, демонстрируя им блюда и напитки, – следовательно, искомый некто и сам принадлежит к Жирным Котам или же он особа, близкая к императору. Конечно, всегда есть и другие игроки, но они, скорее всего, действительно предпочли бы стазису смерть.

– Должен заметить, что до этого пункта мы прошли с вами, господин Йёю, одной и той же тропой. Мои недоумения начинаются именно в этом месте. – Ё выбрал себе улиток, запеченных в виноградном жмыхе.

«Неплохой вкус», – отметил Йёю мимолетно. Сейчас у него не было ни времени, ни сил на пустяки. Он творил. «Я лучший версификатор в империи, господа! И это не похвальба, а

факт новейшей истории». – Йёю знал себе цену. Впрочем, его светлость Ё тоже знал эту цену, иначе бы не пришел.

– Посмотрим, посмотрим. Возможно, мне удастся вас удивить, мой добрый господин Ё! – сказал он. – Что же у нас получается? А получается, что полковник Вараба может быть исключен из наших построений, как цель диверсии. Собственно, и вы, госпожа, тоже. – Он поклонился графине. – Это не его уровень и не ваш стиль – я имею в виду гегх – не правда ли?

– Да, – согласилась женщина после секундной паузы. – Мои враги выбрали бы меч или кинжал.

– Ну вот! Значит, остаетесь вы, господин Ё, и наша лучезарная младшая Йя. О младшей Йя мне сказать нечего. Она занимала в иерархии кланов слишком низкое положение, чтобы теперь, спустя семьдесят лет, и не проводя кропотливого исследования, высказать хотя бы самые общие соображения на ее счет. Но вот вы... – Йёю, наконец, обратил внимание на то, что совершенно не ест. «Я старею», – подумал он с мимолетной грустью и заставил себя проглотить кусочек какого-то блюда. – Да, вы, господин Ё, совсем другое дело. И тут я с легкостью могу предложить несколько гипотез, но наиболее интересной представляется мне одна.

– Вот как! – сказал Ё, не отвлекаясь, впрочем, от процесса поглощения пищи.

– Именно так, – подтвердил Йёю. – Давайте вернемся к моменту вашей преждевременной смерти.

Йёю взял немного паштета из маринованного осьминога, усилием воли заставил себя ощутить весь положенный спектр вкусовых ощущений, тщательно прожевал и проглотил. Слова рвались на волю, но именно поэтому он приказал себе не спешить, и для того, чтоб продлить паузу, сделал крохотный глоток белого вина. Теоретически местные виноградники не идут ни в какое сравнение с виноградниками южных склонов главного водораздела. Практически же вина, произведенные на верхнем плато, ничуть не хуже столичных. Надо только уметь их оценить.

– Итак, вернемся к моменту вашей смерти, господин Ё. Вам это, конечно, неизвестно, но почти ровно через пять месяцев после того, как «Единорог» взорвался в атмосфере Фейтша, умер Первый Ё.

– Первый умер? – О том, что Ё может этого не знать, Йёю догадывался.

– Да, – подтвердил он.

– И какова же причина его смерти?

«Он знает! – понял Йёю. – Он знает о болезни Первого».

– Генный антагонизм, – сказал он с печалью в голосе.

– Великие боги! Но он не мог об этом не знать. – Ё позволил слуге убрать пустую тарелку и кивнул в знак согласия на предложение отведать тушеной кабанятины.

– Естественно, что он знал и тщательно скрывал этот факт ото всех. Ведь вы понимаете?

– Конечно, я понимаю.

– Но ведь кто-нибудь мог узнать секрет Первого, не так ли?

– Такая вероятность существует всегда. – Ё продолжал есть с завидным аппетитом. Ну да, такому большому человеку требуется много пищи. А вот графиня Нор ела мало: съела немного отварной рыбы, а теперь и вовсе перешла на орешки. Но вот белому вину она уделяла должное внимание.

– Допустим, – сказал, наконец, Ё, справившись как минимум с третью поданного ему мяса. – Но закон четко определяет порядок наследования. Первому наследовал мой дядя, старший Ё – сенатор.

– Вы совершенно правы, дорогой господин Ё. Его и утвердила палата наблюдателей, но, к несчастью, ваш дядя даже не успел сложить с себя сенаторских полномочий. Спустя полтора месяца он был убит в поединке, инициированном сенатором Йи.

– Уже интересно. – Ё усмехнулся. – Не томите, Йёю, кто-нибудь из моей семьи уцелел?

– Успокойтесь, Ё. Все живы и здоровы. Еще один труп, и мы у цели нашего повествования.

– Я терпелив, как болотная свинья, герцог.

– Со смертью сенатора первенство перешло к вашему двоюродному брату.

– Вы имеете в виду Айе?

– Да, Айе. Надо сказать, ваш брат был очень ловким человеком, ваша светлость. Ему удалось создать весьма неординарную династическую ситуацию. Можно сказать, что тогда в Тхолане разыгралась настоящая династическая драма. Айе женился на вашей первой сестре, а ваша вторая сестра неожиданно объявила о выходе из династической игры и об обете безбрачия. Таким образом, Айе отбросил сразу две мешавшие ему буквы и стал Первым Ё, а не временным повелителем, как предписывает закон. Если добавить к этому, что сенатор Йи, являвшийся одним из лучших танцоров того времени, был одновременно и любовником вашего брата, то...

– Вывод напрашивается сам собой, – мрачно закончил Ё. – Но я все равно не понимаю, почему он нас, в таком случае, не выпустил через год или два. Игра-то была сделана. И мне оставалось бы только стучать себя по лбу.

– А он умер.

– Что? И он тоже?

– Да. У него была та же болезнь, что и у Первого Ё, – жизнерадостно закончил Йёю. – Он лечился у тех же врачей и мог случайно или не случайно, это уж как вы решите, узнать о болезни Первого. А выпустить вас он мог просто не успеть. Кризис наступил неожиданно. Впрочем, произвести потомство он успел. Так что у вас, дорогой господин мой Ё, есть племянник. Он-то как раз и есть нынешний Первый Ё.

– Н-да... а ведь похоже, что все так и произошло. Вы, как всегда, блистательны, господин Йёю, и я искренне сожалею, – Ё усмехнулся и скрестил кисти рук в знак глубокого сожаления, – что был лишен вашего общества целых семьдесят лет. Дорогая, я же говорил тебе, что его светлость герцог Йёю лучший беллетрист современности! Надеюсь, ты вполне оценила импровизацию гения.

Когда обед, затянувшийся до поздних сумерек, наконец завершился – семь перемен блюд и три вида сродственных изысканным кушаньям напитков, – Йёю предложил гостям на выбор послушать музыку или подышать воздухом вечерней реки, если они, конечно, не торопятся. Он вежливо улыбнулся графине и перевел взгляд на господина Ё. Их глаза встретились на одно краткое мгновение. И вот уже Ё заботливо спрашивал у своей медововолосой Нор, не будет ли ей холодно на речном ветру, и если да, то не стоит ли, в таком случае, выбрать музыку. Ведь музыкой можно наслаждаться и около разоженного очага. Графиня раздумывала недолго и решила, что возвращаться в гостиницу еще рано, а такая редкая возможность, как провести хотя бы и полчаса на реке под луной, вряд ли представится им в ближайшее время. К тому же вечер теплый, а пара глотков «Ледяного Пламени» помогут сделать его еще теплее.

Йёю выслушал ее с подобающей вежливостью и тут же приказал слугам подать все необходимое на «остров». Затем они вышли на веранду, нависавшую прямо над речными струями, спустились по деревянным ступеням к самой воде и по узким мосткам перешли на «остров». Помост из гладко оструганных досок, именуемый «островом», лишь на считанные сантиметры возвышался над водой, располагаясь при этом почти посередине неширокой реки. Слуги, опередившие Йёю и его гостей, уже успели расставить на «острове» низкие кресла и столики из полированного черного дерева и заканчивали сервировать «вечерний разговор при луне». На столиках стремительно появлялись низкие чашечки для водки – на этот раз не серебряные, а фарфоровые – вазочки с орехами и засахаренными фруктами, высокие узкие графины с родниковой водой и толстостенные бокалы для нее же. Ближний раб, последним из слуг остававшийся на «острове», когда все уже расселись в своих креслах, низко поклонился Йёю и спро-

сил, не следует ли принести подушки и пледы. Взглянув на гостей, Йёю отрицательно покачал головой, и раб исчез.

– Почему вы пришли ко мне? – спросил Йёю, когда раб ушел.

Ё посмотрел ему прямо в глаза, улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

– А к кому мне было еще идти?

– Тоже верно, – согласился с ним Йёю, отпивая из водочной чашечки. – Ну что ж, тогда будьте любезны сформулировать цель вашего визита. – Он секунду помолчал и добавил: – «Остров» не прослушивается. Сейчас. Локальная флуктуация магнитного поля. Здесь это случается. Иногда. У нас есть пятнадцать минут.

– Сотрудничество, – сразу же сказал Ё.

– Не вижу стимула. Пока.

– Месть?

– Месть... – Йёю как будто попробовал это слово на вкус. – Да, месть достойное чувство.

И сильный стимул. Но я не авантюрист, Ё. Я не люблю, знаете ли, безнадежных предприятий.

– У меня имеются некоторые ресурсы, которые при благоприятных обстоятельствах могут быть умножены. – Ё не хотел ставить свечу себе на нос.

– Чья это операция? – Йёю достал трубку и стал ее раскуривать.

– Давайте сформулируем так, – начал Ё медленно. – Это операция группы частных лиц, имеющих ряд совпадающих целей и мотивы для объединения усилий.

– Недурно. – Йёю наконец раскурил свою трубку и выпустил облачко душистого дыма. – Недурно. И какой же долей акций я буду располагать в создаваемом нами предприятии?

– Я предлагаю вам, герцог, равное партнерство, – сказал Ё, глядя прямо в глаза Йёю. – Партнеров пятеро, включая присутствующих. Но возможность присоединения к договору дополнительных лиц – не превышающая, однако, числа пять, – предусматривается условиями контракта.

– Звучит заманчиво, – кивнул Йёю. – Мой вклад?

– Все мы вкладываем все, что имеем, – ответил Ё. – Впрочем, доверяй, но проверяй, не так ли? Я не требую, чтобы вы раскрыли передо мной свой кошелек на всю глубину. Давайте строить мост доверия постепенно. Шаг за шагом. Согласны?

– Согласен. И так?

– Для начала я хотел бы услышать вашу оценку ситуации. Что на самом деле произошло в Тхолане? И еще мне нужен хороший, но, главное, надежный оператор Черных Камней. Без возврата. – Он улыбнулся.

– Я дам вам оператора, – ответно улыбнулся Йёю.

«Интересно было бы узнать, зачем ему понадобился оператор, – подумал Йёю, глядя на собеседника. – Но ведь он не скажет. Главное, однако, Ё сказал – у него есть Черные Камни. С такими дарами не стыдно прийти даже в день коронации».

– Теперь о ситуации. – Йёю пыхнул дымом из трубки. – Я подарю вам на прощание кувшинчик «Ледяного Пламени». Носитель в днище, шифр в цветах для графини. Помните, как работать со спектром запахов?

– Помню.

– Отлично. Там будут все подробности о перевороте и операторе. Но главное я успею сказать вам прямо сейчас. Я ничего не понимаю. Все не так, и все же так оно и есть. Восстали гвардейские полки. Все, сразу и без колебаний. Никаких симптомов. Никто ничего не знал. И первыми погибли их собственная контрразведка и агенты армейской разведки. Я до сих пор так и не понял, как это возможно, но это случилось. Император был отравлен. Яд в питье. Как такое стало возможным? Где были охрана, детекторы, преданные слуги? Не знаю. Первый удар был нанесен по Легиону. Сразу, с ходу. Всеми силами и по всем направлениям. Даже я не представлял всех ваших возможностей. А они знали. Откуда? Не понимаю. Гвардию поддер-

жали монахи Черной Горы. Почему? Какая между ними связь? Ну, допустим, тут кое-что было. Но откуда такое рвение? Флот не вмешивался. На помощь к Легиону бросилась только восемнадцатая эскадра. Почему? Их перехватили силы флота метрополии и уничтожили. Пленных не брали. Пленных вообще не брали. Во дворце вырезали три четверти персонала и многих придворных. Легион – всех. Политическая полиция, военная контрразведка, разведка флота, императорский Черный Кабинет – всех. Вы такое представляете? Я – нет. Прошлись частым гребнем... и все закончилось в один день.

– А вы? – осторожно спросил Ё.

– А меня не вычислили. Кстати, не только меня. Уцелело еще несколько человек. Меня отправили в ссылку. Сюда.

– Просто не верится, – сказал Ё.

– Мне тоже, – грустно ответил Йёю.

... гости ушли – Йёю отправил их на своем флаере – а сам еще минут десять стоял на веранде, любуясь лунными дорожками на струящейся мимо него воде и думая о разном. Затем он прошел во внутренние покои. Тока ждала его у входа в кабинет. Она сидела на корточках и следила за ленивым скольжением раскормленных рыб в большом круглом аквариуме, стоявшем у широкого низкого окна. Она встала ему навстречу, и Йёю привычно погладил ее по черным шелковистым волосам. Рука его скользнула по ее скуле, щеке, опустилась ниже, достигла тонкого плеча, где задержалась на мгновение, расстегивая закладку. Они вошли в кабинет под шелест спадающего с нее платья.

– Вычислитель, запись, – сказал Йёю, глядя, как Тока перешагивает через упавшее на лакированные доски бирюзовое платье.

– Сегодня, – начал он диктовать, одновременно лаская кончиками пальцев соски на полной груди рабыни, – я встретил считавшегося погибшим среднего Ё и пригласил его на обед. Ё совершенно не изменился, что, впрочем, не удивительно, так как он провел семьдесят лет в стазисе.

Йёю повернул женщину спиной к себе и, захватив ее груди обеими руками, стал мять их, отчего Тока застонала, вплетая теперь и свои стоны в его неторопливую речь.

– Ё рассказал мне свою историю. Он, как выяснилось, лишь недавно освободился из ловушки и не успел узнать никаких подробностей ни о своей семье, ни об империи. Как жалок человек – пусть даже и умный человек – в отсутствие фактов. – Йёю говорил, а его руки между тем жили своей особой жизнью. Они спустились на живот Токи, мимолетно коснулись границы волос на лобке и плавно перетекли на ее крутые бедра. Вычислитель бесстрастно записывал ее прерывистое дыхание и преувеличенно громкие стоны, так же как и сухой комментарий Йёю, надиктовываемый им по многолетней привычке.

– У Ё потрясающе красивая спутница – графиня Ай Гель Нор. Я ее совершенно не помню. Скорее всего, я даже не встречался с ней в то время, но увидев ее сегодня...

«По-моему, я несу ахинею», – подумал он отстраненно и, несильно толкнув Току в спину, принудил ее сделать несколько коротких шажков по направлению к столу. Женщина поняла все правильно, она легла грудью на столешницу и прогнулась в поясице, одновременно раздвигая ноги и выпячивая зад.

«В конце концов... – подумал он, входя в Току. – Что? О чем я, о боги?» Перед его мысленным взором стояли зеленые глаза под медовой волной волос.

История вторая. Край пирога

*...можешь выпустить посох из натруженных рук: ты в Империи,
друг.
И. Бродский. Торс*

Глава 10. Невыносимая легкость бытия

Виктор ожидал, что бот, спрятанный в Северном море, будет обычным челноком. Во всяком случае, ему казалось, что именно так было сказано в далеком уже пятидесятом, когда он получал свои полномочия. Могли быть, конечно, вариации в классе и размерах, но того, что на вызов откликнется штурмовой бот первого класса, он никак не ожидал. Тем не менее вместо кареты им подали танк, и в сложившихся обстоятельствах Виктор был склонен скорее радоваться, чем недоумевать по поводу этой странности. Но вопрос в душе затаил.

Штурмовик снял их прямо с крыши торгового центра, украв, можно сказать, из-под носа у спецназа НАТО, норвежской полиции и черт знает у кого еще, но, по впечатлению Виктора, народу по их с Викой души было мобилизовано многовато.

И вовремя и надежно. Но у штурмовиков имелся один, может быть, и не столь существенный в иных обстоятельствах родовой недостаток. Они, как и положено боевым машинам, были страшно тесными. Сплошная броня, оружие, боеприпасы и минимальный комфорт для экипажа. Два пилотских кресла перед консолью управления и крошечная «бытовка», легким движением руки превращаемая в десантный отсек на восемь смертников из десанта первой волны, – вот и все жизненное пространство «Сапсана».

Вика, не сняв мехов и не переведя духа, запрыгнула в пилотское кресло и с криком «Держись!» бросила легкий планетарный штурмовик в противоракетный маневр. Если бы не система принудительной безопасности, мгновенно опутавшая Виктора своими гибкими, но прочными, щупальцами, выстрелившими из стен, пола и потолка, он разбил бы себе все, что бьется, и сломал бы все, что ломается. Тут никакой опыт и никакая подготовка не спасли бы. Он и сам умел делать эти фокусы и крутить восьмерки в небесах, и, скорее всего, даже лучше Вики. Все же он был черным полковником. Черным? Вот ведь история! Почему он ни разу об этом не вспомнил раньше? Но факт. Он был самым настоящим черным полковником, потому что таково было его звание³⁸. И смех и грех, честное слово.

«Сапсан» носился, как ужаленный, то взмывая в стратосферу, то камнем рушась едва ли не в волны Атлантики. Он «хаотично» менял направления, накручивая чудовищные спирали по часовой стрелке, или против таковой, и выбирал момент, чтобы рвануть из какой-нибудь, заведомо неспросчитываемой точки на randevу с Максом и Ликой. Все это время Виктор висел в паутине компенсаторов и думал о том, сообразила ли Вика включить антирадарный экран на полную мощность, и если да, то когда? Если она этого не сделала, службы ПВО половины стран мира просто сойдут с ума. «И в живых останется только ежик», – ехидно думал он, имея в виду тех несчастных, у которых просто не было ПВО и которые по этой причине никогда не узнают, какой ужас случился в мирных небесах планеты Земля.

³⁸ В связи с традицией, закрепленной в «Уложении о чинах и званиях воинских», командиром гвардейского корпуса является сам император, имеющий звание гвардии генерал-майора. Поскольку все гвардейские офицеры имеют преимущество в два чина перед офицерами армейскими, полковники гвардии являются частью генералитета. Звание «гвардии полковник» приравнивается к званию армейского генерал-лейтенанта, а звания «черный полковник» и «белый полковник» – к званиям генерал-майора и бригадного генерала соответственно.

Потом Вика зашла наконец на финишную прямую – где-то по тридцать второму градусу долготы, как определил Виктор на глаз, перелезая в кресло, – и уже через полторы минуты пеленг Макса четко обозначился на моделируемой «Сапсаном» карте.

– Н-да! – только и сказал Виктор, увидев «пейзаж после битвы» на экране тактического комплекса. – Умеют некоторые навести шухер на мухер!

– Что? – встрепелась Вика.

– Ничего, любовь моя. Идиоматическое выражение. Рули!

– Федя, я же тебя просила! – Вика вывела штурмовик почти вплотную к «лежке» Макса и Лики – Лика и в самом деле лежала – и осветила землю прожекторами, а Виктор в это время «крутил местность», выискивая потенциальные цели по всем азимутам. К счастью, целей не оказалось, и уже через минуту Макс ворвался в «Сапсан» через десантный люк. Лику он держал на руках. Оба они были мокрые и грязные. Но по-настоящему Виктора потрясло другое – наряд Лики и свисавший на тонком кожаном ремешке маузер – «болос». *Тот самый*. «Большевик».

– Быстрее! – бросила через плечо Вика, плавно уводя штурмовик вверх и в сторону от места встречи. И опять, как совсем недавно, суета и спешка ворвались в их дружные ряды. «А отдыхать будем в могиле! – весело подумал Виктор и ударом кулака по сенсору активировал медицинский блок. И сразу же из стены напротив вывалился и развернулся эвакуационный кокон для транспортировки раненых. Макс уже освобождал Лику от мокрой шинели и резиновых сапог. Вместе они уложили девушку в кокон, который тут же начал стягиваться, плотно обжимая ее тело. Щупальца аварийной системы зафиксировали кокон в горизонтальном положении и подхватили заодно сброшенные Максом рюкзак и куртку. Тоненько загудели, засвистели, запиликали на разные голоса системы жизнеобеспечения и экспресс-диагностики кокона, а Виктор уже вызывал дополнительное кресло. Он еще только забирался на свое место, когда пол прямо за креслом пилота раскрылся, выпуская на волю хитрым образом сложенное кресло, которое, в свою очередь, тут же начало раскладываться и подстраиваться под упавшего в него Макса. В ту же секунду Вика послала «Сапсан» в зенит на максимуме ускорения. «Подальше и побыстрее», – устало подумал Виктор, наблюдая за тем, как выходит из-за темного горизонта солнце.

Через четыре часа «Сапсан» аккуратно прилунился в кратере Шиккард на обратной стороне Луны, и спрятался в глубокой тени, отбрасываемой скальной грядой. Все системы маскировки были включены на полную мощность.

– Приехали, – сказала Вика, вставая и сбрасывая тяжелую шубу. – Уф! Для пилотирования штурмовиков такая одежда не подходит.

– А кстати, почему «Сапсан»? – спросил Макс, тоже освобождаясь из страховочных пут своего кресла.

– А потому что за орбитой Плутона нас ждет «Шаис»³⁹! – Виктор только что закончил работать с бортовым вычислителем и был совершенно обескуражен своим открытием. – Ударный крейсер седьмой серии.

– Ты не знал, – сказала Вика с утвердительной интонацией.

– Ни сном ни духом! Честное пионерское. Но, главное, зачем?

– Запишем. Потом разберемся, если разберемся. Что-то меня начинает тревожить такое обилие неожиданностей, – сказал Макс голосом, не предвещавшим ничего хорошего тем, кто эти неожиданности им подстроил, и стал изучать данные на контрольном дисплее эвакуационного кокона. – Как будто нормально. А крейсер, пожалуй, даже лучше. На «Шаисе», кажется, стоит универсальный клинический блок?

– Не только! – откликнулся Виктор.

³⁹ *Шаис* – зверь, очень похожий на земного тигра, но окрас шкуры у него черный. Для обозначения серий имперских крейсеров традиционно используют названия животных семейства кошачьих.

– Не только, – согласился Макс, а Виктория потянулась всем своим роскошным телом, облаченным в джинсы и свитерок-водолазку, и сказала с извиняющейся улыбкой:

– Слушайте, господа, я хочу есть.

– Хочешь шоколадку? – спросил Макс, отворачиваясь от Лики.

– Это такая шутка?

– Сейчас будет обед, – жизнерадостно объявил Виктор, снова склоняясь над вычислителем.

– Нет, отчего же? – Макс нагнулся к своей куртке и достал из кармана плитку шоколада «Вдохновение» из посылки Утеса. – Держи!

– Шоколад! – Голос Вики передал ее полный восторг. – Ты золото, Макс. Хочешь, я тебе отдамся?

– Не надо, Вика! – усмехнулся Макс. – Во-первых, меня прибьет Лика. – Он бросил мимолетный взгляд на покоящееся в коконе тело Лики. – А во-вторых, твой черный полковник. Мне это надо? Кушай на здоровье.

– Готово! – объявил Виктор.

Посередине маленького помещения «выросли» низкий столик и три стула строго утилитарного дизайна. А Виктор уже вынимал из приемного бокса «обед»: три плоские кюветы с большими ломтями зеленоватого плотного желе и три стакана воды.

– Да, не Кемпински⁴⁰! – протянула с сожалением Вика и откусила от плитки.

– Это нормальный армейский рацион, – обиженно возразил Виктор, отстегивая от одной из «тарелок» ложку и приступая к еде. Макс и Вика с интересом наблюдали за этой демонстрацией. Съев примерно треть порции, Виктор тщательно вытер губы салфеткой, прилагавшейся к порции, отодвинул «тарелку» и, мрачно оглядев друзей, сказал:

– Если по-умному, то надо бы когти рвать!

– Федя!

– Что, Федя? Ну извини, солнышко! Я хотел сказать, что уходить надо. Я не трус, но очко-то «жим-жим».

– Федя!

– Ну, я Федя! А только очень уж оперативные у нас друзья завелись, и боюсь, что без насекомых тут не обошлось. Как вспомню наш променад по Скандинавии, веришь, Макс, цыпками покрываюсь, что твой гусь лапчатый. Ей-богу! Как коммунист ревизионисту говорю. Но, с другой стороны, как представляю, что месяц, два, а то и полгода этот холодец хлебать придется... Ужас!

– Мне это тоже не нравится. – Макс скосил глаза на Лику, спавшую в коконе. – Но ты прав.

– И в чем конкретно я прав? – осторожно спросил Виктор.

– Во-первых, – начал излагать свою мысль обстоятельный Макс, – ты прав в том, что наш противник подозрительно быстро вычисляет наше местоположение. Вывод прост до очевидности. На нас что-то есть. Знать бы что?

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Это может быть что угодно.

– Вот видишь! Но, с другой стороны, мне эта наша заливная рыба тоже не нравится.

– Ты что, советские фильмы смотришь, что ли? – с искренним интересом поинтересовался Виктор.

– Смотрел. Компартия, как мафия, бессмертна. Везде пролезут, – строго сказал Макс. – У нас они магазинчик держали, в Хайфе. Русская литература, фильмы, газеты...

– От оно как! – делано восхитился Виктор. – Небось КГБ постарался. Или вы их не щупали?

⁴⁰ *Кемпински* – имеется в виду сеть пятизвездочных отелей Kempinski Grand Hotel.

- Мы, Федя, всех шупали. И всех, кого надо, брали.
- Ну, положим, не всех...
- Всех, всех, Федя. Ваших всех. Тебе перечислить?
- Не надо. Уже не актуально. А тебе?
- И мне не актуально.
- Тогда к делу. Так что ты, Макс, предлагаешь?
- Сначала я хотел бы спросить вас с Викой. Когда начался гон? Сколько времени у них ушло, я имею в виду.
- Мы обнаружили их активность через пять часов. Примерно, – ответила за них двоих Вика.
- Ясно, – кивнул Макс. – Мы – через полтора. Допустим, что им известен регион входов-выходов, и они нас ждали, потому что в Норвегии появились только двое, но все же – час, максимум – полтора. Вот что мы имеем.
- В принципе достаточно, – согласился Виктор. – Присаживаемся рядом с магазином...
- У нас нет денег, – сказала Вика.
- ...ночью, – продолжил Виктор. – В сельской местности, и... – Он быстро взглянул на Вику. – Проводим экспроприацию экспроприаторов.
- Я захватил деньги. – Макс кивнул на свой громадный рюкзак.
- У меня столько не было, – удивился Виктор, рассматривая рюкзак.
- А там не только деньги, – загадочно улыбнулся Макс, вполне довольный произведенным эффектом.
- А что там? – спросила Вика.
- Сувениры, – вполне серьезно пояснил Макс, беря с пола рюкзак и ставя его на стол.
- «Одной рукой! – восхитился Виктор. – Вот же лось!» Между тем из недр расшнурованного рюкзака стали появляться – одна за другой – очень странные вещи, способные, впрочем, многое рассказать о Максе и ходе его мыслей. Первыми были извлечены увесистые пачки валюты, упакованные в целлофан («Я брал только фунты и доллары, они не стареют», – сказал Макс), и несколько больших прямоугольных пакетов, завернутых в газеты и обмотанных бечевкой («Кассеты с музыкой», – несколько смущенно объяснил Макс), затем томик краткого курса истории ВКП(б), изданного в Петрограде в 1941 году под редакцией Л.Д. Троцкого («Ну как же, как же! Я и принес в сорок втором», – вспомнил Виктор); пачка газет и подарочное издание «Советский Союз. Восемьдесят лет вместе», присланные незабвенным Утесом; блок сигарет «Ататюрк» (из того же источника), пластиковый пакет с каким-то мелким хламом, среди которого Виктор углядел ту самую самописку в эбонитовом корпусе, и, наконец, как кульминация, заветный бочонок Виктора. Впрочем, непередаваемый аромат старого коньяка заранее рассказал всем заинтересованным лицам, отчего рюкзак Макса выглядел таким большим и отчего он и в самом деле был таким тяжелым.
- Вот до чего доводит людей жадность! – с восхищением пропел Виктор, уже доставая из стенового шкафчика подходящие емкости.
- На голодный желудок... – с сомнением в голосе пропела Виктория.
- Лучше так, чем никак, – сразу же откликнулся бодрым голосом Виктор, выставляя на стол стаканы.
- Федя!
- Ты не права, солнышко. Это стандартный русский язык. Макс, у тебя шоколадок больше нет?
- Есть. – Обстоятельный Макс кивнул на свою куртку. – Но это для Лики.
- Понял, принял. – Виктор наполнил первый стакан и, передав его Вике, взялся наполнять второй.

– Куда направимся? – Вика держала стакан в одной руке, а другой подгоняла ароматы коньяка к своему идеальному носу и по-кошачьи жмурилась от удовольствия.

– Я знаю пару подходящих мест, – сказал Виктор, передавая стакан Макс. Он взглянул на часы и закончил: – Если не торопиться – вздремнуть, умыться – можно, как раз к сумеркам поспеть.

– Ты имеешь в виду Европу. Почему? – спросил Макс, отпивая из своего стакана.

– Ну, это просто. – Виктор тоже сделал глоток и потянулся за сигаретами.

– Федя! – строго сказала Вика. – Ты что, не видишь, какой здесь объем?

– Вижу. Но это не проблема, – возразил Виктор, закуривая. – Ты даже не представляешь, солнышко, какая здесь вентиляция. – Он затянулся и демонстративно выпустил дым, который тут же стремительно исчез неизвестно куда. – Нас как-то довольно прилично поджарили лазером вот в таком же штурмовике, только старой версии. Очень, знаешь, поучительное зрелище случилось. Вся рубка в огне – спасибо, мы в защитных костюмах были – система пожаротушения визжит, как... Ну, визжит, в общем, а вентиляция, представь, работает. Так что не бойся, девочку не отравим.

– Кстати, обо мне. Вы пьете, а мне только облизываться? – Слабый голос Лики заставил их не то чтобы вздрогнуть – рефлексy уже почти восстановились, – но сильно удивиться. Они-то думали, что она спит, а она коньяк просит! Все дружно повернулись к кокону. Лика лежала, повернув в их сторону голову – насколько позволяли фиксаторы – смотрела широко открытыми зелеными глазами, особенно большими на похуевшем лице, и... улыбалась.

– Э... – сказал Макс, метнув быстрый взгляд на Вику.

– Bravo! – искренне восхитился Виктор. – За это надо...

– А что! – раздумчиво сказала Виктория, рассматривая контрольную панель кокона. – Не вижу причин отказывать человеку в удовольствии. Тем более женщине. Хуже не будет. – Она улыбнулась. – Будет лучше.

– Мигом! – Виктор достал еще один стакан, и пока Макс регулировал систему подвески кокона, переводя его в положение «сидя», налил Лике немного коньяка. Символически, так сказать.

– Удержишь? – спросил он, подавая стакан.

– Коньяк не маузер, – грустно усмехнулась Лика и взяла стакан двумя руками.

– Ну, за победу! – провозгласил Виктор, поднимая свой стакан. – За нашу победу.

Они выпили. Макс быстро забрал у Лики стакан и сунул ей в руку шоколадку. – Закусывайте, мадемуазель!

– Так вот, возвращаясь к твоему вопросу, Макс, – снова заговорил Виктор. – В Штатах до темноты еще ждать и ждать, а в Европе – всего пару часов. Отдохнем малость, и уже «пожалуйста». И потом... – Было видно, что он успел поймать на выходе какое-то очередное идиоматическое выражение. – Еда у американцев не так чтобы очень.

– Да, пожалуй, – согласился Макс.

– Да, – коротко выразилась Вика, а Лика не сказала ничего. Она просто полулежала в коконе, молча жевала шоколад, и на ее щеках расплывался легкий румянец.

«Великая вещь – грузинский коньяк восьмидесятилетней выдержки», – с восхищением подумал Виктор, а вслух сказал:

– Тогда объявляю тихий час на борту. Душ в «Сапсане» не предусмотрен, но туалет есть. Вот за той панелью. Так что если кому приспичит, то вперед!

– Ну, – сказал Виктор, выходя на автомобильную стоянку перед торговым центром. – Еще тридцать тысяч колпачков, и ключик наш! Ты не помнишь случайно, какая у нас вместимость?

– Случайно не помню, но порядка три-пять тонн, не больше. Правда, это под железо рассчитано, так что по объему меньше войдет, – почти равнодушно откликнулся Макс, мысли

которого были, вероятно, не здесь, хотя и беспокоиться по этому поводу Виктор не собирался. Если что, Макс не оплошает, в этом Виктор был уверен. – А это откуда?

– Что?

– Про колпачки.

– Ах это! Это из «Золотого ключика». Фильм у нас такой был. Давно, – ответил Виктор, толкая перед собой тележку, с верхом нагруженную замороженным мясом и вакуумными упаковками с колбасами и копченостями. Макс шел чуть позади, толкая перед собой аж две не менее загруженные тележки. Шла восемьдесят третья минута «операции», и пока все – тьфу, тьфу, тьфу! – было спокойно.

Они высадились почти полтора часа назад, прямо на железнодорожные пути того, что Виктор, в свойственной ему манере, назвал «Падуей-Сортировочной». После высадки «Сапсан» сразу же ушел вверх и висел сейчас прямо над гигантской крышей торгового центра, прячась в темноте и страхуя своих хозяев. А хозяйева, пешком преодолев невеликое расстояние от промзоны до супермаркета, ворвались в торговый зал, как будто опаздывали на поезд, и на глазах у немногочисленных посетителей начали смахивать в свои тележки такое количество мясных деликатесов и прочего иного, что, учитывая своеобразный наряд Макса и Виктора, итальянцы должны были решить, что речь идет о корпоративной вечеринке местных геев. Торопились они не зря. Три четверти времени, отпущенного на операцию, они провели у кассы. Сначала они попытались расплатиться фунтами или долларами. И те и другие кассирша принимать категорически отказалась. Виктор измучился, объясняясь с ней и ее прибежавшим на помощь боссом на своем сильно среднем итальянском – а из английского оба торговых работника знали только «yes», «no», и «sir» – но те по-прежнему требовали свои гребаные лиры, цена которым три копейки в базарный день. И тут Макс вспомнил, что за всеми «метаниями и бросаниями» он, как истинно западный человек, не забывал перекладывать из кармана в карман свою кредитку. Карточка была дайнеровская на имя Михаэля Варбурга, и ее к оплате приняли, даже не спросив документов, чего втайне начал опасаться Виктор. Остальное время ушло на пробивание всех их покупок в кассовом аппарате и на перекладывание их с тележек на кассовый прилавок и обратно. Но и это утомительное и нервное занятие – слава коммунизму – закончилось.

Теперь нужно было только пройти вдоль всей автостоянки, свернуть на дорожку, ведущую под мост, нависавший над железнодорожными путями, и где-нибудь там, где потемнее, их подберет Вика. Честно говоря, нервы у Виктора были напряжены до предела, так как подходило время «Ч», и в любой момент на них могла обрушиться очередная облава.

«Не психуй! – сказал он себе. – И не от таких уходили. А от тебя, серый волк...»

– А вот и «Мурка», – непонятно сказал Макс, но Виктор уже и сам понял, что слышит в ушном телефоне чужой голос, говорящий по-английски четко, но как-то ненатурально.

– Добрый вечер, – сказал голос в ухо Виктору. – Я хотел бы поговорить с господином Деффризом.

– Мы что, к телефонной линии подключились? – Виктор спросил, понимая, что никакая это не телефонная линия, но его смутила форма обращения.

– Я вас слушаю, – ответил Макс, не останавливаясь и не снижая скорости.

– Господин Деффриз, мы знаем, что вы находитесь в Падуе, Viale della Grazie, у моста на развязку Padova Est, шоссе А4.

– Дальше, – сказал Макс.

– Мы не объявили тревогу.

– Это очень мило с вашей стороны. – Они уже подходили к дорожке, ведущей под мост.

– Мы предлагаем решить наши проблемы мирным путем.

– То есть вы предлагаете переговоры, – уточнил Макс, входя в тень моста.

– Да, господин Деффриз.

– Мы не против, – ответил Макс. – Но я предпочел бы отложить наш разговор на полчаса.

Виктор напряженно всматривался в темноту, ожидая появления «Сапсана», – Вика ведь тоже слушала этот странный разговор – и одновременно пытался понять, в чем тут подвох. То, что та сторона поняла, что проигрывает, и ему понятно, но что их толкает именно на переговоры? Какие ставки? Вот это было ему пока неясно.

– Почему? – спросил голос.

Виктор с облегчением увидел бесшумно приближающуюся слева сверху массивную тень. Это мог быть только их штурмовик.

– Потому что я предпочитаю говорить с вами с орбиты.

– Хорошо, – согласился голос. – Через полчаса.

«Сапсан» наконец материализовался и распахнул десантный люк. Вика, видимо, решила плюнуть на возможных свидетелей.

– Быстро! – прокричала им изнутри Вика, игнорируя радиоканал. – Быстро! Бросайте все, грузитесь и уходим!

– Не суетись, солнышко! – откликнулся Виктор. – Бросай захваты!

Из «Сапсана» послышались неразборчивые ругательства по-французски, но в днище штурмовика открылся еще один люк, и из него выпали три пучка шупалец элеваторных захватов, и Виктор с Максом быстро закрепили их на своих тележках.

– Поднимай! – заорал Виктор и, пропустив Макса вперед, нырнул в люк.

Они быстро заняли свои места, и Вика, в привычной уже манере сумасшедшей гонимой, погнала «Сапсан» на орбиту, попутно совершая противоракетные маневры, маневры уклонения и «скрадывания».

– Кидай ретрансляторы и переходи в пассивный режим, – распорядился Виктор, пальцы которого в это время асинхронно бегали по сенсорам вычислителя (левая рука) и тактического центра (правая рука).

– Макс, а что за «Мурка» вдруг? – задал он наконец один из занимавших его вопросов, хотя и не главный. Отнюдь нет.

– Потому что «раз пошли на дело», – сразу откликнулся Макс.

– Ты что, наш фольклор изучал? Или как?

– Скорее, или как. Это меня Ваня Жук научил, лейтенант из группы Кондратьева⁴¹. Он в детстве беспризорничал, весь Союз под поездами объездил, ну и репертуар у него был соответствующий.

– Понятно, – сказал Виктор и перешел к главному: – А теперь приступим к разоблачению псевдонимов и срыванию масок. Чего это он тебя морозильником величал?⁴²

– Да нет, – с видимой неохотой ответил Макс. – Он настоящую мою фамилию знает, Федя, ту, которую я и сам уже почти забыл. И не просто знает, а произносит на еврейский лад, то есть так, как ее прочел бы вслух еврей, будь она записана по-нашему, на иврите.

– Даже так? – усмехнулся Виктор. – Ну, я где-то так и предполагал. Что-то очень знакомое, знаешь ли. И как, ты говоришь, пишется твоя фамилия на латинице?

– Ди заглавная, и, пи, эй, ар, ай, эс, – продиктовал Макс, все больше мрачняя.

– Ты уверен, что ди именно заглавная, а не строчная? – уточнил Виктор, доставая сигарету и задумчиво ее рассматривая. – И почему *Deparis*, а не, скажем, *de Paris*⁴³, дорогой товарищ?

– Потому что я Дефриз, а не де Парис.

⁴¹ Во время Гражданской войны в Испании советские добровольцы-танкисты объединялись в группы, называвшиеся по фамилиям командиров. Так, например, существовали танковые группы Павлова, Кривошеина и Кондратьева.

⁴² Фриз созвучно английскому *freeze* – морозить.

⁴³ Если бы фамилия Макса была записана как *de Paris*, это указывало бы на его принадлежность к французскому дворянству.

– Ну это мы оставим товарищу Сталину разбираться, что да как. Он у нас главный по языкознанию. Вот пусть и растолкует. – Виктор наконец закурил и сделал первую затяжку. – А фамилия у тебя, Макс, знатная. Голубая кровь, девочка. – Он подмигнул Лике. – Это не кот насрал.

– Все, Федор! – вмешалась Вика. – Еще одно слово на твоём варварском сленге, и я с тобой вообще отказываюсь говорить... И не только говорить, – добавила она грозно, после короткой паузы.

– Все, все! – запротестовал Виктор, поднимая руки. – Понял, осознал, вчера прекратил. Нет, ну в самом деле... Вика! Мне что, переключение делать, что ли? Я в этой шкуре семьдесят лет прожил. Привык. Это же образ!

– Действительно, Вика, – сказала Лика. – Он же не нарочно. И потом Федя почти и не ругается...

– Да пусть он ругается, только чтобы я понимала! Я же его не понимаю!

– Ты права, солнышко, – согласился Виктор. – А я не прав. Исправиться не обещаю, но я постараюсь говорить понятнее.

– Ладно, – махнула рукой Вика. – Продолжай.

– Да, так вот, возвращаясь к теме... Между прочим, если кто-нибудь надеется, что со мной можно справиться при помощи филибастеров, пусть не надеется! С мысли меня не сбить. Лика, детка, ты знаешь, что в жилах твоего героя течет голубая кровь?

– Достаточно, Федя. – Макс тоже закурил сигарету. – Ну что ты актерствуешь? Тебе ли говорить это мне? Рассказать про твоего дедушку? А я что? Простой чешский еврей с сефардской⁴⁴ фамилией...

– Ну да, ну да, – покивал головой Виктор. – Моего дедушку вспомнил, а про своего промолчал. Только, Макс, я-то знаю, кем был твой дедушка Давид. Его ведь Давидом звали?

– Вот как?

– Вот так.

– Мне кажется, я тебе не рассказывал.

– Не рассказывал. Но я этим делом в сорок шестом специально занимался, только не знал, что Давид Де Фриз⁴⁵ это твой дедушка.

– Федя, ты уверен, что ничего не путаешь? – Макс уже взял себя в руки и был совершенно спокоен. Во всяком случае, так казалось. «Или он хочет, чтобы так казалось?» – спросил себя Виктор.

– Уверен, – сказал он вслух. – Я занимался именно Давидом Де Фризом, то есть не только им, и даже не столько им, но и им тоже.

– Федя, – сказал Макс ленивым голосом, как он умел, когда хотел показать, что его собеседник не прав, но не хотел говорить этого прямо. – Федя, Давид был обыкновенным пражским раввином. Таких, как он, в то время в Праге было много. Сотни, наверное. И жил он, заметь, в первой половине девятнадцатого века. Какой тут может быть интерес у разведки?

– Во-первых, у разведки очень широкие интересы. И не мне тебе это объяснять. Согласен? – Виктор с интересом смотрел на Макса, вновь ставшего прежним Максом, спокойным, деловитым, чуть ироничным и чертовски умным сукиным сыном. Краем глаза он отметил, с каким интересом следят за развитием сюжета их женщины.

– Ну? – сказал Макс.

И Виктор продолжил, не торопясь:

⁴⁴ *Сефарды* – евреи, выходцы из Испании, расселившиеся после изгнания в Средиземноморских странах.

⁴⁵ *Де Фриз* – еще один вариант написания фамилии Макса, при котором «Де» перестает быть частицей, обозначающей дворянство.

– А, во-вторых, рав Де Фриз не был рядовым раввином. Он был крупнейшим каббалистом⁴⁶ своего времени, а может быть, и не только своего.

– Вот как? – Макс изобразил на лице умеренный скепсис и закурил новую сигарету. – Вика, тебя не затруднит налить мне стакан воды? Тебе, Федя, виднее. Это ты его изучал. А я Давида и не помню почти. Спасибо, Вика. – Он принял у Виктории стакан и, сделав пару глотков, опорожнил его на две трети. – Так вот, Федя. Я, конечно, могу ошибаться, и мой дед, действительно, мог быть каббалистом – в конце концов, многие из них увлекаются каббалой, – но я сомневаюсь, чтобы он был крупнейшим, как ты выразился. Крупнейшие все на виду. О них известно. О них книги пишут, в конце-то концов. Я бы знал.

– Крупнейший, крупнейший! – не согласился Виктор. – Ты мне поверь. Я знаю, что говорю. Я, между прочим, через твоего деда и весь этот сюрреализм, и иврит выучил. Не знал? Знай! Ани йодея иврит маспик тов кдей лесAPER леха коль хасипур хазе бесфатха ядиди хаякар.⁴⁷

– Недурно, – согласился Макс.

– А то! Меня, между прочим, сам Шапиро⁴⁸ учил, а Феликс Львович иврит знал лучше, чем некоторые у вас, в Израиле. – Виктор бросил взгляд на часы – он умел помнить о многом одновременно. – И где же, спрашивается, наши неожиданные друзья?

– Не волнуйся, – откликнулся Макс, который тоже умел держать в голове несколько тем сразу. – Позвонят. Куда им деваться? Это мы им нужны, а не наоборот. К счастью. Но ты отвлекся. Что там с моим дедушкой не так?

– С ним, как я помню, уже давно все так, – сказал Виктор, возвращаясь к теме разговора. – Дело там было не в нем. То есть делом, самым делом занимались не мы, а... А, черт с ним! – махнул он рукой. – Дело давнее. Будем считать, что гриф секретности снят. Была у нас «шарашка», наподобие тех, что в тридцатые еще расплодились. Секретная до ужаса. Занималась она, «шарашка» эта, всякой оккультной ересью. Так что сутью дела я не интересовался, да и неинтересна мне вся эта алхимия с магией. Не мой профиль. Но нам сбросили приказ раскрутить дело о «скрытом гаоне»⁴⁹. Был якобы в центральной или восточной Европе в конце XVIII века какой-то выдающийся ученый-раввин – гаон, по-вашему – который к тому же был и крупнейшим каббалистом, но, по причинам, нам не вполне понятным, широкой общественности неизвестный. Вот, собственно, этим вопросом я и занимался. Типа, кто, что и почему? Мы искали этого «неизвестного» и, естественно, попутно решали целый ряд не менее животрепещущих вопросов. А Прага в этом смысле была на тот момент идеальным местом для наших поисков.

– Архивы, – кивнул головой Макс.

– Точно, – подтвердил Виктор и добавил для слушательниц, которые вряд ли знали, о чем идет речь: – Немцы во время войны собрали в Праге огромное количество еврейских книг и рукописей. Со всей Европы везли. Хотели, гады, устроить после войны музей исчезнувшего народа. Музея не получилось, а архив достался нам.

– Секунду! – неожиданно подала голос Виктория. – Архивы были уничтожены по приказу Сталина. Разве нет?

⁴⁶ *Каббалист* – тот, кто изучает каббалу. Каббала (буквально «получение», «предание») – эзотерическое еврейское теософское учение с выраженными элементами мистики и магии.

⁴⁷ «Я знаю иврит достаточно хорошо, чтобы рассказать тебе всю эту историю на твоём языке, дорогой товарищ» (*иврит*).

⁴⁸ *Шапиро Феликс Львович* – русский советский ученый, гебраист. Созданный им «Иврит-русский словарь», впервые изданный в СССР в 1963 году, стал событием в лексикографии и до сих пор является базовым для изучающих иврит.

⁴⁹ *Гаон* – буквально «величие», «гордость», в современном иврите также «гений». Начиная с позднего Средневековья, утратив значение официального титула, термин «гаон» стал применяться как почетный эпитет, отличающий выдающегося знатока и толкователя Закона.

– Не совсем так, – покачал головой Виктор. – Вернее, совсем не так. Никто их не уничтожал. То есть потом – сильно потом – да, уничтожили, когда в конце пятидесятых концы в воду прятали. А тогда нет.

– У нас была такая информация, – снова кивнул Макс. – Но доказательств не было.

– Еще бы! – усмехнулся Виктор. – Там знаете какая секретность была? Бумагу палили день и ночь, а архивы вывозили. Тихо, ночами, в грузовиках, перевозивших солдат. Едут солдаты, понимаешь... Ну да бог с ними и с нами всеми. Просто именно там, в Праге, я и вышел на Давида Де Фриза. Ты, например, знаешь, Макс, что не только Давид, но и его отец, и дед тоже, были каббалистами? И, заметь, не из последних. И жил твой прадед, действительно, в Париже... А знаешь, где жил его прадед? Я имею в виду прадеда твоего прадеда?

– Ты мне что, генеалогическое древо составил? – усмехнулся Макс. – Ну давай, не тяни! Аншлаг обеспечен.

– Он...

Но тут ожил канал связи.

– Здравствуйте, – произнес им всем в уши уже знакомый голос. – Доброго времени суток.

Приступим к переговорам?

Виктор бросил быстрый взгляд на часы. Сорок семь минут!

«Они пытались нас обнаружить, – прикинул он. – Но не нашли. Это утешает». Между тем Макс включил микрофон и сказал без преамбул:

– Приступайте.

– Господин Дефриз, мы предлагаем честный обмен.

– Что на что?

– Земля в обмен на империю.

– Что конкретно вы имеете в виду?

– Вы остаетесь на Земле и соответственно не вмешиваетесь в дела империи, которые вас не касаются и касаться не должны. Мы улетаем домой и не вмешиваемся больше в дела Земли, которые предоставляем вам.

– То есть вам нужен корабль.

– Да.

– Почему же вы с этого не начали?

– Это не главное.

– А что главное?

– Господин Дефриз, Легиона больше нет. Он уничтожен полностью, и новый император не намерен его возрождать. Следовательно, вам нечего делать в империи. Какой может быть у вас интерес в империи, если вы уже не на службе? Если тех, кому вы присягали, уже нет, и некому даже снова вас призвать? Это понятно?

– Я вас понимаю, но вы, вероятно, не понимаете нас. У меня и моих друзей могут быть интересы и помимо Легиона.

– Вы чужаки в империи, господин Дефриз, и вы это знаете. Вы земляне, вот и живите на Земле. И не пытайтесь нас обмануть, мы знаем, что такое Легион. Поверьте, вам нечего делать в империи. У вас просто нет в империи интересов.

«Они не знают про Вику и про нас знают мало, – понял Виктор. – Молодец, Макс, дожимай! Вытяни все, что можно».

– Так, – между тем сказал Макс. – С первой частью понятно. Что по поводу Земли?

– Земля не представляет такого большого интереса, чтобы империя не могла от нее отказаться. Земля останется вам. Мы полагаем, что это честная сделка.

– Это еще не сделка, – возразил Макс. – Это демонстрация намерений. Это ваше предложение, и только. Притом предложение, исходящее из неверных предпосылок.

– Что вы имеете в виду? – Говоривший был, очевидно, удивлен и раздражен одновременно.

– Видите ли, – начал Макс. – Если говорить обо мне, то я прожил в империи больше пятидесяти лет. Лучших, заметьте, лет моей жизни. И я их прожил там действительно хорошо. А на Земле я прожил семьдесят лет. О детстве не говорю. Я его не помню. Но эти семьдесят лет я помню хорошо. Сплошные войны, голод, болезни, страх и старость. Сказанное верно и для моих друзей. Так что для нас империя и что Земля?

– Вы хотите сказать, что Земля вам не интересна?

– Ну не то чтобы совсем не интересна, но империя все-таки куда как привлекательнее.

– Но это же ваш народ!

– А что, я чем-то так уж отличаюсь от аханков? Мои врачи в Тхолане этого не находили.

– Вы не сможете стать владыками империи! – Голос кипел возмущением.

– А нам и не надо, – равнодушно ответил Макс. – Я и так хорошо жил. Если будет не хуже, я не возражаю.

– Мы предлагаем вам власть над Землей! – не унимался голос.

– Щедро, – усмехнулся Макс. – Но я не вижу реального способа воспользоваться вашей щедростью.

– Мы поделимся технологиями, – возразил голос. – Договор будет включать пункт о помощи.

– А гарантии? – спросил Макс скептически. – Вы же ничего не можете нам гарантировать.

– Можем!

– Как?

– Слово ревнителя нерушимо.

– А кто такие ревнители? – Макс быстро взглянул на Виктора, и тот ответно поднял бровь.

– Давайте встретимся, – вместо ответа предложил собеседник. – Мы гарантируем вам безопасность. При встрече мы вам все объясним. Вы поймете, наше слово нерушимо. Мы поклянемся и выполним свое обещание.

– Извините, но, по-моему, вы принимаете меня за кого-то другого. Мы должны прийти к вам, чтобы убедиться, что вашему слову можно верить. А как насчет гарантии, что вы нам это действительно объясните и что мы вам поверим?

– Мы не приглашаем всех. Одного достаточно. Вот вам и гарантия.

– Ну, что ж. Это меняет дело, – согласился Макс. – В ваших словах есть резон. Не то чтобы мне нравилась идея застрять на этой второразрядной планете, но если вы предлагаете технологии...

– Мы гарантируем передачу технологий.

– Хорошо. Это мы позже обсудим, а пока свяжитесь со мной часа через три. Мы пока обсудим, кто будет нашим переговорщиком.

– Мы будем говорить только с вами, господин Дефриз, – возразил голос.

– Почему именно я? – «искренне» удивился Макс.

Последовала долгая пауза, и голос ответил:

– Потому что вы Дефриз.

– Я обдумываю ваше предложение. Свяжитесь со мной... – Макс сделал паузу и взглянул на часы. – Через шесть часов. Я должен отдохнуть.

– Мы предпочитаем не откладывать встречу.

– Ничем не могу вам помочь. Я устал и нуждаюсь в отдыхе. Через шесть часов.

– Через три, – предложил голос.

– Через двенадцать, – ответил Макс.

– Мы не можем столько ждать.

– Тогда через двадцать четыре, – жестко сказал Макс. – Я буду удваивать время каждый раз, как поступит иное предложение.

– Мы согласны. Шесть часов.

– Хорошо, – согласился Макс, и Вика прервала связь.

– Да-а, торговаться ты мастер! – усмехнулся Виктор.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Макс. – Рутина.

– Ты ведь не пойдешь к ним, – сказала Вика.

– Я что, самоубийца? – откликнулся Макс, наливая коньяк в свой стакан. – Не знаю, что они о себе думают, но, по моим впечатлениям, они неискренни. Сделка – фикция. Торговаться они не умеют. Очень прямолинейные и, я бы сказал, недалекие люди.

Виктор хотел бросить и свою реплику, но его опередила Виктория.

– Они не люди, – сказала она. – Они плохо знают человеческую психологию. Они только пытаются ее имитировать, но выходит у них плохо.

– Откуда ты это взяла? – Виктор был искренне удивлен.

– Не знаю, – пожалала роскошными плечами Вика. – Но это так. Я чувствую.

– Суммируем, – сказал Макс. – Так или иначе, но «Сапсан» они не видят. Это, во-первых. Во-вторых. Нас они обнаруживают как-то иначе, но только на Земле и вне «Сапсана». В-третьих, время реакции у них, как доказано опытным путем, полтора часа, плюс-минус пара минут. И последнее, нам пока лучше держаться от них подальше. Кто они, сказать не берусь. Может быть, и не люди, хотя и не понимаю, какое отношение, в таком случае, они имеют к империи? Не знаю. Вопросов пока больше, чем ответов. Но информация о нас у них скудная и фрагментарная. Так мне кажется.

– Ну не скажи, – возразил Виктор. – Вот хоть с Деффризом, что за история?

– Сам не понимаю, – пожал плечами Макс. – Но к Легиону это отношения не имеет. И к моим делам за последние семьдесят лет тоже. Это что-то другое. Что-то они тут, уже на Земле, нашли. Может быть, и твое, Федя, исследование, и не так поняли. Но в любом случае это не имперское. То, что я Деффриз, в Легионе никто не знал. Я вербовался под другой фамилией.

«Вот оно как? – удивился Виктор. – И с чего бы? Не Иностраннный легион, чай, чтобы псевдо брат».

– Да, интересное кино, – сказал он вслух. – Так что, побежали?

– Не торопись... Что у нас с объемом? – Вопрос Макса не то чтобы был уж совсем неожиданный, но переход был резковат. Виктору потребовалась почти секунда, чтобы понять, о каком, на хрен, объеме идет речь.

Виктор подошел к пульту вычислителя, раскрыл схему «Сапсана», бегло просмотрел и, обернувшись к Макс и Вике, сообщил:

– Место есть. Пятнадцать кубометров тебе хватит?

– Мне хватит, – спокойно ответил Макс. – Я ведь так и предполагал, помнишь? А что по условиям хранения?

– Макс, – тут Виктор мог поучить многих, – все емкости находятся внутри внешнего контура безопасности. Это, считай, вполне приличный холодильник. Градусов пять-семь по Цельсию я тебе обеспечу без проблем.

– Значит, решено, – кивнул Макс. – Сходим еще раз за покупками. И все. Если вылетим прямо сейчас, как раз успеем до закрытия больших супермаркетов в Израиле. Я знаю несколько, расположенных вне городов. – И, предупреждая вопросы Виктора и Вики, добавил:

– Моя кредитка почти пустая, а в Израиле я сумею договориться, чтобы у нас приняли доллары. Только придется повысить курс шекеля, и все. Сходим один раз, возьмем сколько сможем... – Он вдруг замолчал, как будто наткнулся на какую-то мысль, которую стоило обдумать немедленно, не откладывая. – Ну я и... Ладно. Я вспомнил одно чудное место. Прямо создано для нашего случая. Там супермаркет встроен в промзону, причем вечером там уже не

то что никто не работает, просто людей нет. Сядем прямо за зданием, закупим, сколько сможем, и бегом к «Сапану»: один возит тележки, другой грузит. Как раз в полтора часа уложимся.

– И? – спросила Вика.

– И к крейсеру, – вместо Макса ответил Виктор.

Интерлюдия. Как делают монстров-1

Длиннополая комсоставская шинель висела на элегантной, повторяющей абрис женских плеч вешалке в шкафу. Рядом на серебряном крючке в форме... – «Ну и воображение у дизайнера, прости господи!» – висели широкий кожаный ремень со звездой на пряжке и португеза с пристегнутым к ней маузером в деревянной кобуре. На полочке сверху стояла надетая на стеклянный болван с нечеловеческим лицом буденовка («Зимний шлем», – поправил Федор). Все очень по-домашнему, как могло бы быть где-нибудь, скажем, в Питере. Вот только шкаф был сделан из матового голубоватого с серебряными прожилками стекла. И очень смелый дизайн...

Она протянула руку («Как странно», – подумала она, ощущая движение руки) и коснулась пальцами темно-серого сукна. Пальцы, то ли лаская плотную ткань, то ли изучая ее, пробежали от плеча по отложному воротнику, по канту, задержались на петлицах («Один ромб, это кто?»), и снова по лацкану и вдоль двух рядов желтых латунных пуговиц – по четыре на каждой стороне. Шинель уже давно высохла, и грязи на ней не было. А тогда...

... «Но от тайги до британских морей...» – то ли пел, то ли ревел страшным голосом Макс, расстреливая сразу из двух Калашниковых милицейский газик. Шел дождь. В темноте трещали выстрелы, вспыхивали какие-то мгновенные огни, а над головой просвистывали шальные пули. Она лежала за камнем, и боевые рефлексии бушевали в ее немоющем теле, силясь заставить хотя бы левую руку вытащить этот проклятый маузер из кобуры и поддержать Макса огнем. Тело не слушалось. Рука бессильно скребла обломанными ногтями по застежке кобуры. Холодная вода текла по ее лицу, мешаясь со слезами отчаяния. И все так же гремели над головой короткие очереди Макса, и треском ломаемых палок отвечали ему выстрелы из темноты.

«Вот какая жалость, – подумала она с тоской. – Только нашла его и ухожу. Прости меня, Макс». И тут все закончилось.

И началось снова. Кончилась жизнь девушки Лики, и началась другая жизнь. Новая. Жизнь сломанной куклы.

На нее упала неожиданная тишина; тишина, полнившаяся разнообразными звуками. Неустанно шумел дождь. Трещал где-то огонь. Откуда-то из темноты доносились стоны раненых. И все-таки это была тишина. Тишина после боя. Странная, неверная, качающаяся на острие меча тишина. И в эту тишину медленно вплыл округлый бок какого-то огромного аппарата – «Они говорили про бот! Наверное, это бот», – и яркий свет вырвал у темноты кусок дороги с разбитыми и горящими машинами, мертвыми телами и лужами, кипящими от дождевых пузырей. Макс помедлил секунду, оценивая обстановку, потом отшвырнул оба автомата и, подхватив ее на руки, огромными прыжками понесся к летающей тарелке...

Нет, не так. То есть так, конечно, но только это было потом, а до этого...

Вика и Виктор ушли, и они остались вдвоем. Это была очень длинная ночь, и день тоже тянулся, казалось, без конца. Макс был все время рядом с ней, оставляя ее только тогда, когда она, как он думал, спала. Он уходил и что-то делал там, в глубине дома, а она не спала. Лежала. Думала. Вот думать она теперь иногда могла. А может быть, лучше было бы и не думать вовсе?

Думала она о том, что вот ведь как несправедлива судьба. Сначала он был стариком, а теперь она стала инвалидом. И только на короткое мгновение их дороги, уводившие каждого к своей судьбе – его к молодости и силе, а ее к смерти и печали, – пересеклись там, в Германии. Они увидели один другого и все поняли, но ничего, в сущности, друг другу не сказали. Не успели. А потом было уже поздно. И так теперь и будет. Никак. Она любит его. И что из этого?

А он? Он, наверное, любит ее. Или помнит, как любил ее раньше. Но только это уже не любовь. И она плакала без слез, умоляя Бога, в которого как-то по привычке, доставшейся в наследство от советских времен, никогда не верила, умоляя его дать ей умереть или – «Господи, прости за наглость!» – дать ей поправиться. Ох, если бы это было возможно, она бы... Она бы что? Она и сама не могла сказать, что бы она сделала, если бы вдруг оказалась – такое чудо – снова самой собой. Но она знала, что просит не для себя. Для себя что уже просить, когда все кончилось.

Потом снова приходил Макс. Кормил ее, рассказывал свои захватывающие истории; размахивая огромным кулаком, словно вбивая им сваи, пел по-немецки песни Ротфронта, и... носил ее в туалет, и делал уколы; и опять что-то рассказывал, и кормил, чуть ли не с ложечки, и «заговаривал зубы», когда сквозь все заслоны прорывалась боль.

Она уже не стеснялась своего несчастного тела, с которым Макс и Вика обходились как с вещью («Береги вещи, детка, они денег стоят». Кто это сказал? Мама или тетя Клава?). Они лечили это тело, мыли и переодевали, но это ведь было ее тело, тело молодой влюбленной женщины, вот только... Казалось, боль, бессилие и немощь, и все эти лекарства притупили ее чувства, но это было не так. На самом деле внутри нее разливалась такая непомерно огромная любовь, что не было сил ни понять ее, ни выразить.

«Вот так бы и лежала всю жизнь, – подумала она в какой-то момент, когда отступила боль и тело стало теплым и невесомым. – Только бы он был рядом». «Лекарства... мне не нужны лекарства, Макс. Мне ничего не нужно. Мне нужно только, чтобы ты был рядом. Вот это и есть главное мое лекарство. Рецепт от Хавы Альберштейн⁵⁰... Ты помнишь, что надо делать, Макс?» И сквозь сон, из невероятного далека, пришел чуть низковатый и чуть хриповатый (чуть-чуть, самую малость) женский голос, рассказывающий о самом лучшем способе лечения недугов души – «...*коль шаа нэшика, коль шаатаим хибук...*».⁵¹

«Вот так бы и лежала всю жизнь». Ленивой рыбой в мутных водах, приправленных наркотиками, проплывала мысль-пустяк, но ее любовь, жившая там, в глубине, не давала ей ни сдаться, ни расслабиться. Она разрушала покой, и из глубин подернутого туманом сознания вырывались хищные рыбы протеста: «Дура! Дура! Что ты несешь?!» И слезы подступали к горлу, и другие мысли начинали водить хороводы в ее голове.

Потом он пришел и стал одевать ее в дорогу. А Лика обнаружила, что день уже закончился, да и ночь – судя по луне за окном – достигла середины. Макс одевал ее тщательно и обстоятельно, так же обстоятельно рассказывая ей, что и как они будут делать. Что должна делать она. «Ничего. Ровным счетом ничего. Я тебя понесу». И чего она делать не должна. «Ничего. Положись на меня!» «Господи! – думала она, пока он натягивал на нее армейские штаны поверх штанов спортивных. – Господи, а что мне остается? А на тебя, Макс, положиться... Хи-хикс». Странные мысли приходят порой в больную голову. Цепочка путаных ассоциаций привела ее к совершенно вульгарной, но увлекательной картинке того, как она на него «положилась», и Лика покраснела.

Макс заметил, улыбнулся – «Боже! Какая у него улыбка!» – и сказал:

– Все будет хорошо.

И она ему поверила. Теперь она ему поверила. Особенно когда он сложил на столик рядом с кроватью какие-то ремни, маузер в деревянной кобуре – «Это что, маузер, что ли?» – и буденовку и стал надевать на нее шинель.

«Он сумасшедший!» – подумала она и поверила, что все будет хорошо. Может быть.

А потом они вошли в дождь и тьму полярной ночи...

Лика вынырнула из омута воспоминаний, бросила прощальный взгляд на серое сукно шинели и закрыла шкаф. Та женщина умерла.

⁵⁰ *Хава Альберштейн* – израильская певица.

⁵¹ «...каждый час поцелуй, каждые два часа объятие...» (*иврит*).

Та жизнь закончилась. Но в зале не включили свет. Значит, фильм продолжается? Титры. Вторая серия. Так?

...Как ни странно, но ей стало лучше. Она ведь уже умирать собралась, и боль начала возвращаться. «Сестра моя боль», – с тоской подумала Лика. А тут... не то, чтобы уж совсем хорошо, но вдруг прояснилось в голове, и боль отступила. Наверное, дело было в том, что лекарства на летающих тарелках были лучше и поступали вовремя, то есть тогда, когда это было нужно. А за всеми ее нуждами «зорко» следила «система». Это ей объяснил Макс. Он ей теперь все объяснял. Иногда.

Она по-прежнему лежала в чем-то, похожем на большой и очень удобный спальный мешок. Федор сказал, что это эвакуационный кокон, но как бы он ни назывался, именно кокон заботился обо всем. Деловито попискивая и прищелкивая, он «кормил и поил» Лику, лечил ее больное тело как мог – ну пусть не лечил, но хотя бы помогал ей жить – согревал ее и «держал». Насчет держал, так это было не последним в списке его достоинств. Кокон поддерживал ее тело в заданном положении даже тогда, когда «Сапсан» кувырчался и скакал, как сумасшедший кузнечик. А у нее только голова немного кружилась, и все. Такая у Лики была чудная постель-сиделка.

Лика не могла сказать, что она, собственно, ожидала увидеть внутри летающей тарелки. Но то, что она здесь нашла, было и фантастично (но совсем не так, как в голливудских фильмах) и одновременно обыденно (но опять же совсем не так, как это бывает в жизни). Здесь все было очень функционально и просто, но каждая мелочь, когда дело доходило до этой мелочи, сразу же указывала на свою нездесьность и несейчасность, если можно так выразиться. Вот взять хотя бы кондиционер («Или что у них тут вместо него?»). Воздух в «Сапсане» все время был прохладен и свеж, хотя в маленьком объеме жилой зоны курили не переставая. «Да что ж они так много курят?! – думала Лика. – Нервничают? Но ведь они супермены, или это мне только показалось?»

И все-таки сколько бы она ни дивилась на чудеса летающей тарелки, настоящие чудеса начались, когда они добрались до крейсера.

Но сначала был сумасшедший день «большого драпа», как выразился Федя, у которого что ни слово, то шедевр ненормативной лексики. Так вот, день был примечательный во всех отношениях, потому что за тот день простая питерская докторша успела побывать и на обратной стороне Луны, и на орбите – причем неоднократно – и снова на Земле – в Италии и Израиле – попутно наслушавшись умных разговоров и узнав настоящую фамилию своего Макса («де Парис! Ну надо же! Прямо де Тревиль какой-то, а говорит еще, что еврей»). Ночью того же дня – вообще-то, ночь была на борту «Сапсана» чистой условностью – Лика увидела из-за плеча Федора, который, наверное, все-таки Виктор, на большом ходовом экране быстро приближающуюся планету. Планета была похожа на старый бильярдный шар из слоновой кости – она видела такой в детстве – темно-желтый, потрескавшийся, неровный.

– Марс, – сказала Вика.

«Марс? – подумала она. – Господи, это ведь мы к Марсу подлетаем! Это с какой же скоростью мы летим? А то, что к Марсу, тебя уже не удивляет?»

Потом она подумала о том, что если они летят с такой скоростью, то почему она этого не чувствует? «Кажется, это называется перегрузки, и как-то связано с ускорением», – вспомнила Лика и спросила у Макса.

– У нас есть такой... – Макс споткнулся и начал искать подходящее слово. – Девайс? Ты поняла? Механизм... Что-то такое. Он компенсирует ускорение. – И добавил, опережая новый вопрос Лики: – Но он эффективен только при прямолинейном движении. Боковые ускорения он гасит плохо.

«Ну, так, значит, так, – решила Лика. – Значит, и у этих звездных империалистов есть свои проблемы».

Как-то незаметно она провалилась в сон без снов или, вернее, со снами, но неразборчивыми и непонятными, как бред. Тем не менее она заснула, а жаль, потому что пока она спала, «Сапсан» успел проскочить чуть ли не половину Солнечной системы. Впрочем, почти весь следующий день Лика имела возможность наблюдать пролет через вторую ее часть. Делать ей было решительно нечего, да и сил не было. Она просто лежала в своем гамаке, смотрела через плечо Виктора или Вики в главный экран, как в окно, за которым лежал космос, не страшный, но потрясающе красивый, и слушала разговоры. Некоторые разговоры были ей совершенно непонятны, хотя говорили вроде на вполне понятном ей языке (чаще – русском, иногда – английском); другие – были интересны. Кроме того, какое-то довольно продолжительное время с периодичностью в полчаса – час Макс вел диалоги – она слышала, естественно, только его реплики – с оставшимися на земле ЭТИМИ, кто бы они ни были на самом деле. А этого, как она поняла, не знали ни Макс, ни остальные.

Потом эти диалоги-монологи прекратились.

– Все, – с облегчением сказал Макс, вынимая из уха крохотный наушник. – Мы вышли из зоны действия их передатчика. *Finita la comedia*.

А еще потом она наконец увидела крейсер.

– Крейсер, – сказала Вика, и Лика стала лихорадочно шарить глазами по экрану, высматривая и не находя этот их звездный папеллац.⁵²

В конце концов крейсер нашелся. Оказалось, что это всего лишь крошечный оранжевый кружок, который начал пульсировать над правым плечом Виктории. Кружок пульсировал, постепенно надуваясь и превращаясь в оранжевый бублик, и в какой-то момент пустота в дырке от бублика породила крошечную сверкающую жемчужину, которая и сама, наполняясь массой и светом, сначала стала голубой фасолиной, а потом – чем-то вроде короткой толстой сигары зеленого цвета. Пожирая несчетные километры, «Сапсан» несся навстречу крейсеру, и тот стремительно увеличивался, рос, занимая все больше и больше места на ходовом экране их бота. И вскоре Лика увидела, что крейсер («Шаис», – напомнила она себе. – Он называется «Шаис») совсем не похож на то, каким она его себе представляла, а воображение ее ведь никуда дальше звездных войн и не шло. «Шаис» оказался похож на связку труб разной длины и напомнил ей папиросы дяди Бори, папиного дяди, который носил их в кармане пиджака такими вот связками по пять-шесть штук, схваченных посередине перекрученной резинкой. Насколько громадны составляющие «Шаис» «трубы», стало понятно, когда «Сапсан» приблизился к крейсеру вплотную. Несколько минут они летели вдоль одной из них, занявшей своей поверхностью всю площадь экрана, и поверхность эта, составленная из огромных коричневатых гладких плит, казалась при этом совершенно плоской. Потом в сплошной стене открылся устрашающих размеров зев, и сквозь эти великанские ворота они влетели в колоссальный слабо освещенный зал, где на подставках, похожих на кисти рук, лежали другие летающие тарелки. Лике показалось, что тарелки эти различаются и размерами и формой, но полной уверенности в этом у нее не было, так как «Сапсан» довольно быстро пролетел через зал, нашел пустую платформу и занял ее, после чего экран погас.

На этот раз они воспользовались другим люком, который открылся прямо в лифт. Макс отстегнул ее «спальник» от креплений бота и, не вынимая из него, взял Лиду на руки. Быть у него на руках стало для нее уже привычным.

– Я в рубку, – сказал Федор, первым выходя из бота. – А вы все к терапевту!

«Ну к терапевту так к терапевту», – устало подумала Лика.

Лифт оказался просто широким кругом в полу, выделенным лишь цветом да несколько приподнятым над уровнем пола. Никакого ограждения не было, но в третьем по счету лифте, в

⁵² *Папеллац* – это слово вошло в обиход после выхода на экраны фильма Г. Данелии «Кин дза дза». Так многие иронически-ласкательно называют транспортное средство, которым они владеют или управляют.

котором они уже не спускались, а поднимались, Лика все-таки разглядела, что во время движения лифт превращается во что-то, похожее на стакан, почти прозрачные стенки которого создает неяркое свечение голубоватого цвета. По-видимому, это было какое-то поле, обозначающее границы «стакана». Такое же свечение Лика увидела, когда они проходили по узкому невесомому мосту без перил, перекинутому на огромной высоте над самым настоящим парком – с озерцами и речками! – который она увидела далеко внизу. Голубое свечение ограничивало мост с обеих сторон.

А потом они вошли в небольшой круглый зал, отделанный белым и розовым мрамором. В стенах зала было прорезано семь дверей, через одну из которых они вошли. Все они были сделаны из полированного серебра. Во всяком случае, так показалось Лике, рассматривавшей все на крейсере с живейшим интересом. «Интересно, – горько усмехнулась Лика. – С чего бы это?»

– Так, – сказал Макс, озираясь. – И куда же теперь?

– Будем пробовать, – пожал плечами Вика и пошла к первой из дверей.

– Ну-ну, – ответил ей Макс, не трогаясь с места.

Между тем Вика дошла до первой из дверей и открыла ее, коснувшись чего-то невидимого Лике на поверхности самой двери. Дверь скользнула в стену, и Вика вошла в белую, насколько могла видеть Лика, комнату.

– Макс! – позвала Вика через секунду. – Идите сюда!

Макс без вопросов быстро прошел через зал и шагнул в проем двери. И Лика увидела, что они вошли в относительно небольшое пустое помещение, всю обстановку которого составлял довольно грубо вырубленный из серого камня саркофаг, предмет, более подходящий, скажем, для подвальных залов Эрмитажа, чем для суперсовременного космического крейсера.

– Это что, музей здесь? – спросила Лика.

– Да нет, – сразу ответил ей Макс, а Вика позвала, обращаясь в никуда:

– Федя, милый! Ты где?

– На посту! – ответил откуда-то из-под потолка Федор.

– Федя, – сказал Макс. – Будь добр, включи камеры и посмотри, что мы здесь нашли.

– Это какой уровень? – спросил Федор.

– Двадцать седьмой. Зал напротив лифта, – ответила Вика.

– Так. Сейчас. Минута. А, вот! Есть... да, дела!

– Ты что-нибудь знал? – спросил Макс.

– Ни сном ни духом. Вот тебе честное комсомольское! – выпалил Федор.

– Ладно. Учтем, – сказал на это Макс. – Ты там посмотри, может быть, все это как-то объясняется?

– Посмотрю, конечно, – ответил Федор. – Воистину, чудны дела твои, Господи.

– Аминь! – сказал Макс, и они снова вернулись в мраморный зал.

«Богато живут, сволочи», – грустно подумала Лика, у которой начали «замерзать» ступни ног и кисти рук. Сигнал был ясен – сейчас придет боль.

Они еще несколько минут простояли в зале – и боль уже успела прийти и зажить своей привычной жизнью внутри нее – пока Вика заглядывала во все подряд двери. Лика уже не слышала, да и не слушала, что там говорит Вика и что ей отвечает Макс. Боль поднималась, неумолимая, как океанский прилив, и Лика была занята сейчас только одним: она «держалась».

«Не кричать, – вот был ее простой девиз. – Не кричать! Ни за что!»

Если уж умирать, то хоть не...

Она уже почти потеряла сознание от боли. Перед глазами стояло красное море, в ушах – колокольный набат. Это оказалось последним, что она запомнила. Потом была только тьма...

Глава 11. Что мы имеем с гуся

Он смертельно устал. Даже для его нового старого тела такие нагрузки были чрезмерны. Пятый день без нормального сна и отдыха, на ногах и на нервах, а ведь еще и побегать пришлось, и пострелять, и изверги эти...

«Не надо ля-ля, уважаемый Виктор Викентьевич, – сказал он себе, обрывая готовое стать бесконечным перечисление бед и напастей. – Списочек и длиннее изобразить можно, только ведь не в реестрике дело, не правда ли?»

Он встал из-за пульта и прошелся по просторной рубке. Места здесь было много, хоть отбавляй. Рубка была рассчитана на полтора десятка человек, но сейчас он был здесь один. Один на один с собой и с громадой крейсера. Правда, есть еще двое, где-то там, в дальней дали жилых отсеков. Объективно, не двое даже, а трое, но Лику в расчет можно не брать. Девочке хотя бы выжить, и то будет чудо, а в управлении кораблем она, по любому, не помощник. Значит, остаются они трое. Трое рядовых необученных на все про все и вершина инженерного гения империи – ударный крейсер «Шаис». Виктор таких кораблей не водил никогда. Он вообще никогда не рулил ничем крупнее штурмового бота. У него ведь и другие задачи имелись, а для всего прочего на борту всегда команда была. Коки там разные, да штурмана с академией за плечами... много народу, много должностей. На такой лайбе экипаж под тысячу лбов должен быть. Не меньше. А их трое. Виктор знал, конечно, как управляться с крейсером, но только в принципе, а не в частностях. Макс и Вика больших кораблей тоже не водили. Их уровень – яхты, скутеры, а тут...

Он достал пачку «Кента», уворованную еще в Норвегии, да так и завалившуюся в кармане рубашки, и закурил, глядя в огромный ходовой экран, как в великанское окно, прорезанное прямо в открытый космос. За последние шесть часов скорость крейсера ощутимо возросла, но в положении звезд никаких видимых изменений еще не произошло. «И не должно, по идее», – тоскливо подумал Виктор, возвращаясь в кресло шеф-пилота.

На душе было беспокойно, пасмурно. Маята какая-то ощущалась. Неудобство. Эйфория начального этапа рекондиционирования прошла. Прошло опьянение внезапно вернувшейся молодостью и всем, что с этим связано. Пришло похмелье. Угар. Умом Виктор понимал, что это ответ организма на сопряженный стресс, вызванный взрывной перестройкой физиологии и боевым напряжением. Умом понимал, но легче не становилось, да и не только в этом было дело. Психологию ведь тоже из расчетов не выбросишь. Сама обратно влезет, продажная девка империализма.

В прошлый раз, когда со звезд на Землю вернулся, такого не было. Было бы, запомнил. Но ничего эдакого не вспоминалось. Когда вернулся, как будто заново родился. Вроде бы все помнил, что и как там, на звездах, было, в империях и империях, но только смутно помнил, как под наркозом. Потому и жизнь новую начинал легко и весело, как и положено, когда живешь в первый и последний раз. Теперь же все было по-другому. Иначе, сложнее, мучительнее. Ведь это только представить! Жил-был человек. Дело делал, любил, страдал, воевал, да мало ли чем он только ни занимался при его-то биографии. Потом состарился, приготовился помирать, давно свыкнувшись с идеей конечности человеческих сроков, а тут раз – и в дамки. Призыв, набат и все такое. И закрутилось колесо перемен, стремительных и неожиданных, заодно походя ломая и корежа построенную годами праведных и неправедных трудов психологию Федора Кузьмича. Да что там психология! А волосы, а зубы? Вроде радоваться надо. Плясать и песни петь, но это как посмотреть. Когда полезли зубы, свои, настоящие, о существовании которых давно успел забыть, Виктор чуть не взвыл. «Бедные детки!» – думал он тогда, несясь на встречу с Максом во Флоренцию. О волосах и говорить нечего. Голова чесалась так, что хоть сам собственный скальп снимай. «Да нет, – сказал он себе. – Это ты, брат, загибаешь. Терпел и радовался. Не

вали все в кучу. Есть вещи и посильнее «Фауста» Гете. Есть, есть. Он семьдесят лет прожил, как Федор Кузьмич. А теперь он кто? Или что? Всплыл из небытия и уже никуда не хотел уходить, казалось, навсегда вычеркнутый из списка живых мальчик Витя Дмитриев, и это было скорее хорошо, чем плохо, хотя и больно, чего уж тут. Но только это не все. Из совсем другого небытия начали прорасти в нем аназдар Абель Вараба, черный полковник, верк командира Гарретских стрелков⁵³; и другой Вараба, второй второй Правой руки императорского Легиона. И это в нынешних обстоятельствах было не просто хорошо, а жизненно необходимо.

Но, с другой стороны, все эти личности, прораставшие в нем, теснившиеся и конкурирующие, буквально разрывали его на части, норовя превратить его, Виктора, черт знает в кого или во что. Возможно, именно поэтому он и цеплялся за образ Феди, Федора Кузьмича, с которым худо-бедно, а прожил, почитай, семьдесят лет; с которым ему было хорошо и уютно; к которому он просто привык за долгие и непростые годы своей последней (или теперь уже предпоследней?) жизни.

«Выпить бы сейчас», – с тоской подумал Виктор. Идея ему, однако, понравилась, но реализация ее, к сожалению, зависела не от него. «Но нет таких крепостей, – сказал он себе твердо, – которых большевики не могли бы взять». Виктор повернулся к вспомогательному пульту справа от себя и запустил поисковую программу. Вычислитель довольно быстро – в считанные секунды – обнаружил Макса в одной из кухонь жилой зоны. Макс методично перекладывал в холодильник продукты, доставленные с бота сервисными роботами. Обычное, в общем-то, дело. Роботы услужливы и исполнительны, но глупы. Замудохаешься объяснять этим вундеркиндам, почему мороженых курей надо класть в одно место, а ветчину – совсем в другое, если, конечно, на них не стоит аханская маркировка.

– Привет, Геракл! – сказал Виктор бодро.

– Соскучился? – не оборачиваясь – а куда ему, собственно, оборачиваться? – ответил Макс.

– Вот именно, – согласился Виктор. – Как там наша девочка?

– Комплекс работает, – пожал могучими плечами Макс. Он, как нарочно, задержался, рассматривая какую-то аппетитно выглядящую бутылку. – Сказал, пока не беспокоить. – Макс поставил бутылку в стенной шкаф.

– Что это у тебя? – запоздало спросил Виктор.

– Виски шотландский «Чивас Ригал». Выпить хочется? – Макс перенес на ту же полку еще несколько бутылок.

– Хочется, – не стал отрицать Виктор.

– Потерпи, – с пониманием откликнулся Макс, не перестававший тем не менее методично расставлять по местам «покупки». – Закончу, принесу.

– А когда ты закончишь?

– Ну, – Макс окинул оценивающим взглядом оставшееся несделанным, – полчаса. И... да. Пятнадцать минут.

– Не понял, – опешил Виктор. – Так полчаса или пятнадцать минут?

– Полчаса, чтобы все разложить, – обстоятельно объяснил Макс, выкладывая в холодильник большие плитки швейцарского шоколада. – И еще пятнадцать минут, приготовить закуску. Бутерброды сделаю... еще что-нибудь.

– Ладно, – согласился Виктор с обстоятельствами. А что ему, если подумать, оставалось?

– А Вика где? – спросил он.

– Полагаю, чистит перья, – не отвлекаясь от процесса, сказал Макс. – Я ее отпустил.

– Спасибо.

– Не за что.

⁵³ *Гарретские стрелки* – один из трех именных гвардейских полков Аханской империи. Спецназ гвардии.

– Ну бывай! – сказал Виктор и стал искать свою даму Йя.

Виктория нашлась так же быстро, как и Макс. Она стояла под душем, с видимым удовольствием подставляя свое божественное тело под тугие струи воды.

– Камеры в ванной следует отключать, – ворчливо заметил Виктор, любуясь своей Викторией.

– В самом деле? – Она не вздрогнула и даже не удивилась. – Но тебе же нравится?

– Мне нравится, – с нажимом на мне сказал Виктор.

– Вот и любуйся, – ответила дама Йя, поворачиваясь к нему спиной. – Ты с какой стороны?

Виктор усмехнулся и переключился на другую камеру.

– Я везде, – с усмешкой объяснил он.

– Это облегчает мою задачу, – улыбнулась Вика, снова поворачиваясь к нему задом.

– Вика, ты знаешь, что все бабы стервы?

– Не все, – возразила Виктория, выключая душ. – Но ты прав, милый. У Жирных Котов стервозность стала частью генотипа. – Она взяла полотенце и начала вытираться.

Она ему нравилась. Это правда. И смотреть на нее было чистым удовольствием. Виктор усмехнулся, представив, в какой экстаз пришли бы любители глянцевого журнала для мужчин, представься им только случай увидеть Викторию, стоящую под душем или вот так, как сейчас, вытирающуюся после него. Хотя по возрастной категории она в модели «Космополитена» не годилась – ближе к тридцати, чем к двадцати. Но у дамы Йя было удивительное сложение. Сильные, тренированные мускулы профессионального игрока в Жизнь были практически незаметны. Только плавные линии, гладкая матовая кожа и соблазнительные выпуклости ровно там, где надо, и столько, сколько надо, там и тут. А еще пепельного цвета волосы, не крашенные, а редкого природного происхождения, удлиненное лицо и огромные серые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.